

А.Б. Петрова,
Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского (Калуга)

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

№ 3 (16) / 2024

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ:
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

**Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
(ИНИОН РАН)**

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 3 (16) / 2024

**ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ:
НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ**

Издается с 2020 г.

Выходит 4 раза в год

**Составитель номера –
*д-р соц. наук А.Ю. Казакова***

**Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)**

**SOCIAL NOVELTIES
AND
SOCIAL SCIENCES**

Scholarly journal

№ 3 (16) / 2024

**TRANSFORMING THE URBAN ENVIRONMENT:
NEW TRENDS AND OLD PROBLEMS**

Published since 2020

Issued quarterly

Issue editor –

Kazakova A.Yu., DrS Soc. Sci.

Учредитель:
Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)

Редакция

Главный редактор: О.В. Большакова – д-р ист. наук

Заместитель главного редактора: М.А. Положихина – канд. геогр. наук

Ответственный секретарь: И.А. Чувычкина, PhD

Редакционная коллегия: *Борисоглебская Л.Н.* – д-р экон. наук, канд. техн. наук (Орел, Россия); *Быков А.А.* – д-р экон. наук (Беларусь); *Гребениčkова Е.Г.* – д-р филос. наук (Москва, Россия); *Долгов А.Ю.* – канд. социол. наук (Москва, Россия); *Казакова А.Ю.* – д-р социол. наук (Москва, Россия); *Коровникова Н.А.* – канд. полит. наук (Москва, Россия); *Манучарян М.Г.* – канд. экон. наук (Армения); *Мелешкина Е.Ю.* – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Николаева У.Г.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Погосян Г.А.* – д-р социол. наук, академик НАН РА (Армения); *Смирнов С.Н.* – д-р экон. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет: *Кузнецов А.В.* – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (Москва, Россия); *Ефременко Д.В.* – д-р полит. наук (Москва, Россия); *Акбердина В.И.* – чл.-кор. РАН, д-р экон. наук (Екатеринбург, Россия); *Алферова Е.В.* – канд. юрид. наук (Москва, Россия); *Батцэнгэл Хуухээ* – д-р экон. наук (Монголия); *Бровко Н.А.* – д-р экон. наук (Кыргызстан); *Додонов В.Ю.* – д-р экон. наук (Казахстан); *Кашепов А.В.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Лоскутова И.М.* – д-р социол. наук (Москва, Россия); *Макашева Н.А.* – д-р экон. наук (Москва, Россия); *Мысливец Н.Л.* – канд. социол. наук (Беларусь); *Петров В.Н.* – д-р социол. наук (Краснодар, Россия); *Покровский Н.Е.* – д-р социол. наук, канд. филос. наук (Москва, Россия); *Прокапало О.М.* – д-р экон. наук (Хабаровск, Россия); *Файзуллоев М.К.* – д-р экон. наук (Таджикистан); *Чепель С.В.* – д-р экон. наук (Узбекистан); *Чжан Шухуа* – PhD (Китай)

ISSN 2712–7826

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.00

© ИНИОН РАН, 2024

Founder:
Institute of Scientific Information for Social Sciences
of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Editorials

Editor-in-Chief:
Olga Bolshakova, DrS. (Hist. Sci.)

Deputy editor-in-chief:
Maria Polozhikhina, PhD (Geogr. Sci.)

Executive secretary:
Inna Chuvychkina, PhD

Editorial board: *Borisoglebskaya L.N.*, DrS Econ., PhD Tech. Sci. (Orel, Russia); *Bykov A.A.*, DrS Econ. Sci. (Belarus); *Grebenshchikova E.G.*, DrS Philos. Sci. (Moscow, Russia); *Dolgov A.Yu.*, PhD Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Kazakova A.Yu.*, DrS Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Korovnikova N.A.*, PhD Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Manucharyan M.D.*, PhD Econ. Sci. (Armenia); *Meleshkina E.Yu.*, DrS Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Nikolaeva U.G.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Pogosyan G.A.*, Academician of the Armenian National Academy of Sciences, DrS Soc. Sci. (Armenia); *Smirnov S.N.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia)

Advisory board: *Kuznetsov A.V.*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Efremenko D.V.*, DrS Polit. Sci. (Moscow, Russia); *Akberdina V.I.*, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DrS Econ. Sci. (Yekaterinburg, Russia); *Alferova E.V.*, PhD Law Sci. (Moscow, Russia); *Battsengel Huuhee*, DrS Econ. Sci. (Mongolia); *Brovko N.A.*, DrS Econ. Sci. (Kyrgyzstan); *Dodonov V.Yu.*, DrS Econ. Sci. (Kazakhstan); *Kashepov A.S.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Loskutova I.M.*, DrS Soc. Sci. (Moscow, Russia); *Makasheva N.A.*, DrS Econ. Sci. (Moscow, Russia); *Myshlivets N.L.*, PhD Soc. Sci. (Belarus); *Petrov V.N.*, DrS Soc. Sci. (Krasnodar, Russia); *Pokrovsky N.E.*, DrS Soc. Sci., PhD (Moscow, Russia); *Prokapalo O.M.*, DrS Econ. Sci. (Khabarovsk, Russia); *Fayzulloev M.K.*, DrS Econ. Sci. (Tajikistan); *Chepel S.V.*, DrS Econ. Sci. (Uzbekistan); *Zhang Shuhua*, PhD (China)

ISSN 2712–7826

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.00

СОДЕРЖАНИЕ

Представляем номер	7
--------------------------	---

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

<i>Шульгин Павел Матвеевич, Штеле Ольга Евгеньевна</i> Картографирование наследия города как инструмент сохранения и использования его историко-культурного потенциала (методические подходы и практическое воплощение)	12
<i>Крузе Юлия Львовна</i> Символический капитал населенных мест как ресурс для развития локальных сообществ и креативных индустрий	26
<i>Гутова Светлана Георгиевна, Самохина Наталья Николаевна</i> Проблемы формирования социокультурной среды северного города	44
<i>Литвинцев Денис Борисович</i> Жилищная прекарность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России	55

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

<i>Федотовских Александр Валентинович</i> Человеко-машинное взаимодействие в контексте развития городской беспилотной авиации	66
<i>Казакова Анна Юрьевна</i> Модель городского транспорта в концепции Cittàslow	84

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

<i>Дымова Полина Игоревна, Домбровская Анна Юрьевна</i> Измерение социального самочувствия горожан по цифровым маркерам: апробация методики	94
<i>Рыжкова Елена Александровна</i> Почему я здесь живу? Исторический центр Самары глазами резидента	108
<i>Двойнев Василий Владиславович</i> Городская идентичность и туристическая привлекательность урбанистического пространства: опыт социологического исследования	124

CONTENTS

Introducing the issue	7
-----------------------------	---

THE SPACE OF DISCOURSE

<i>Shulgin P., Shtele O.</i> Mapping the city's heritage as a tool for preserving and using its historical and cultural potential (methodological approaches and practical implementation)	12
<i>Kruse Yu.L.</i> The symbolic capital of inhabited places as a resource for the development of local communities and creative industries	26
<i>Gutova S.G., Samokhina N.N.</i> Problems of forming the socio-cultural environment of a northern city	44
<i>Litvintsev D.B.</i> Housing precarity in developed countries: a review of research and an assessment of their significance for Russia	55

POINT OF VIEW

<i>Fedotovskikh A.V.</i> Human-machine interaction in the context of development urban unmanned airmobility	66
<i>Kazakova A.Y.</i> The urban transport model in the Cittàslow concept	84

HUMAN FACTOR

<i>Dymova P.I., Dombrovskaya A.Yu.</i> Measuring social well-being of city dwellers by digital markers: testing the methodology	94
<i>Ryzhkova E.A.</i> Why do I live here? The historical center of Samara through the eyes of a resident	108
<i>Dvoinev V.V.</i> Urban Identity and Tourist Appeal of Urban Spaces: A Sociological Study	124

ПРЕДСТАВЛЯЕМ НОМЕР

Настоящий тематический номер журнала «Социальные новации и социальные науки» подготовлен по материалам Всероссийской научной конференции «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы», проведенной на базе Института искусств и социокультурного проектирования Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского (Калуга) при поддержке Института научной информации по общественным наукам РАН (Москва) 23–24 мая 2024 г. В конференции приняли участие представители научных организаций и университетов, заинтересованные специалисты-практики из Калуги, Москвы, Екатеринбурга, Ставрополя, Улан-Удэ, Великого Новгорода, Санкт-Петербурга, Иркутска, Смоленска, Тулы, Перми, Самары, Челябинска, Новосибирска, Нижневартовска, Петрозаводска, Казани.

Несмотря на множество исследований социальных процессов, протекающих в городской среде, разнообразных вариантов урбанизма в современном обществе и российских городах, конференция не прошла незамеченной. Сообщения о ней появились в материалах региональных СМИ¹, в новостных материалах на официальных сайтах учреждений, где работают организаторы² и участники³ мероприятия, а также в отраслевой социологической периодике⁴. Наличие откликов можно связать с определенной научной новизной выступлений. Докладчики нередко обращались к малоизученным темам, опираясь при этом не только на данные полевых исследований, но и на собственный опыт внеакадемической практической деятельности. Например, город как экосистема, включающая в себя не только рукотворные ландшафты и человека, но и животных, рассматривался в докладе «Животные в городе» сотрудников благотворительного Фонда защиты городских животных Е.С. Дмитриевой и К.А. Кузьмичевой. В докладе «Десять лет трансформации городской среды: оценка целевых программ по финансированию комфортной городской среды» канд. экон. н., доцента кафедры экспертизы и управления недвижимостью Казанского государственного архи-

---

¹ Всероссийская научная конференция «Преобразование городской среды» прошла в Калуге (Россия: ГТРК «Калуга». 24 мая 2024 13:22). – URL: <https://gtrk-kaluga.ru/news/obschestvo/news-47778>

² Всероссийская научная конференция «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы» (ИНИОН РАН/Институт/Новости. 27.05.2024 18:00). – URL: <https://inion.ru/ru/about/news/vserossiiskaia-nauchnaia-konferentciia-preobrazovanie-gorodskoi-sredy-novye-tendencii-i-starye-problemy-1/>

³ Картографирование как способ сохранения культурного наследия. Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала НИУ ВШЭ/Новости. 29 мая 2024. – URL: <https://ncmu.hse.ru/news/927729413.html>

⁴ Винокурова А.В. «Преобразование городской среды: новые тенденции и старые проблемы»: о всероссийской научной конференции в Калуге // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2024. – № 2 (69). – С. 168–170.

тектурно-строительного университета И.Ф. Гареева и эксперта в области благоустройства городских и природных территорий, члена Союза архитекторов РФ Э.П. Губеева город предстает как совокупность муниципальных проектов, где через соотношение направляемых на те или иные объекты финансовых потоков прослеживается господствующая модель благоприятной среды, как ее представляют себе управленцы, сити-менеджеры, инвесторы. Опыт пандемии как стресс-фактор, резко изменивший существование самых молодых и самых пожилых горожан и потребовавший не только перестройки образа жизни и поиска резервов для адаптации, но и нового взгляда на ближайшую окружающую их среду (дом, двор, социальные связи, сети социальной поддержки и информационные сети), продолжает осмысливаться столичными социологами. На конференции прозвучали доклады «Повседневные практики городской молодежи в период пандемии COVID-19» канд. соц. н. М.А. Ядовой (ИНИОН РАН, Москва) и «Город в период пандемии в жизни пожилых людей и адаптация к новым условиям» канд. соц. н. К.А. Галкина (ФНИСЦ СПб. РАН); обучающий потенциал малых архитектурных форм и игровых пространств; (доклад канд. полит. н., доцента кафедры теории и методики дошкольного, начального и специального образования КГУ им. К.Э. Циолковского О.А. Павловой «Преобразование городской среды в контексте расширения математических представлений и создания пространства не только для своих»); психологические аспекты городской колористики (доклад «Цветовой комфорт для людей с аутизмом» смоленских ученых Ю.А. Грибер и Г.В. Элькинда); виды, источники и эффекты городского вандализма (три доклада сотрудников лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета О.В. Кружковой, С.Д. Робина, М.Р. Бабиковой); условия эффективной адаптации к городу иностранных студентов (доклад «Социокультурная адаптация иностранных студентов как механизм гармонизации отношений в условиях городской среды (на примере вузов города Перми)» канд. филос. н., доцента кафедры социальной работы и конфликтологии юридического факультета ПГНИУ Р.И. Щукиной; причины одиночества горожан (доклад «Одиночество в городе: к социальным контурам феномена» канд. соц. н., доцента департамента социальных наук ДВФУ А.О. Панфиловой). Это далеко не полный перечень тем, которые озвучивались в докладах.

В данный выпуск журнала «Социальные новации и социальные науки» включены материалы, которые в наибольшей степени соответствуют заявленной теме и отражают «динамический» взгляд на состояние городских социопространственных ансамблей. Авторский состав неоднороден. Выпуск объединил состоявшихся ученых и молодых исследователей, занимающихся научной и преподавательской деятельностью, представляющих такие области научного знания, как социология, философия, право, география, экономика; регионы: Москва, Нижний Новгород, ХМАО-Югра, Новосибирск, Тула, Самара, Смоленск. Сходство предлагаемых читателю работ заключается в том, что все авторы пытаются увидеть в настоящем и отголоски ушедших эпох, и ростки ин-

---

новационных решений, определяющих футуристическую перспективу городской жизни. Эти выступления были представлены на секциях: «Мы и город: идентичность, любовь, ностальгия», «Сообщества и качество жизни», «Традиции и новации, наследие и креатив» и «Медиатехнологии в городской жизни». Традиционная для социологии города тематика идентификации с территорией, интериоризации значимых событий городской истории, материализованных в архитектуре, планировке, поведенческих практиках и во всей совокупности эмоционально нагруженных мест, преломляется в работах авторов выпуска в вариантах конкретных практико-ориентированных решений и прикладных разработок, что позволяет реализоваться преобразовательной функции науки. Хорошо известные теории и понятия социологии авторы рассматривают в непривычном контексте пространства жизненной среды горожан. Прекарность из области социологии труда и занятости переносится в область жилищной социологии и социальной психологии городского поселения в целом. Символический капитал территории не просто реконструируется, но предстает как эконометрически определенный объект менеджмента. Цифровые технологии, формирующие основу существования «умного города», по-разному раскрываются в области социологического измерения социального самочувствия горожан для принятия управленческих решений и в области транспортного сообщения, позволяющего обеспечить комфортное сосуществование темпоритмов «быстрого города» и «медленного города».

Первую, традиционную, рубрику номера – **«Пространство дискурса»** – открывает статья *П.М. Шульгина и О.Е. Штеле* (НИУ ВШЭ), в которой природное и культурное наследие рассматривается как особая сфера городской жизни, индикатор ее качества и один из важнейших источников развития города. Авторы описывают существующие подходы к картографированию наследия и приводят созданные ими образцы конкретных картографических решений «энциклопедического» типа, которые служат важным инструментом сохранения и использования историко-культурного потенциала, особенно в условиях малых и средних городов.

Дальнейшее использование этого потенциала на региональном материале Нижегородской области рассматривается в статье *Ю.Л. Крузе* (Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет) о капитализации символических ресурсов через ряд мероприятий, где символический капитал становится основой построения бизнес-цепочек. Автор наглядно демонстрирует процесс формирования «экономики наследия» на базе историко-культурного потенциала территории. Важный вывод автора – благотворность этого процесса не только для городских, но и для сельских муниципалитетов, где креативные индустрии вырастают непосредственно из традиций народных промыслов и потому, с одной стороны, служат оживлению хозяйственной жизни села, снижению безработицы, а с другой – делают это экологично, без избыточной модернизационной нагрузки на уклад и ритм сельской жизни.

В следующей статье раздела за авторством *С.Г. Гутовой* и *Н.Н. Самохиной* (Нижегородский государственный университет) проблема социокультурного оскудения российских северных городов под влиянием выездной миграции предстает с неожиданным акцентом на формирующемся образе маргинальной среды, которая становится доминирующим типом городской культуры в искусственно создаваемой «квазигородской» среде. Привлекательный для трудовой миграции регион изначально наделен устойчивыми чертами прекарности – и с точки зрения занятости, и с точки зрения самоощущения его жителя. В «прекарном» городе, лишенном привязанности жителей, крайне сложно остановить их постоянные ротации.

В полном объеме тема прекарной среды раскрывается в теоретико-методологической статье *Д.Б. Литвинцева* (Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет). В ней автор убедительно демонстрирует и актуальность, и релевантность, и эвристичность применения концепта прекарности к жилищным отношениям, прослеживая историю вопроса и обозначая важнейшие производные от жилищной прекарности социальные проблемы: вынужденная территориальная мобильность, сегрегация, низкое качество жизни.

Второй раздел журнала – **«Точка зрения»** – посвящен изменениям в городском транспортном сообщении.

А.В. Федотовских (Колледж московского транспорта), отталкиваясь от собственного опыта преподавателя-инструктора авиационного учебного центра, рассматривает историю внедрения городской аэромобильности как новой технологии беспилотного перемещения грузов и – в перспективе – людей в воздушном пространстве над урбанизированными территориями (такая цель уже закреплена в Стратегии развития беспилотной авиации РФ и дополняет проект «Умный город»). В своем обзоре автор не только рассматривает устройство беспилотных авиационных систем, но и оценивает возможные социальные эффекты инновации.

Альтернативная технологии ускорения транспортных коммуникаций концепция «медленного города», пока мало представленная в отечественной научной литературе, рассматривается в обзоре *А.Ю. Казаковой* (ИНИОН РАН). В основе данной концепции лежит цель замедления темпов городской жизни, включая множество ее компонентов, каждый из которых определяется как «медленный»: еда, транспорт, сервис, работа, туризм и пр. Концепция призвана не только снизить экологические риски проживания в городах, но и сохранить их культурное своеобразие.

Последний раздел номера – **«Человеческий фактор»** – также начинается статьей методологического характера. В ней излагаются результаты апробации инновационной методики автоматизированной («киберметрической») оценки социального самочувствия населения той или иной территории (в данном случае опытным полем выступает Тульская область) без использования традиционного для решения такой задачи опроса – по цифровым следам. Соавторы – *П.И. Дымова* (Тульский государственный университет) и *А.Ю. Домбровская* (Центр политических исследований

Финансового университета при Правительстве РФ) – модифицируют шкалу достаточности социальных благ, применяя ее, вместо массива ответов на вопросы формализованной анкеты, к текстовому массиву документов, спонтанно возникших в результате коммуникативной деятельности интернет-сообществ.

Е.А. Рыжкова (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева) проверяет гипотезу о кластеризации территорий и людей, т.е. их уподобления друг другу в результате постепенного сосредоточения людей со сходными свойствами на одной территории, позволяющей осуществлять нужную им активность. На основе качественных интервью с жителями исторического центра Самары автор выделяет в нарративах те признаки самоописаний, которые составляют основу их идентичности и, соответственно, сущность восприятия территории, которая их объединяет.

В.В. Двойнев (Смоленский государственный университет) тоже ищет специфику городской идентичности Смоленска, определяя на основе группового экспертного опроса тот ее тип, к которому тяготеет восприятие города – рациональный или эмоциональный, – и выделяя те элементы туристской инфраструктуры, которые позволят воплотить городскую идентичность в конкретно-чувственных образах.

Материалы номера далеко не исчерпывают того богатства тем, которые могут быть рассмотрены при изучении процессов социальной и социокультурной динамики современных городов. Многие из них не являются и завершенными исследованиями, поскольку авторы находятся на подступах к выработке теоретической и методологической базы для анализа интересующего их проблемного поля. Вместе с тем новизна тем и (или) примененных методических подходов позволяет ожидать, что предложенный номер дополнит современные научные представления об основных тенденциях городского развития и будет содействовать дальнейшему обмену научными идеями в этой сфере.

А.Ю. Казакова

ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА

УДК 912.43

КАРТОГРАФИРОВАНИЕ НАСЛЕДИЯ ГОРОДА КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЕГО ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПОТЕНЦИАЛА (МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ)*

Шульгин Павел Матвеевич

кандидат экономических наук, заведующий Центром комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; pshulgin@hse.ru

Штеле Ольга Евгеньевна

кандидат географических наук, ведущий эксперт Центра комплексных региональных программ социально-культурного развития Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; oshtele@hse.ru

***Аннотация.** Картографирование культурного наследия является сравнительно новой сферой картографической практики. Составление карт историко-культурного и природного наследия городских поселений можно рассматривать как задачу представления энциклопедической информации, обобщающей результаты разностороннего изучения наследия города. В настоящее время таких карт практически не существует, и наследие как особая сфера городской жизни, качественный ее индикатор и потенциал развития города, не получает адекватного отражения. Сформулированы задачи создания подобных картографических произведений, подходы к карто-*

---

* Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022–325 от 25.04.2022).

графированию наследия; демонстрируются образцы созданных карт для малых и средних исторических городов.

Ключевые слова: объекты культурного и природного наследия; наследие исторического города; картографирование наследия.

Для цитирования: Шульгин П.М., Штеле О.Е. Картографирование наследия города как инструмент сохранения и использования его историко-культурного потенциала (методические подходы и практическое воплощение) // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 12–25.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.01

Рукопись поступила: 17.06.2024

Принята к печати: 20.08.2024

Введение

Культурно-историческое и природное наследие является важнейшим компонентом городской среды. Это во многом «визитная карточка» любого города, то, что играет особую роль в сохранении самобытности и уникальности городского поселения, привлекает сюда посетителей и является основой развития туристской сферы.

В то же время наследие может и должно рассматриваться в качестве специфического экономического ресурса города. Грамотно используемый потенциал наследия может стать основой формирования новой отрасли специализации, превратиться в градообразующую функцию городского поселения. Это особенно важно для небольших исторических городов, для которых наследие может стать своего рода драйвером экономического и социального развития, фактором выхода города из депрессивного состояния [Шульгин, 2019, с. 8–31].

Наследие городов многогранно, но, как правило, выявлено не в полной степени, не имеет должной степени учета в официальных органах охраны наследия и, соответственно, должной защиты и государственной охраны. Более того, официальная статистика лишь в малой степени отражает реальный потенциал городского историко-культурного и природного наследия. Количество достопримечательных объектов, мемориальных зданий и мест, зданий, представляющих архитектурный интерес, культурно-ландшафтных городских объектов в несколько раз превосходит то число памятников истории и культуры, которые были внесены официальными органами в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации и приняты на государственную охрану [Шульгин, Штеле, 2022, с. 7–32].

Подходы к картографированию наследия

Достаточно искаженную картину наследия давали туристские карты советского времени. В них не указывались многие церковные постройки, в качестве исторических памятников были показаны только идеологически соответствующие тогдашней государственной политике, практически не учитывалась архитектура конца XIX – начала XX в. а как не представляющая художественной ценности.

Современные карты свободны от идеологических ограничений, но подаваемая в них информация зачастую является просто набором случайных данных. Ярким негативным примером является информационная схема Тобольска, изданная местной крупнейшей нефтегазохимической компанией СИБУР, которая распространялась в гостиницах, музеях, на других социальных объектах

города. При этом количество отмеченных на ней достопримечательных объектов составляет всего лишь около десяти единиц, что полностью искажает и обедняет представление о реальном культурном потенциале этого старейшего сибирского города.

Во многих городах на учете стоят выдающиеся памятники истории и культуры, но, например, практически не принята на охрану архитектура эклектики конца XIX века, памятники советской архитектуры 1920–1950-х годов, рядовая застройка небольших исторических городов. В официальных списках объектов культурного наследия мы практически не увидим объектов производственной архитектуры, почти не встречается там и традиционная деревянная застройка малых городских поселений (которая фактически уничтожается и сносится на протяжении последних трех десятилетий).

Практически нигде не учтены культурно-ландшафтные объекты, составляющие важную часть восприятия многих малых исторических городов. Мало где сохраняются исторические участки дорог и улиц с традиционным мощением (булыжник, брусчатка, белый камень). Долгое время не рассматривались в качестве памятников истории и культуры объекты нематериального культурного наследия, а также историческая топонимика улиц и отдельных городских частей и урочищ.

Одной из первостепенных задач для сохранения историко-культурного потенциала городов является формирование полного перечня объектов наследия, который может быть представлен в картографическом виде, что обеспечивает наглядность, привязку объектов, позволяет поставить конкретные претензии и требования к градостроительным планам. При этом задача создания карт культурного и природного наследия исторических (и не только исторических) городов рассматривается как формирование своего рода энциклопедического картографического произведения, обобщающего результаты разностороннего изучения культурного и природного наследия города.

В настоящее время массовой практики составления подобных систематизированных и энциклопедических карт не существует, и наследие как сфера городской жизни, качественный ее индикатор и потенциал развития города не получает адекватного отражения в доступной картографической продукции. Вместе с тем за последние два десятилетия были сформулированы четкие принципы подобного картографирования [А.А. Лютый и картографирование..., 2003], нашедшие, в частности, практическое выражение в работе по подготовке карт культурного наследия для Национального атласа России (том 4 «История. Культура») [Национальный атлас..., с. 217–496] и в составлении карт наследия для ряда исторических городов и территорий [Ельчанинов, 2017, с. 48–66].

Примеры новых карт наследия исторических городов

Показателен пример небольшого города Ишим в Тюменской области. Город имеет богатую историю и обладает интересными архитектурными памятниками (от памятников сибирского ба-

рококко до памятников советского конструктивизма). Однако всего на территории города учтено только 26 памятников, эта цифра включает в себя как стоящие на государственной охране объекты культурного наследия, так и выявленные. Исследования местных краеведов, подтвержденные заключениями специалистов, позволили представить на территории Ишима более 200 значимых объектов наследия [Парамонова, 2021, с. 110–124].

Показанные на карте Ишима объекты наследия имеют следующую структуру [Ишим, 2019]:

1. Памятники архитектуры и градостроительства, которые в свою очередь подразделяются на следующие категории:

- сибирское барокко;
- классицизм;
- историзм;
- «кирпичный стиль»;
- модерн и неоклассицизм;
- конструктивизм;
- советский неоклассицизм.

2. Исторические объекты и памятные места, в том числе:

- связанные с историческими событиями и именами;
- с ишимским крестьянским восстанием;
- памятные места военной истории.

3. Памятники монументального искусства и памятные знаки.

4. Имя П.П. Ершова на карте города (знаменитый русский поэт, автор сказки «Конёк-Горбунук») родился в селе Безруково рядом с Ишимом).

5. Природные объекты.

6. Учреждения культуры – хранители наследия.

7. Исторические границы.

8. Историческая топонимика.

Также на карте показаны объекты туристской и социальной инфраструктуры: гостиницы, рестораны, кафе, основные торговые центры и пр. (рис. 1).

Для карты была разработана специальная легенда и система условных обозначений, отражающая структуру выбранных объектов наследия. При этом были использованы различные формы размещенных на карте значков, их цветовая гамма, что позволило наглядно выделить, разделить и представить полный свод размещенной на карте информации о культурном и природном наследии Ишима. Также использовались другие возможности картографического изображения, например: различные исторические границы, показанные разным цветом; исторические названия, выделенные особым шрифтом; современная топонимика, также выделенная шрифтом и цветом надписей.

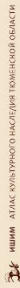

Рис. 1. Карта культурного наследия Ишима

В целом карта культурного наследия Ишима была сформирована на одном листе, где были представлены: собственно карта (в масштабе 1: 18 000), условные обозначения, полный перечень показанных на карте объектов (включающий около 250 наименований), а также отдельная картографическая врезка на центральную часть города [Ишим, 2019]. На обороте листа карты помещена краткая информация об Ишиме и фотографии наиболее интересных достопримечательностей (рис. 2).

Карта активно используется местными учреждениями культуры и краеведами для культурно-просветительной работы и проведения образовательных экскурсий и специальных уроков, для информирования туристов. Отдельно выполнен упрощенный вариант карты (с показом меньшего количества объектов) для предварительного знакомства с городом, который может распространяться в гостиницах, туристических агентствах, использоваться в рекламных целях.

Разработанная легенда картографических изображений может быть усложнена при показе на листе карты, например, одновременно с объектами наследия также и их датировки. Для этого к системе условных обозначений добавляется цветовая гамма, отражающая время создания того или иного памятника архитектуры, археологии или время исторических событий (рис. 3). Однако на примере карты Ишима подобная детальная датировка не потребовалась.

Елабуга является одним из интереснейших исторических городов бассейна Камы. Ее архитектурное и историческое наследие создает славу не только Республике Татарстан, но и России в целом. Богатство и разнообразие его архитектурных памятников, интересные исторические события, персоналии, связанные с этим городом (И.И. Шишкин, Н.А. Дурова, М.И. Цветаева и др.), особая живописность ландшафта, – все это создало уникальные условия для формирования здесь историко-культурной заповедной территории.

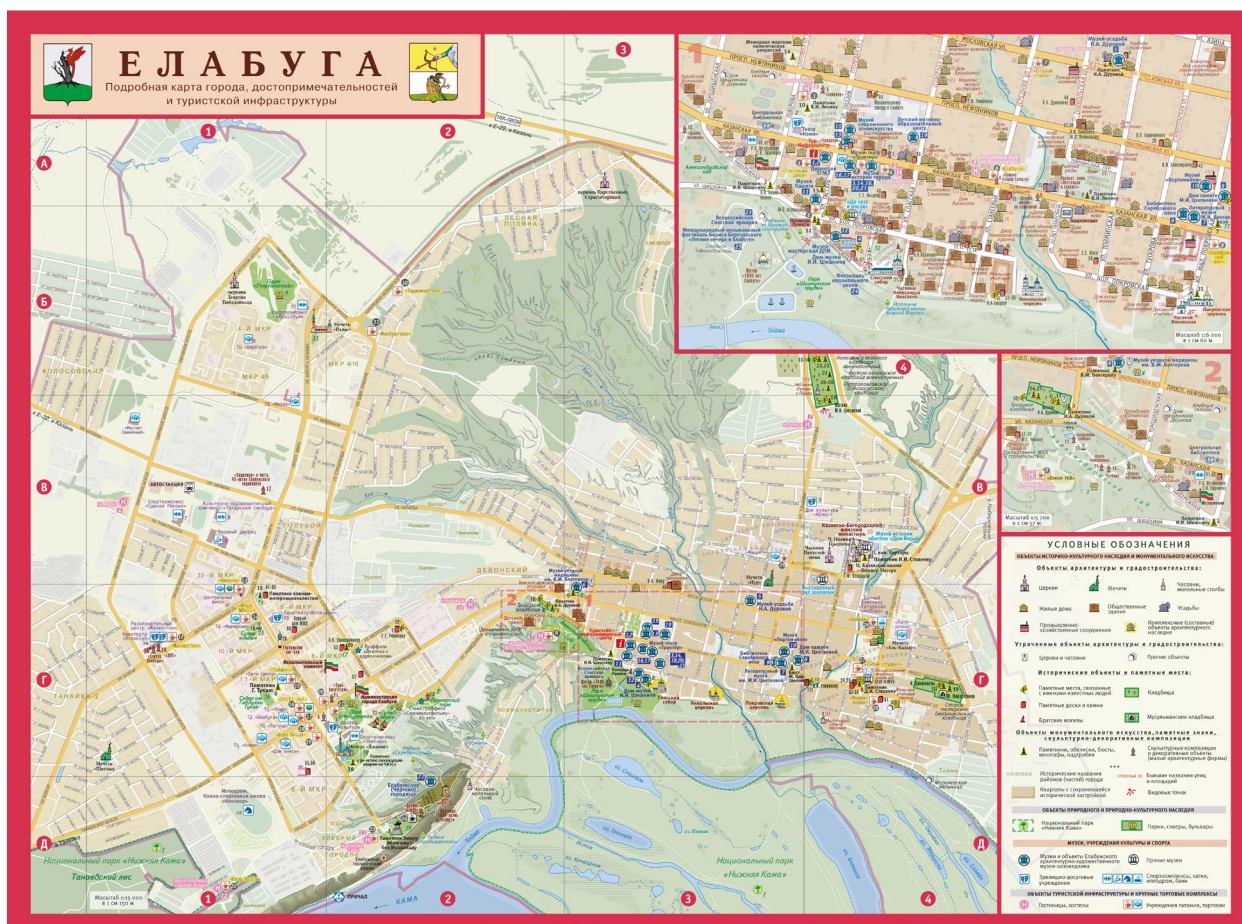
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ					
ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ					
	Поселение, городище, курганный могильник			Пункты археологических исследований	
ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА					
	XVII в.	XVIII в.	XIX в.	кон. XIX в. – нач. XX в.	XX в.
Ансамбли					
Церкви, часовни					
Мечеть					
Костёл					
Общественные здания					
Жилые здания: каменные деревянные		 	 	 	
Промышленно- хозяйственные сооружения				 	
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ И ПАМЯТНЫЕ МЕСТА					
Связанные с жизнью и деятельностью известных людей и историей города					
Исторические кладбища: а) городское, б) мусульманское, в) еврейское		 а)	 б) в)		
Захоронения с надгробиями					

Рис. 3. Фрагмент легенды карты культурного наследия с использованием условных знаков, показывающих датировку объектов наследия

В 1989 г. в Елабуге был создан музей-заповедник. К настоящему времени можно сказать, что весь исторический центр города отреставрирован, музеефицирован и фактически представляет собой музей под открытым небом. На базе музея-заповедника сформировано более десяти различных по содержанию музейных экспозиций, ведется активная работа по привлечению посетителей; Елабуга сейчас принимает около полумиллиона туристов в год.

На карте города (рис. 4) отображено около 450 объектов, в их числе памятники истории и архитектуры, мемориальные места, действующие учреждения культуры; отдельно показаны учреждения туристской сферы и социально значимые инфраструктурные объекты. Следует отметить, что специально были отмечены и утраченные объекты культурного наследия (разрушенные церкви и ряд зданий гражданской архитектуры). Карта наглядно показывает культурный ландшафт Елабуги – берег Камы и пойменную территорию, овражно-балочную сеть в центральной части города. Сделаны две подробные врезки на центральные части города, в которых расположена основная часть объектов наследия. На обороте листа помещена карта Елабужского района с расположенными там достопримечательностями.

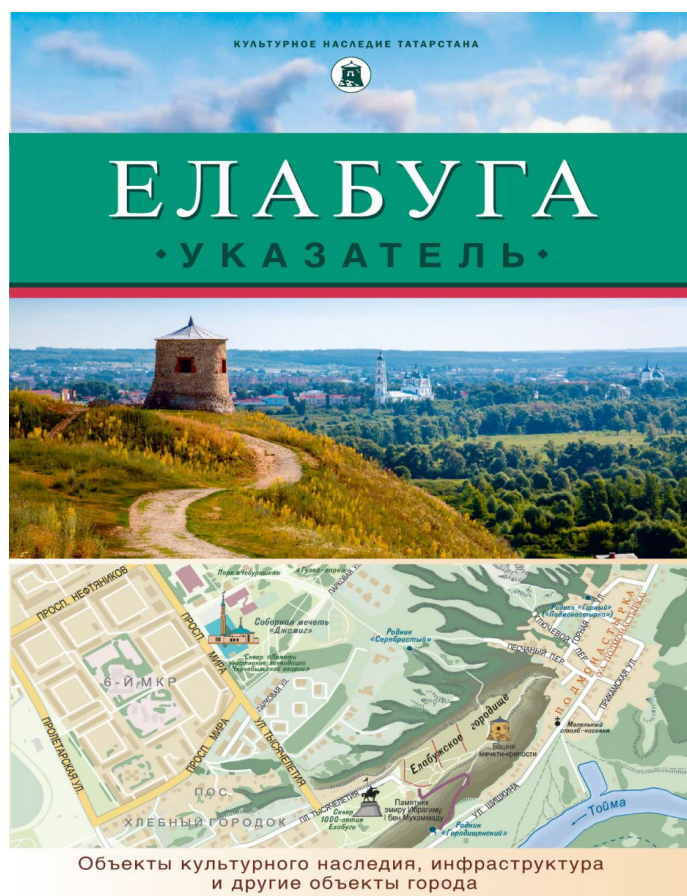

Рис. 4. Карта достопримечательностей и туристской инфраструктуры Елабуги

Учитывая многообразие помещенных на карте Елабуги объектов, подробная информация о них сведена в специальный указатель, изданный в виде отдельной брошюры, в которую вставляется сложенная карта города (рис. 5). В указателе помещена справочная информация об истории и архитектуре Елабуги, а также информация о размещенных на карте объектах по следующей очень подробной структуре [Елабуга, 2021]:

- объекты Елабужского государственного историко-культурного и художественного музея-заповедника;
- мероприятия событийного туризма;
- другие музеи города;
- памятники архитектуры и градостроительства;
- памятники археологии;
- памятники истории;
- утраченные объекты культурного наследия;
- памятники монументального искусства;
- граффити;
- мемориальные доски;

- мемориальные камни;
- жанровые скульптуры и декоративные объекты;
- мечети и церкви;
- природные и лесопарковые объекты, городские парки и скверы;
- родники;
- кладбища;
- учреждения культуры, досуга и спорта;
- рестораны и кафе;
- гостиницы и hostels;
- объекты торговли;
- видовые точки;
- администрация города и прочие объекты;
- исторические части города (названия исторических городских территорий, слобод и пр.);
- список улиц, входящих в охранную зону Елабужского музея-заповедника с их современными, историческими названиями и переименованиями.

Рис. 5. Указатель объектов культурного наследия и туристской инфраструктуры к карте наследия Елабуги

Еще более сложным и развернутым является содержание карты культурного наследия Тобольска. Исторический город Тобольск является уникальным явлением не только российской, но и мировой культуры. Основанный в 1587 г., Тобольск в течение почти трех веков являлся фактической столицей Сибири. Здесь был воздвигнут единственный в Сибири каменный кремль, функционировала администрация, управлявшая сибирскими делами, действовал таможенный и транзитный центр торговли Европы с Сибирью и странами Востока, в 1620 г. была учреждена самая большая Сибирская епархия. В период XVII – начала XX в. Тобольск являлся крупнейшим культурным и образовательным центром Сибири. Здесь велись летописи, открылась первая в Сибири школа, был издан первый сибирский журнал и основан первый в Сибири театр и один из первых сибирских музеев [Шульгин, Штеле, 2022, с. 57–72].

В течение XX в. экономическое и социальное значение Тобольска несоизмеримо упало, и город во многом утратил свои административные и социальные функции, став районным центром Тюменской области. Однако Тобольск остается одним из самых живописных и зрелищных городов Сибири, производящим неизгладимое впечатление своей захватывающей панорамой и красотой архитектурных памятников.

Создание карты культурного наследия Тобольска было призвано отразить весь накопленный исторический и культурный потенциал этого города (в отличие от изданной СИБУРОм карты, на которой показан всего лишь десяток объектов), наглядно представить эту сокровищницу Сибири туристам и всем интересующимся историей и культурой России. На изданной карте культурного наследия Тобольска (рис. 6) отражено более 400 объектов наследия и туристской инфраструктуры. Для их изображения была выбрана более сложная легенда, отражающая не только видовой состав объектов, но и время их создания (XVII–XX вв.). Помимо врезки на ансамбль Красной площади и Тобольского кремля была сделана карта окрестностей Тобольска и выполнено панорамное изображение Тобольска и его ближайшего окружения с высоты птичьего полета, которое передало сложный ландшафт города, стоящего на крутом берегу Иртыша.

Для карты Тобольска также был издан отдельной брошюрой указатель, в который вошел не только полный список отображенных на карте объектов с их краткой исторической характеристикой, но и историческая справка о Тобольске, фрагменты исторических карт, схемы Абалакского монастыря, туристского комплекса «Абалак», ботанического сада «Ермаково Поле».

Заключение

Проведенные работы по созданию подобных картографических произведений позволили сформулировать современные подходы к картографированию наследия. На конкретных практических примерах рассмотрены возможные классификации наследия города, проверен опыт по со-

ставлению картографической легенды и типов картографических знаков для создания подобных карт наследия. Картографический подход позволяет также сформировать грамотный материал в помощь туристам, школьникам и всем другим лицам, интересующимся историей и культурой России.

Рис. 6. Обложка карты объектов культурного наследия, достопримечательностей и туристской инфраструктуры Тобольска

Не менее важно значение картографирования наследия города как инструмент сохранения и использования его историко-культурного потенциала. Картографический подход позволяет:

- в полной мере выявить наследие и зафиксировать его;
- сформировать своего рода энциклопедический свод наследия города, на основании которого можно выстроить систему ознакомительных и тематических экскурсий, учебных занятий;
- обеспечить наглядность культурного потенциала города;
- создать четкую территориальную привязку объектов наследия и поставить конкретные требования к планам градостроительного преобразования городской среды, противостоять незаконным и нежелательным сносам и вмешательствам в ткань исторических городских районов.

Список литературы

1. А.А. Лютый и картографирование наследия России: сб. статей. – Москва: Институт Наследия, 2003. – 182 с.
2. Ельчанинов А.И. Ю.А. Веденин и картографирование культурного и природного наследия России // В фокусе наследия: сборник статей, посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / Российская академия наук, Институт географии. – Москва: Институт географии РАН, 2017. – С. 48–66.
3. Елабуга. Карта культурного наследия (с указателем) / Руденко Г. Р., Деготьков А.А., Парамонова А.А., Пятницкая В.В., Штеле О.Е., Шульгин П.М. – Елабуга: Елабужский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, 2021.
4. Ишим. Карта культурного наследия / авт. Иванова И.Г., Клименко А.И., Крамор Г.А., Парамонова А.А., Проскурякова Н.Л., Штеле О.Е., Шульгин П.М. – Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2019.
5. Национальный атлас России. Т. 4. История. Культура. – Роскартография, 2009. – 496 с.
6. Тобольск. Карта объектов культурного наследия, достопримечательностей и туристской инфраструктуры (с указателем) / Журавлева Н.В., Парамонова А.А., Пятницкая В.В., Чирвинская Е.Д., Шульгин П.М., Яковлева С.В. – Тобольск: компания «Содействие», 2022.
7. Парамонова А.А. Методические подходы и опыт практического составления карт «Атласа наследия Тюменской области» // Наследие и современность. – 2021. – № 1. – С. 110–124.
8. Шульгин П.М. Стратегия формирования культурного каркаса страны и использования культурного наследия в качестве драйвера социально-экономического развития российских регионов // Наследие и современность. – 2019. – № 4. – С. 8–31.
9. Шульгин П.М., Штеле О.Е. Потенциал культурного наследия Российской Федерации и проблемы его использования // Культурологические записки. Культурная деятельность и проблемы патерналистского государства. – Москва: Государственный институт искусствознания, 2022. – Выпуск 19–20. – С. 7–32.
10. Шульгин П.М., Штеле О.Е. Тобольск – перспективный кандидат на включение в список Всемирного наследия ЮНЕСКО // Наследие и современность. – 2022. – № 1. – С. 55–72.

MAPPING THE CITY'S HERITAGE AS A TOOL FOR PRESERVING AND USING ITS HISTORICAL AND CULTURAL POTENTIAL (methodological approaches and practical implementation)

Pavel Shulgin

Ph.D. in Economics, Head of the Centre for Regional Programmes of Social and Cultural Development, Institute for Social Policy of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia; pshulgin@hse.ru

Olga Shtele

Ph.D. in Geogr., Leading Expert of the Centre for Regional Programmes of Social and Cultural Development, Institute for Social Policy of the National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia; oshtele@hse.ru

Abstract. *The task of creating maps of the cultural and natural heritage of cities is considered as a kind of encyclopedic cartographic work summarizing the results of a comprehensive study of the cultural and natural heritage of the city. Currently, there are practically no such maps, and heritage as an area of urban life, its qualitative indicator and the potential for the development of the city is not adequately reflected. Moreover, official statistics reflect only to a small extent the real potential of the city's historical, cultural and natural heritage.*

The tasks of creating such cartographic works, approaches to heritage mapping are formulated and samples of created maps for small towns and medium-sized historical cities are demonstrated.

Keywords: *objects of cultural and natural heritage, heritage of a historical city, mapping of heritage.*

For citation: Shulgin P., Shtele O. Mapping the city's heritage as a tool for preserving and using its historical and cultural potential (methodological approaches and practical implementation) // Social Novelty and Social Sciences. – 2024. – N 3. – P. 12–25.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.01

УДК 330.322.3

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ НАСЕЛЕННЫХ МЕСТ КАК РЕСУРС ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ И КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Крузе Юлия Львовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры культурологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета, Нижний Новгород, Россия; julia.kruze@tm-service.ooo

Аннотация. В статье анализируются результаты проектов по развитию территорий за счет привлечения внимания сообществ к локальным символическим ресурсам, которые были реализованы в Нижегородской области. Рассматриваются форматы вовлечения, группового взаимодействия для передачи навыков и освоения приемов по работе с символами территории локальными сообществами в ходе междисциплинарных образовательных и просветительских программ, деятельности исследовательских экспедиций и лабораторий. Практическое применение символический капитал находит в проектировании бизнес-цепочек, основанных на локальной идентичности и вовлекающих местные символы в экономику наследия. В связи с этим описываются закономерности формирования креативных стартапов вокруг выявленных символов, определяются наиболее популярные виды предпринимательской деятельности и инициатив в сфере креативных индустрий.

Ключевые слова: Россия; Нижегородская область; символические ресурсы; локальные сообщества; городская среда.

Для цитирования: Крузе Ю.Л. Символический капитал населенных мест как ресурс для развития локальных сообществ и креативных индустрий // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3 – С. 26–43.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.02

Рукопись поступила 15.06.2024

Принята к печати 15.08.2024

Материал подготовлен при финансовой поддержке РФН, проект 27-17-00112.

Введение

Актуальность темы использования нематериальных, символических ресурсов и объектов историко-культурного наследия обусловлена повышением общественного внимания к сфере креативной экономики. Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р утверждена «Концепция развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (далее по тексту – «Концепция»). В соответствии с принятыми в ней понятиями, «креативная экономика – тип экономики, основанный на капитализации интеллектуальной собственности во всех областях человеческой деятельности – научной, научно-технической, культурной и в целом творческой деятельности», а «творческие (креативные) индустрии – сферы деятельности, в которых компании, организации, объединения и индивидуальные предприниматели в процессе творческой и культурной активности, распоряжения интеллектуальной собственностью производят товары и услуги, обладающие экономической ценностью, в том числе обеспечивающие формирование гармонично развитой личности и рост качества жизни российского общества [Концепция развития ..., 2021].

Частью креативной экономики является «экономика наследия», а «к творческим (креативным) индустриям относятся в том числе индустрии, основанные на использовании историко-культурного наследия (народно-художественные промыслы и ремесла, музейная деятельность)» [Концепция развития ..., 2021]. Для реализации Концепции подготовлен в первом чтении проект федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в РФ» [Законопроект № 474016–8 ..., 2023]. Однако, несмотря на принятые и подготовленные в стране нормативные документы, далеко не все важные в контексте креативной экономики понятия получили однозначное толкование. К последним относятся такие термины, как «символический капитал» и «символические ресурсы».

Вместе с тем представления о символическом капитале подробно рассмотрены в теории и являются предметом междисциплинарного дискурса в профессиональных научных кругах. Однако необходимы практики, переводящие символический капитал из предмета теоретических рассуждений в практическую сферу деятельности локальных сообществ, предпринимательских инициатив и системных программ поддержки от публичных органов власти. Речь идет о вовлечении представителей сакраментального треугольника «бизнес-власть-общество» в процесс так называемой «экспресс профессионализации» менеджмента наследия.

В настоящей работе предпринята попытка представить как теоретические подходы к понятию символического капитала и символическим ресурсам, так и возможности их практического использования в целях социально-экономического развития определенных территорий на примере проектов, реализованных в Нижегородской области.

Теоретические представления о символическом капитале

Понятие символа связано с понятием «образа», который используется в научном смысле в рамках гуманитарной географии, называемой имагинальной, или образной [Замятин, 2005, с. 11]. Близкой к этому направлению является «мифогеография» [Митин, 2004].

В свою очередь, понятие «символический капитал» представляет собой предмет междисциплинарного научного знания и применяется в отечественной литературе в культурологическом, социокультурном, философском, урбанистическом, географическом, экономическом, управленческом, маркетинговом, инвестиционном аспектах. Последние обусловлены появлением новой компетенции – «менеджер наследия», – как навыка «упаковывать» и капитализировать смыслы и символы для бренда, стратегии развития, привлечения инвестиций на конкретную территорию. Неслучайно Г.Л. Тульчинский, отмечая, что «в основе базовых потребительских мотивов лежит образ», связывает локальные символы с брендингом территорий [Тульчинский, 2013, с. 279].

Н.Г. Федотова определяет символический капитал места как «совокупность значимых элементов (смыслов) территориальной среды, которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп» [Федотова, 2018, с. 142]. Она отмечает сложность объективного измерения символического капитала территории «в силу его символической природы» [Федотова, 2018, с. 142].

В данном контексте используется также термин «культурно-символические ресурсы территории», методика выявления и анализа которых была разработана Д.Н. Замятиным [Замятин, 2010, с. 129]. Позднее она была дополнена практическим опытом внедрения программ и проектов Делового клуба «Экономика наследия» в Ярославле и других городах России [О клубе..., 2024].

В настоящей работе будем придерживаться определения символического капитала города как совокупности символических ресурсов места, состоящих из материальных объектов и нематериальных символов, включая: даты, события, известных и интересных людей, «гениев места», исторические места, события, рынки, товары, легенды и байки, гастрономические «бренды», животные, растения, связи, запахи, памятники-мемориалы, памятники истории и культуры, архитектуру, музеи, мифы и легенды, музыку, изустную память, топонимику, ремесленные традиции и промыслы, художественные практики и т.д. Структура символического капитала может быть разделена на две части [Федотова, 2018, с. 144]:

а) узнавание территории – идентификационный потенциал, обеспечивающий территории узнавание и известность, отождествление места с теми или иными образами (персонажами, памятниками, природой, брендами и пр.);

б) позитивная оценка территории – потенциал престижности и доверия, обеспечивающий территории наличие позитивных ассоциаций, ценностей и повышение ее рейтинговых показателей, положительной репутации (например, экологически чистый город).

Символический капитал города важен при разработке проектов, связанных с локальными креативными индустриями, а из символических ресурсов рождаются хорошо зарекомендовавшие себя в классическом бизнесе уникальные конкурентные преимущества (УКП), уникальное торговое предложение (УТП) и уникальные смысловые цепочки в модели «Сервис-Услуга-Продукт» (СУП). За счет обращения к символическому капиталу происходит соединение материального и нематериального наследия, а также идет процесс «извлечения» или «распаковки» современных смыслов, в которых находят выражение эмоции, переживания и впечатления, связанные с конкретным местом.

Несмотря на то что символический капитал территории «отражает представление о ее значимости, о ценности присущих ей свойств с точки зрения системы ценностей конкретного сообщества» [Замятина, 2016, с. 116], проблема заключается в том, что на практике эту ценность не всегда легко артикулировать, оценить и спроектировать соответствующие бизнес-цепочки. Даже у локальных сообществ, «опекающих» тот или иной символ места, включая в том числе профессиональных представителей учреждений культуры и образования, а также у различных агентств по развитию территорий, не говоря уже о представителях публичных органов власти и бизнеса, часто туманны представления, как можно работать с символическими ресурсами, зачем и во что инвестировать, если речь идет о мифических символах?

Перечислим явные проблемы вовлечения символического капитала в практическую деятельность:

- отсутствие понимания ценности символического наследия как экономического ресурса в целом в обществе, бизнесе и власти;

- низкая инвестиционная привлекательность символических ресурсов в связи с отсутствием навыков работы с образами;

- слабая информированность потенциальных участников о возможностях и мерах поддержки подобных проектов;

- многоуровневость задач, обусловленных междисциплинарностью исследования символического капитала;

- сложность синхронизации запросов и действий основных участников процесса (представителей бизнеса, власти, общества);

– отсутствие понятной модели запуска бизнес-цепочки, опирающейся на символ. Под «цепочкой» в данном случае понимается «последовательность инфраструктурно-сервисных элементов, раскрывающих идею, которые опираются на один основной символ» [Ойнас, 2023].

Вместе с тем «использование символических ресурсов – это значимый и в то же время мало-затратный маркетинговый способ привлечения гостей в регион. Продвинутые до потенциального потребителя символические ресурсы – это подлинное конкурентное преимущество для территории, которая способна даже при скромных финансовых возможностях создавать привлекательный образ региона» [Ширинкин, 2016, с. 72]. Поэтому дискурс о необходимости подготовки специальных кадров для работы с символическим наследием носит весьма прагматичный характер.

Опыт Нижнего Новгорода по освоению символического капитала

В Нижнем Новгороде первый шаг в выстраивании системной работы по развитию и сохранению символического и историко-культурного наследия был сделан в 2016 г. вследствие постепенного знакомства местного актива с менеджментом наследия и методикой Д.Б. Ойнаса¹ на площадках форума «Будущее города», а также в рамках проектной сессии «Зачем нам этот Горький?», посвященной роли М. Горького как символа и гения места (была приурочена к 150-летию со дня его рождения и организована автором на базе мемориального музея М. Горького), с участием заинтересованного локального креативного бизнеса, представителей департамента культуры города и экспертного, краеведческого сообществ. Каждая группа работала со своим модератором и рассматривала отдельные аспекты: что именно символ М. Горького может значить для музея, для бизнеса и для города. В частности, был очерчен следующий круг вопросов.

Задачи для музея:

- как превратить символический ресурс М. Горького в актуальный музейный бренд;
- как превратить музейный бренд в эффективный экономический инструмент;
- из чего состоит индустриальная цепочка бренда;
- как формируется линейка уникальных музейных и коммерческих продуктов, услуг, товаров бренда;
- как на их основе привлекать новые категории посетителей, клиентов и удерживать старые;
- как строить эффективные партнерства коммерческого и некоммерческого сектора для совместного развития символической и экономической основы бренда.

Задачи для бизнеса:

- как сегодня можно капитализировать символический ресурс М. Горького и как на его основе создавать УТП, разрабатывать линейки современных продуктов, услуг, товаров;

---

¹ Соавтор известного Коломенского экономического чуда «на пастиле» по капитализации культурного наследия (подробнее см.: [Коломенский творческий кластер ..., 2022]).

– как может продвигать эти линейки конкретный бизнес и как ему взаимодействовать с другими коммерческими структурами на территории, чтобы, поддерживая друг друга, образовывать устойчивые бизнес-цепочки и повышать общую капитализацию;

– как на этой основе привлекать новые категории клиентов и удерживать старые;

– как повышать узнаваемость бренда (марки) за счет использования наследия писателя и как придавать им местный колорит;

– как эффективно строить партнерство, взаимодействовать на взаимовыгодной и долгосрочной основе с некоммерческими организациями и бюджетными учреждениями культуры для использования в маркетинговых и иных целях информации, которую они хранят и собирают.

Задачи для города:

– как сегодня сделать из наследия М. Горького значимый ресурс развития города;

– какие целевые группы в этом могут быть заинтересованы;

– как использовать ресурс юбилея М. Горького для запуска постоянных схем партнерского взаимодействия разных участников;

– как можно, используя символ М. Горького, эффективно продвигать город на российском и международном уровнях;

– какие действия и кем должны быть предприняты для создания режима наибольшего благоприятствования инициативам, связанным с именем М. Горького.

Результаты, полученные в ходе обсуждений на сессии, были реализованы в работе самого музея М. Горького, а также в деятельности туристических компаний, экскурсионных бюро, местных производителей сувенирной продукции и рестораторов, также были разработаны исторические меню в ресторанах и восстановлены некоторые исторические рецепты, ежегодно стал проводиться такой проект в рамках города, как «Горьковская елка» и т.д.

Подводя итоги данной проектной сессии, участники отметили следующие слагаемые ее успеха:

– удачная кампания по приглашению участников;

– вдохновляющий пример и «инструментарий», представленная методика спикеров;

– профессиональная модерация групповой работы;

– смешанный состав участников;

– высокая мотивация и максимальная включенность каждого в совместную деятельность, желание перенять из «первых рук» приемы работы с символическим ресурсом.

Однако одним проектным семинаром проблему привлечения внимания локальных сообществ и креативного бизнеса к символическим ресурсам не решить. Для системного включения символического капитала в экономику наследия на уровне региона необходимо рассматривать территорию как социоэколого-экономическую систему в рамках концепции устойчивого развития,

в которой объединены экономическая, социально-культурная и экологическая точки зрения через взаимозависимые и взаимоподчиненные области единого целого. Переход на траекторию устойчивого развития требует от всех участников трансформации своей деятельности, в том числе:

- вовлечения сообществ как соавторов, так и получателей благ в их проектирование;
- поиска новых способов и форм объединения и сотрудничества;
- осознания расширения границ объекта управления и его роли;
- осмысления целей развития территории и потребностей ее жителей;
- формирования новых экологических и социальных нормативов;
- внедрения механизмов социальной коммуникации и доверия.

В связи с этим важное значение имеет вовлечение и обучение использованию социального капитала представителей разных сфер деятельности. Для этого могут использоваться междисциплинарные исследования и специальные мероприятия или программы, различные воркшопы, экспедиции и лаборатории. Причем сам процесс занимает достаточно длительный период времени. Наиболее продуктивными представляются три направления: объекты культурного наследия (ОКН) и их символы; «гении места» – локальные герои и символы; особенности территории в целом и населенных пунктов (муниципальных округов).

В Нижнем Новгороде хронология освоения символического капитала исторического квартала города и основные участники этого процесса имели следующий вид:

- коммуникационные площадки в городе с 2016 по 2019 г.: обучение подходам экономики наследия волонтеров и активистов автора «коломенского экономического чуда» Д.Б. Ойнаса; формирование активного городского градозащитного сообщества;
- проведение фестиваля восстановления исторической среды «Том Сойер Фест» (ТСФ) с 2018 г. (по инициативе девелопера), популяризация темы М. Горького и территории «Заповедные кварталы»;
- формирование открытого оргкомитета, запрос на круглогодичную систематическую деятельность за рамками ТСФ и институционализация частной инициативы (переход от проекта ТСФ к автономной некоммерческой организации (АНО) «Заповедные кварталы»), начало создания мотивирующего инвесторов регионального законодательства и мер поддержки – 2019 г. [Постановление Правительства ..., 2022];
- привлечение экспертов, подготовка концепции партнерского АНО и ее успешная защита перед Правительством Нижегородской области – 2020 г.;
- учреждение Правительством Нижегородской области и АНО «Заповедные кварталы» совместной АНО «Агентство по сохранению и развитию исторической среды Нижегородской области» (АНО «АСИРИС»), формирование его штатов из волонтерского актива ТСФ и передача в него ОКН – 2021 г.;

– освоение принципа «единого окна» для инвесторов и модели рекреационно-туристической деятельности в АНО «АСИРИС» – 2020 г. В основе последней лежит экономическая модель развития знаковых (аттракторов) и рядовых объектов исторической среды на основе капитализации локального наследия. Рабочая формула капитализации локального наследия такова: объект культурного наследия + продукт или услуга с историей = музейный продукт (который создает точку притяжения и формирует турпоток) и музейный сервис;

– формирование креативного кластера в «Заповедных кварталах» и концепции управляющей компании – 2022 г.;

– оформление кейса в сетевую образовательную программу с участием вузов, масштабирование концепции на десять муниципальных образований Нижегородской области – 2023–2024 гг.;

– организация клуба владельцев исторической недвижимости в Общественной организации «Деловая Россия» – осень 2023 г.;

– образование сообщества выпускников сетевой программы «Лидеры наследия», налаживание межмуниципальных горизонтальных связей – май 2024 г.;

– превращение территории и проектов «Заповедных кварталов» в самые посещаемые туристические локации в Нижнем Новгороде (наряду с Кремлем и Нижегородской ярмаркой).

В качестве объединяющего смысла для членов градозащитного сообщества, волонтеров ТСФ движения в урбанистическом контексте уместно применять понятие «право на город». В России оно реализуется в праве на участие жителей в процессах выбора и благоустройства общественных пространств, в инициативном бюджетировании. По мнению автора, актуальное наполнение «права на город» более широкое и комплексное – это разные формы самоорганизации и участия жителей в процессах развития города на уровне партнера, участие в выработке, реализации и контроле таких решений по принципу «Ничто для нас – без нас!».

Так, в результате совместной деятельности АНО «АСИРИС» предпринимательских, краеведческих, экспертных, градозащитных и др. локальных сообществ в Нижегородской области формируется запрос на «распаковку» исторических, природных символов и смыслов, придание им новых функций и вовлечение в экономическую деятельность путем использования в креативных проектах и стартапах. В качестве ответа на эти запросы развивается правовое поле, включая разработку региональной нормативно-правовой базы по поддержке бизнеса, работающего с объектами культурного наследия, и организацию общественно-государственного партнерства в данной сфере [Постановление Правительства ..., 2022].

АНО «АСИРИС» в этом процессе играет роль управляющей компании по гуманитарной инициативе. При поддержке вузов и Корпоративного университета Правительства Нижегородской области («КУПНО») удалось сформировать программу повышения квалификации в сфере экономики наследия в виде специального образовательного интенсива – сетевого проекта «Лидеры

наследия». Последний также использовался для масштабирования и передачи успешного опыта пилотного проекта – развития исторического квартала вокруг церкви «Трех святителей» Нижнего Новгорода, в десяти муниципальных округах Нижегородской области (с 2023 г. года по настоящее время [Статус работ..., 2023]). После прохождения обучения по этому проекту его выпускники могут поддерживать связь и обсуждать возможность совместных действий или проектов (включая подачу заявки на грант по сетевому проекту, объединяющему несколько территорий). В литературе уже отмечалось, что осознанность, потребность и готовность к объединению рассматриваются как проявление солидарности в социуме [Гужавина, 2018, с. 261]. Выпускники программы «Лидеры наследия» отличаются не только ответственностью за взятый на себя локальный проект, но и инициативностью, стремлением к инновационной деятельности и готовностью к объединению для достижения больших целей, демонстрируя, таким образом, высокий уровень готовности к солидарным действиям.

Методологические подходы к изучению возможностей использования символического капитала в Нижегородской области

Расширение вовлечения символического капитала в экономику Нижегородской области потребовало проведения специального прикладного исследования, описание методики и результатов которого приведено ниже.

Цель представленного междисциплинарного исследования – показать на конкретных примерах, что при применении методик интерпретации и ассоциативных связей, а также при определенной мотивации участников проектов символический капитал может служить универсальным ресурсом и средством преобразования территории. В качестве примеров выступают практики изучения, обучения и использования символического капитала Вачского и Воскресенского муниципальных округов Нижегородской области.

География исследования связана с личным участием автора в следующих урбанистических экспедициях, образовательных и исследовательских проектах: а) экспедиции сотрудников и студентов географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова в Воскресенский округ Нижегородской области в феврале и июне 2023 г. [Исследования молодых географов, 2023, с. 151]; б) сетевой образовательной программы «Лидеры наследия», реализуемой АНО «АСИРИС»; в) в формировании творческого кластера «Царство филигрании» в Вачском муниципальном округе Нижегородской области в мае 2023 г. и в дальнейшем сопровождении этого проекта в сфере экономики наследия в настоящее время [Чесноков, 2024].

Предметами изучения являлись междисциплинарные аспекты создания команд и стартапов в сфере экономики наследия и креативных индустрий на основе локальных символов (выявленных в ходе исследовательских экспедиций, лабораторий, образовательных проектов и просветительских

мероприятий на вышеуказанных территориях). Рабочие гипотезы исследования предполагали следующее.

1. Задачи развития территории требуют высокой степени соучастия жителей в разработке и реализации проектов, связанных с локальной идентичностью и уникальными символическими ресурсами.

2. У местных предпринимателей и активистов, локальных сообществ (если таковые есть) и администраций муниципальных образований обычно отсутствуют навыки, как капитализировать символическое наследие и на его основе развивать креативную экономику.

3. Чаще всего местные сообщества в целом не осознают богатство их «карьера» символических ресурсов и дополнительно нуждаются не только в технологии работы с наследием, но и во взгляде со стороны на это наследие от экспертов с профессиональной подготовкой.

4. Локальность и «местечковость» взгляда на возможности, связанные с символическим капиталом, у местных акторов предопределяют реализацию проектов, как правило, в границах конкретного населенного пункта или муниципального образования и редко выходящую за их пределы.

5. В совместной проектной деятельности и исследовательских практиках местные представители бизнеса, власти и локального сообщества могут познакомиться с менеджментом наследия и командой экспертов, обладающих соответствующим опытом (собственными кейсами в сфере развития территории путем реализации креативных проектов, междисциплинарным подходом к символическому капиталу, навыками модерации и фасилитации в групповой работе), что позволяет формировать проектные идеи и команды, а также выстраивать горизонтальные отношения между ними внутри каждой территории и между проектами и командами из различных территорий.

Стратегия исследования логически вытекала из междисциплинарного подхода к изучению символического капитала и совмещала количественный, качественный и сравнительный анализы. Междисциплинарная логика, в свою очередь, следовала логике изучаемого объекта – «в основе эпистемологии данного познания лежит его “средовая” модель: контекстуальное исследование, т.е. включенное в динамичный контекст культуры, времени и обстоятельств... Конфликт развития и сохранения, производства и воспроизводства, глобального и локального, унифицирующего «потока» и уникальной культуры «места» являются ключевыми проблемами МДС (междисциплинарного) исследования» [Яницкий, 2018, с. 126]. Исследование может включать картирование символических ресурсов территорий, извлечение из них смыслов и их интерпретацию для использования в бизнес-цепочках (для чего применима так называемая «Ромашка смыслов» – авторская методика Д.Б. Ойнаса [Ойнас, 2022]).

Информационная база исследования складывалась за счет разных способов получения информации: анализа статистических данных из открытых источников, СМИ, документов и информации, предоставленных администрациями муниципальных образований; работы в архивах; дан-

ных экспертных, групповых и индивидуальных экспресс и глубинных интервью; включенного и несистематического наблюдения; личного участия автора в разработке целей, технических заданий и рабочих гипотез экспедиций, стратегических сессий, воркшопов; результатов анкетирования участников обучающих программ и открытых публичных мероприятий на местах. Необходимо отметить сочетание исследовательских методик с разнообразными вариантами образовательно-просветительских (открытые публичные лектории, кинопоказы) и интерактивных форматов (круглые столы, модерлируемые дискуссии, стратегические сессии, работа в группах), а также публичными мероприятиями – открытыми праздниками (арт-фестиваль, фри-маркет, психо-пикник, импровизированный концерт, дневная дискотека).

Некоторые результаты проведенного исследования, в ходе которого выявлялись возможности развития Нижегородской области с использованием символических ресурсов, креативного потенциала и локальной идентичности, изложены в более ранних публикациях автора [Крузе, 2023] и др. участников перечисленных проектов. В настоящей работе представлены итоги изучения и использования символических ресурсов в двух муниципальных округах области (полученные в ходе экспедиции географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и формирования кластера креативных индустрий «Царство филигрانی»).

В задачи осуществленных урбанистических исследований и реализованных проектов входили поиски дополнительных символов, которые способны объединить вокруг себя инициативное сообщество или проектную команду, увеличить символический капитал территорий. Кроме собственно анализа символических ресурсов проводилась инвентаризация локальных сообществ, изучалась их приверженность символическим ресурсам и ОКН, а также влияние природных объектов и историко-культурного, архитектурного наследия на креативные предпринимательские проекты и инициативы в гастробрендинге, народных художественных промыслах (НХП), декоративно-прикладном искусстве (ДПИ), визуальном искусстве и новых медиа.

Результаты изучения социальных ресурсов и перспектив отдельных территорий Нижегородской области

Опуская подробное экономико-географическое положение каждой из исследуемых территорий, отметим относительно невысокую известность муниципальных округов Нижегородской области как туристических локаций и наличие в каждой из них хотя бы одного символа, с которым район может устойчиво ассоциироваться: Воскресенский муниципальный округ – озеро Светлояр, Вачский муниципальный округ – Казаковская филигрань. Ниже кратко изложим полученные результаты.

Воскресенский муниципальный округ Нижегородской области. Основными направлениями экспедиции кафедры экономической и социальной географии МГУ им. М.В. Ломоносова в Нижегородскую область были вопросы урбанистики и развития территорий, образование, просвещение

и гражданская наука, социальная сфера и социальный капитал территории, символические ресурсы, культурно-историческое наследие и их капитализация через креативные проекты и бизнесы. Программа экспедиции предполагала запрос от территории и от разных акторов, свободу исследования и выбранных методик, новые впечатления и опыт участников, различные культурно-просветительские мероприятия.

Исследование факторов и перспективы развития креативных индустрий в сельской местности на территории Воскресенского муниципального округа Нижегородской области начиналось с изучения документов, находящихся в открытом доступе – сайта администрации муниципального округа [Сайт администрации ..., 2024], а также энциклопедии о районе, изданной до муниципальной реформы 2014 г. [Энциклопедия ..., 2014].

Экспедиция, сформированная для изучения социально-экономических ресурсов территории, была направлена на: а) поиск новых нестандартных направлений развития сельской местности; б) выявление предпосылок формирования более разнообразного рынка труда в округе; в) изучение «точек роста», способных повысить инвестиционный потенциал и привлекательность округа, в первую очередь озера Светлояр (природный памятник федерального значения, расположенный на территории округа), а также иных культурно-исторических и природных ресурсов; г) определение основных направлений развития округа, повышающих его конкурентоспособность с учетом баланса между новациями и традиционным укладом.

Экспедиция носила комплексный характер – как учебная практика, в ходе которой участники отрабатывали навыки ведения фокус-групп, социологических опросов, взятия глубинного интервью, организации съемок в полевых условиях и т.д., – и вид интеллектуального досуга, во время которого участники получали информацию об истории Поветлужья и Заветлужья, погружались в атмосферу тайги, озер, усадеб, участвовали во встречах, круглых столах, дискуссиях, иммерсивных экскурсиях и представлениях. Следует отметить, что интегративную модель досуговой деятельности в полной мере описывает понятие «интеллектуальный досуг», предложенное Дж. Келли [цит. по: Андреева, 2014, с. 13]. В свою очередь, интеллектуальный досуг предполагает как потребление, так и создание культурных благ.

В работе экспедиции приняли активное участие волонтеры из Нижегородской области – члены экспертного сообщества, представители креативных индустрий, самозанятые мастера, руководители и сотрудники органов местного самоуправления, учреждений культуры, образования, НКО и бизнеса. Все участники экспедиции были увлечены возможностью найти новые перспективы развития округа. Это и стало целью исследования – попыткой предложить лесному району нестандартные пути развития, основываясь на его богатейшем историко-культурном наследии, уникальных природных объектах, символических ресурсах и инвестиционном потенциале, развитии креативных индустрий.

Подробно с методикой и итогами экспедиции можно ознакомиться в опубликованном издании [Исследования молодых географов, 2023, с. 163]. Результаты проведенного исследования структурированы в следующей последовательности.

1. Краткая информация о ресурсах района исследований: экономико-географическое положение и природные ресурсы; транспорт и инженерная инфраструктура; социальная инфраструктура; туристическая инфраструктура.

2. Население района как ресурс для развития креативных индустрий: история освоения; система расселения; человеческий капитал и трудовые ресурсы; сезонное население и дауншифтинг.

3. Классическая экономика как основа для креативной: особенности местного бюджета; влияние с/х, лесного хозяйства и туризма на экономику района и развитие креативных индустрий.

4. Символические ресурсы и социальный капитал округа: социальный капитал и самоорганизация населения; символические ресурсы территории – историческое наследие и промыслы, бренды и образы.

5. Территориальный аспект развития креативных индустрий: формирование креативных кластеров; анализ перспективных территорий.

В контексте рассматриваемой темы формирования креативных проектов на базе символических ресурсов участниками экспедиции было отмечено следующее:

– перспективы гастрономического брендинга, которое «предоставляет возможности для организации и развития креативных индустрий в Воскресенском районе. Основная проблема для гастробрендинга территории заключается в поиске и создании уникальных и привлекательных рецептов, способных выделить рыбные и ягодные блюда на фоне подобных и повсеместно встречающихся во всем Нечерноземье» [Влияние креативных индустрий ..., 2023, с. 161];

– развитие народных промыслов, связанных с деревом. «Исторически развивались лозоплетение, резьба по дереву, льноткачество, производство рогожи, шадринская роспись прялок, гончарный, бондарный, смолокурный промыслы и др. Уникальным считался некогда существовавший сундучный промысел с центром в д. Раскаты. Активное развитие туризма в районе дало толчок к возрождению ремесел. За счет формирования самобытной сувенирной продукции и культурного просвещения может быть увеличен туристический поток, могут развиваться смежные отрасли бизнеса в сфере гостеприимства» [Влияние креативных индустрий ..., 2023, с. 161].

Подчеркнуты также особенности социального капитала в сельской местности и роль так называемых «новых сельских». «Влияние этих факторов на территорию носит не прямой, а опосредованный характер: сначала уникальный ресурс привлекает к себе людей извне, затем стимулирует их на полный или частичный переезд на территорию района. Сельская местность района становится не только и не столько местом сельскохозяйственного производства, а средой обитания и местом потребления рекреационных ресурсов и символического капитала» [Влияние креативных

индустрий ..., 2023, с. 163]. Позитивным итогом совместных действий местных активистов, представителей органов власти и бизнес-сообщества стало пополнение нормативной базы области законом «Об особенностях развития экологического туризма и туризма в сельской местности в Нижегородской области» [Закон Нижегородской области ..., 2022].

Вачский муниципальный округ Нижегородской области. Данная территория исторически специализировалась на художественной обработке металла. Ее «гений места» – крепостной крестьянин Д.И. Кондратов – основатель промышленной династии в середине XIX в., оставившей мощное индустриальное, культурное и символическое наследие. Проведенный специалистами области анализ показал, что творческие (креативные) индустрии могут выступить в качестве источников, способных обеспечить максимально быстрый и устойчивый рост местной экономики за относительно короткий промежуток времени (2024–2030).

В связи с этим одним из приоритетов проводимой в Нижегородской области инвестиционной политики стало создание на территории Вачского муниципального округа кластера творческих индустрий «Царство филигрании». Доминантой (опорным объектом) кластера, который выполняет роль творческого (креативного) инкубатора, служит креативный парк «Загорье» – комплекс современной инфраструктуры для прототипирования продуктов креативных индустрий и их дальнейшей коммерциализации (индустрия моды, промышленный дизайн, архитектура, гастрономическая индустрия, обработка данных, виртуальная и дополненная реальность, цифровой контент, анимационное производство, блогерство, реклама, печатная индустрия и др.). Парк планируется разместить в границах села Казаково, на территории которого расположено известное «Казаковское предприятие художественных изделий», выпускающее продукцию под маркой «Казаковская филигрань». Для создания поселка и творческой усадьбы выделено два земельных участка площадью 5,2 га и 14,7 га соответственно [Чесноков, 2024].

Конкурентным преимуществом проекта является связь с историей и традициями места. Цель проекта: реализовать новую модель экономического роста, изменить структуру местной экономики и нарастить ее оборот за счет источников, обладающих мультипликативным потенциалом и объединяющих широкий круг экономических агентов вокруг одной идеи. Это позволит создать новые бизнес-цепочки и включить в них системообразующие предприятия АО «Труд» и АО «Казаковское предприятие художественных изделий» (КПХИ), которые формируют основную долю местной экономики. В числе других проблем, требующих решения, – сохранение школы художественной обработки металла. Село Казаково, как и весь Вачский округ, с уверенностью можно отнести к территориям, на которых существует творческая (креативная) деятельность. Кроме системообразующих предприятий АО «Труд» и АО «КПХИ», имеющих статус НХП, здесь находится значительное число индивидуальных предприятий, которые производят ювелирные изделия, художественное литье, сувениры по индивидуальным заказам и другую художественную продукцию.

Оператором проекта стал муниципальный проектный офис по развитию кластера творческих индустрий «Царство филигрании», созданный в 2024 г. при поддержке администрации Вачского муниципального округа, предпринимателей, руководителей общественных объединений, местных активистов. К работе смешанная команда специалистов приступила после прохождения обучения в 2023 г. в рамках проекта «Лидеры наследия» АНО «АСИРИС» [Чесноков, 2024].

К задачам проектного офиса относятся: управление источниками потребительского спроса, создание и продвижение турпродуктов Вачского округа и прилегающих территорий, восстановление ОКН, благоустройство общественных пространств, формирование благоприятной социокультурной среды. Команда проектного офиса оказывает содействие якорному инвестору (управляющей компании креативного парка «Загорье») в вопросах маркетинга территории и построения новых бизнес-цепочек. Воронку продаж и внимание к парку «Загорье» предполагается осуществлять за счет промо-акций и публичных мероприятий, способствующих привлечению сначала туристов в «Земскую школу» (культурно-ремесленный центр в историческом здании земской школы, построенной семьей Кондратовых в 1904 г.), а потом и представителей креативных профессий – участников арт-резиденции и творческих лабораторий «Филигранно» [Память о наследии ..., 2023; Творческая лаборатория ..., 2024].

Заключение

Исследования, проведенные в Нижегородской области, подтверждают высокий потенциал символических ресурсов и возможности создания на их основе современных успешных креативных проектов не только в миллионном городе – областном центре, но и в сельской местности. Символический капитал служит базой для проектирования бизнес-цепочек, основанных на локальной идентичности и вовлекающих местные символы в экономику наследия. Определение закономерностей формирования креативных стартапов вокруг выявленных локальных символов помогает установить наиболее перспективные виды предпринимательской деятельности и инициативы в сфере креативных индустрий.

Однако использование социального капитала требует определенных навыков и теоретических представлений, а сам процесс овладения ими – времени и усилий. Анализ хода и итогов реализованных в Нижегородской области проектов по развитию территорий за счет привлечения внимания сообществ к локальным символическим ресурсам позволил выявить эффективные форматы вовлечения и группового взаимодействия для передачи навыков работы с символами территории: междисциплинарные образовательные и просветительские программы, исследовательские экспедиции и лаборатории. Обобщая положительный опыт, достигнутые результаты системной деятельности и объединения усилий различных сторон по включению символических ресурсов в экономику наследия, можно выделить следующие приемы и факторы успеха:

- рефлексия и модерация при групповой работе;
- не только экономический анализ ситуации, но и «культурологический»;
- использование всех органов чувств в духе экономики впечатлений, а также творческого маркетинга;
- опора на историческую память, как существующую, так и восстанавливая утраченную;
- активное вовлечение в эти процессы жителей, сообществ и групп;
- создание различного типа партнерств между организациями культуры, бизнеса и органами власти;
- кластерная система взаимодействия различных организаций и сообществ;
- внимание к природным, географическим особенностям и символам;
- осуществление инвентаризации и картирования символических ресурсов.

Опыт Нижегородской области показывает, что системное решение задачи формирования креативных проектов и кластеров на основе локальных символов является результатом объединения ресурсов различных организаций и лежит за рамками деятельности только профессионального музейного и краеведческого сообществ, законодателей или предпринимателей. Залог успеха – в совместных усилиях представителей бизнеса и власти, а также научного, экспертного и градозащитного сообществ при поиске и выработке решений, опоре на волонтерские инициативы и активную поддержку местных жителей.

Список литературы

1. Андреева А.В. Интеллектуальный досуг как сфера полисубъектного взаимодействия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 12 (50). – С. 13–16. – URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2014/12-3/1.html> (дата обращения 20.05.2024).
2. Влияние креативных индустрий на социально-экономическое развитие сельской местности (на примере Воскресенского района Нижегородской области) / К.В. Аверкиева, И.В. Бабурина, Е.А. Александров [и др.] // Исследования молодых географов: Сборник статей участников зимних студенческих экспедиций / Под редакцией М.С. Савоскула, Н.Л. Фроловой. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского», 2023. – С. 151–163.
3. Гужавина Т.А. Социальный капитал городского сообщества: доверие, солидарность, ответственность // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11. – № 4. – С. 252–268.
4. Закон Нижегородской области от 15.12.2022 № 209–З «Об особенностях развития экологического туризма и туризма в сельской местности в Нижегородской области» // Официальное опубликование правовых актов. – 2022. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/5200202212280005> (дата обращения 20.05.2024).
5. Законопроект № 474016-8 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Дата внесения 31.10.2023 // Система обеспечения законодательной деятельности. – 2023. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/474016-8?ysclid=m0fcxlyuld823363966> (дата обращения 20.05.2024).
6. Замятин Д.Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. – 2010. – № 4. – С. 128–138.
7. Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города / История места: учебник или роман? – Москва: Фонд культурных инициатив, 2005. – С. 11–54.
8. Замятина Н.Ю. «Земля наша дала миру...»: Национальные особенности брендинга территорий // Символическая политика: сб. науч. трудов. – 2016. – Вып. 4. – С. 106–134.
9. Исследования молодых географов: сборник статей участников зимних студенческих экспедиций / Под ред. М.С. Савоскула, Н.Л. Фроловой. – Москва: ИД Академии Жуковского, 2023. – 180 с.
10. Коломенский творческий кластер – Дмитрий Ойнас: Интервью // Библиотека наследия. – 2022. – URL: <https://rhlib.ru/2022/01/kolomenskij-tvorcheskij-klaster-dmitrij-ojnas/> (дата обращения 21.08.2024).

11. Крузе Ю.Л. Краткий обзор сохранения и использования усадеб в Нижегородской области в экспедиции в Воскресенский муниципальный округ // Материалы V Асеевской межрегиональной научной конференции «Российская провинция во второй половине XIX – начале XX в.: проблемы социально-экономического, общественно-политического и социокультурного развития». – Тамбов: ООО «ТПС», 2023. – С. 148–152.
12. Митин И.И. Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. – Смоленск : Ойкумена, 2004. – 157 с.
13. О клубе // Деловой клуб «Наследие и экономика». – Б.г. – URL: <http://heritageclub.ru> (дата обращения 20.06.2024).
14. Ойнас Д. Коммерциализация символических ресурсов. Лекция // Rutube. – 2023. – 06.12. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=A7KfWDFV8> (дата обращения 20.05.2024).
15. Ойнас Д.Б. Технология «Ромашка смыслов» // Деловой клуб «Наследие и экономика». – 2022. – URL: <http://heritageclub.ru/category/experts/> (дата обращения 20.05.2024).
16. Память о наследии династии Кондратовых // Президентский фонд культурных инициатив. Проекты. Победитель конкурса. – 2023. – 30.08. – URL: <https://гранты.пфки.пф/public/application/item?id=06b3817d-efd0-46b7-8240-9d56a4c9fa67> (дата обращения 20.05.2024).
17. Постановление Правительства Нижегородской области от 09.06.2022 № 434 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии в целях возмещения части затрат на сохранение объектов культурного наследия, выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Нижегородской области» // Официальное опубликование правовых актов. – 2022. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/5200202206160013> (дата обращения 20.05.2024).
18. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2021 № 2613-р «О Концепции развития творческих (креативных) индустрий РФ и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» // Официальное опубликование правовых актов. – 2021. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109270012> (дата обращения 20.05.2024).
19. Сайт администрации Воскресенского муниципального округа. – Б.г. – URL: <http://voskresenskoe-adm.ru/> (дата обращения 20.05.2024).
20. Статус работ в Квартале // Официальный сайт АНО «Асирис». – 2023. – 22.12. – URL: <https://anoasiris.ru/historic-3s-sad/tpost/fprofjuxxc1-status-rabot-v-kvartale> (дата обращения 29.08.2024).
21. Творческая лаборатория «Узоры Казаковской филигрании» // Президентский фонд культурных инициатив. Проекты. Победитель конкурса. – 2024. – 20.02. – URL: <https://гранты.пфки.пф/public/application/item?id=0123a893-4afa-4ac1-b14c-a457ad3584b4> (дата обращения 20.05.2024).
22. Тульчинский Г.Л. Total Branding: мифодизайн постинформационного общества. Бренды и их роль в современном бизнесе и культуре / Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург : Филологический факультет, Факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета ; Москва : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2013. – 280 с.
23. Федотова Н.Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С. 141–155.
24. Чесноков Е. В Вачском муниципальном округе состоялась встреча Ассамблеи народов Евразии в рамках программы «Наследие Евразии: сельские сообщества» // Правительство Нижегородской области. Новости. – 2024. – 15.04. – URL: <https://nobl.ru/novosti-nizhegorodskoj-oblasti-za-vse-vremya/v-vachskom-munitsipalnom-okruge-sostoyalas-vstrecha-assamblei-narodov-evrazii-v-ramkakh-programmy-na> (дата обращения 20.06.2024).
25. Ширинкин П.С. Символические ресурсы в социально-культурной деятельности: аспект вузовской подготовки кадров // Культурная традиция и идентичность в условиях глобализации. – 2016. – № 4. – С. 69–75.
26. Энциклопедия Воскресенского района / В. Морохин; ред. совет: П.А. Родин (пред.) и др. – Нижний Новгород: Книга, 2014. – 326 с. – URL: <https://vivaldi.nlr.ru/bx000016286/view/?#page=329> (дата обращения 20.05.2024).
27. Яницкий О.Н. Междисциплинарные исследования: проблема и пути ее решения // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 126–135.

THE SYMBOLIC CAPITAL OF INHABITED PLACES AS A RESOURCE FOR THE DEVELOPMENT OF LOCAL COMMUNITIES AND CREATIVE INDUSTRIES

Yulia Kruse

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Cultural Studies, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering, Nizhny Novgorod,
Russia; julia.kruse@tm-service.ooo

Abstract. *This article analyzes the results of projects for the development of territories by attracting the attention of communities to local symbolic resources, implemented in Nizhny Novgorod and two rural municipal districts of the Nizhny Novgorod region. The formats of involvement, group interaction for the*

transfer of skills, mastering techniques for working with symbols of the territory by local communities through interdisciplinary educational and outreach programs, research expeditions and laboratories are considered, in which symbolic capital serves as the basis for the design of business chains based on local identity and including local symbols in the heritage economy. The patterns of the formation of creative startups around the manifested symbols are generalized, the most popular types of entrepreneurial activities and initiatives in the field of creative industries are identified.

Keywords: *symbolic resources; local communities; interdisciplinary research.*

For citation: Kruse Yu.L. The symbolic capital of inhabited places as a resource for the development of local communities and creative industries // Social novelties and Social sciences (SNS). – 2024. – N 3. – P. 26–43.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.02

УДК 316.3

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ СЕВЕРНОГО ГОРОДА

Гутова Светлана Георгиевна

доктор филос. наук, профессор кафедры экономических и социально-гуманитарных наук, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории имитационного моделирования Нижневартовского государственного университета, Россия; svetguts07@mail.ru

Самохина Наталья Николаевна

кандидат филос. наук, доцент кафедры экономических и социально-гуманитарных наук Нижневартовского государственного университета, Россия; natalia58@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается комплекс особенностей развития пространства северного города, которые определяются несоответствием экономических и демографических темпов роста и депрессивной социокультурной средой. Северный город становится малопривлекательным для жителей под воздействием динамичных миграционных процессов и маргинализации городского пространства. Негативную идентичность жителей северного региона следует целенаправленно корректировать для поддержания адаптации и укоренения.

Ключевые слова: северный город; Ханты-Мансийский автономный округ; социокультурная среда; миграция; адаптация; идентичность; комфортная городская среда; маргинальность городского пространства.

Для цитирования: Гутова С.Г., Самохина Н.Н. Проблемы формирования социокультурной среды северного города // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 44–54.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.03

Рукопись поступила: 16.06.2024

Принята к печати: 24.08.2024

Введение

Современное развитие северного города требует новой концепции, не сводимой к его функциональной специализации. Такой подход предполагает проведение комплексного анализа территории, климата, демографических особенностей и социокультурных потребностей жителей. Пространство города приобретает устойчивость и гармоничность только при одновременном учете экономических, экологических, социальных и культурных факторов, непосредственно влияющих на его развитие. Выявить особенности жизни города и проблемы, с которыми сталкивается население северных территорий, – значит использовать социокультурный подход, который обнаруживает связь между заданными условиями существования и культурным потенциалом Севера. Предмет исследования – проблемы и факторы формирования социокультурной среды северного города на примере городов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры¹ как местности, приравненной к районам Крайнего Севера.

Динамика развития российских регионов, включая изменения социокультурной среды, требует внимания к проблемам формирования гармоничного городского пространства, поскольку у жителей повышаются требования к его культурному, творческому, воспитательному и просветительскому потенциалу. Культурная жизнь города не ограничивается музеями, театрами, галереями и другими учреждениями искусства – она создает целостный образ, мифологию, коммуникационную и символическую среду, придающую своеобразие связям и отношениям между городскими жителями. Социальные практики в городском пространстве стремительно видоизменяются: культура города «не только подстраивается под интересы горожан, но и формирует новые модели их поведения: сначала люди формируют городскую среду, а затем эта среда формирует культуру жителей города» [Пространственное развитие..., 2020, с. 113]. Социокультурное городское пространство определяет «облик и душу» города, темпы, настроения и жизненные приоритеты. Оно должно объединять и привлекать как местных горожан, так и приезжих.

Молодое поколение россиян стремится в мегаполисы ради престижного образования, карьеры, достойных заработков, а также полноценного погружения в культурную жизнь страны. Молодежь привлекают интенсивные культурные процессы и события, открытые площадки для самореализации в досуге и творчестве. Сопоставимых масштабов в развитии и освоении культурного

---

¹ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – это самостоятельный субъект федерации, включающий 105 муниципальных образований, с численностью населения 1597,2 тыс. человек. 32 тыс. человек (2%) – представители коренных малочисленных народов Севера: ханты, манси и ненцы, половина из которых ведут традиционный образ жизни. Площадь – 534 801 км². Население – 1 655 074 человека. Административный центр – г. Ханты-Мансийск.

пространства малых и средних российских городов нет. Поэтому научное сообщество обсуждает формирование комфортной городской среды, способной обеспечить полноценную социокультурную жизнь для всех социальных слоев, включая небольшие, отдаленные, периферийные российские города. Позитивная динамика социокультурного развития регионов России зависит от научной оценки культурного и образовательного потенциала каждого населенного пункта страны, от раскрытия этого потенциала во взаимодействии ученых, практиков, муниципальных служащих, общественников, волонтеров.

Особенности социокультурной среды северного города и проблемы ее формирования

Социокультурная среда города имеет сложную структуру. Она всегда полифункциональна, потому что образующие ее смыслы, ценности, идеалы, потребности постоянно обновляются. Даже небольшое смещение в системе ценностей со временем закрепляется, и потому основные факторы формирования социокультурной среды подлежат мониторингу. Люди, погружаясь в конкретную систему взаимодействий и существуя по ее правилам, далеко не всегда способны посмотреть на себя как на элемент внутри данной системы, движущийся по заданной нормами, правилами, предписаниями, культурными ограничениями, религиозными предубеждениями, стереотипами и страхами траектории. Для человеческого существования социокультурная среда является обязательным условием полноценного включения в систему социальных связей и культурного обмена. В этом плане каждый город потенциально уникален с точки зрения условий для развития отдельной личности или целого социального сообщества. «Город – универсальная культурная константа, поэтому он может быть воспринят в координатах кода культуры, транслируемого в разных сферах – в политике, экономике, религии, этике и пр.» [Кузнецова, Петрулевич, 2018, с. 215].

Специфика формирования северных городов обусловлена не только суровым климатом, но и сложным протеканием социально-демографических и миграционных процессов, что делает актуальными поиск собственного пути развития и создание новых форматов организации социокультурной городской среды. Общественные пространства на Севере должны компенсировать и сложность природных условий, и оторванность от центров культурной жизни (периферийность).

Природа Севера затрудняет использование внегородского пространства для досуга. Между тем потребность северян в физической активности и в доступе к местам для отдыха очень сильна, как с точки зрения здоровья, так и с точки зрения дефицита тесных социальных взаимодействий: «Важную социальную роль в северных городах играет и озеленение городских территорий, являющееся частью ландшафтного дизайна. Люди в суровых условиях Севера испытывают особую потребность в общении с природой, которое помогает созданию необходимого человеку психофизиологического комфорта» [Жилина, 2023, с. 116]. «Выход» культурной жизни за границы городского пространства позволяет одновременно оставаться частью города и в то же время раз-

нообразить жизнь общением с живой природой. Благоустройство загородных площадок для проведения досуга решает несколько задач. Это расширение культурного обмена, развитие туризма и формирование экологического сознания, использование образовательно-просветительского и экономического потенциала северного региона.

К особенностям проживания на северных территориях можно отнести проблемы адаптации к условиям низкой эффективности общественных пространств, которые превращаются в ниши доминирования маргинальной культуры. Создание и поддержание «квазигородской среды» создает условия, благоприятные именно для маргинальной части населения, прежде всего иностранных и сезонных рабочих. «Активность иностранных рабочих в сфере правонарушений формирует у населения представление о трудовых переселенцах как об олицетворении разного рода отклонений от нормы, источнике социальных и экологических проблем. Подобное на протяжении нескольких десятков лет происходит и в России» [Дробязко, 2011, с. 175]. В итоге в популярных местах, где предпочитают отдыхать горожане, падает культура посещения, сами эти места связываются с формально замаскированными девиантными практиками: употреблением алкоголя, наркотиков, проституцией, нецензурной речью, криминалом и т.п. Избегание опасных общественных пространств усиливает изоляцию человека и сокращает культурный обмен.

Важно подчеркнуть специфику адаптации мигрантов из других, в первую очередь южных, регионов России. Белые ночи, длительная холодная и темная зима, унылый однообразный пейзаж непривычны и дискомфортны для южан. Появляются негативные психоэмоциональные состояния: апатия, усталость, депрессия. Адаптацию облегчает средовой дизайн, учитывающий особенности Севера [Ростовская, Швецова, 2022]. Открытые летние пространства не будут востребованы на Севере, если их нельзя трансформировать под зимний вариант досуга. При создании арт-объектов и реализации некоторых архитектурных идей, проектов, направленных на благоустройство города, нужно учитывать климатические условия эксплуатации.

Миграционные процессы, мультикультурность и маргинальная социокультурная среда

Проблема маргинализации городского пространства актуальна во всем мире уже на протяжении десятилетий. Западные исследователи отмечают, что появление городских маргиналов связано с возникновением между горожанами особых форм отношений, вызванных процессами политической, экономической, пространственной и социальной маргинализации [Robinson, 2011]. Одним из основных источников, подпитывающих эти процессы, является миграция. Активность миграционных потоков в ряде северных регионов традиционно высока. Это трудовая миграция, преимущественно ради работы вахтовым методом. Постепенный рост и благоустройство городов и сельских поселений способствовали закреплению некоторой части приезжих, особенно обладателей востребованных профессий. Впоследствии переселенцы привозили семьи, приглашали род-

ственников и знакомых. Культурный облик современного северного города формировался часто стихийно и в относительно короткие сроки.

Многие северные города в России обязаны своим созданием энтузиазму советской молодежи, которая искала для себя возможности реализации, а преодоление трудностей рассматривала как подвиг. Но не только романтика советского периода оказала влияние на миграцию – северный регион становился привлекательным и благодаря экономическому потенциалу, высокой оплате труда. «Следует обратить внимание, что миграционные процессы в округе остаются на достаточно высоком уровне, даже при условии их снижения. Ежегодно в округ на постоянное место жительства прибывают более 70 тыс. чел., но примерно и столько же выбывает из ХМАО-Югры» [Шульгин, Кутышкин, Данилова, 2022, с. 65]. Особенность внутренней миграции обусловлена тем, что «для северных территорий субъектов, которые целиком не входят в состав Крайнего Севера и приравненных местностей, характерен относительно низкий уровень миграционной подвижности за счет значительно более низких показателей внешней по отношению к региону миграции. В основном это вызвано тем, что периферийность таких территорий внутри нессеверного региона превалирует над их “северностью”. В результате миграционные потоки ориентированы скорее на центр региона, чем вовне» [Ефремов, 2016, с. 150]. Такая внутренняя миграция тоже сказывается на культурном развитии малых и средних городов, формируя в них гомогенно маргинальную культурную среду.

Ярким примером подобного формирования социокультурного пространства в малых и средних городах является Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, который относится к местностям, приравненным к районам Крайнего Севера. Регион стабильно занимает высокие места в рейтингах по многим ключевым показателям успешного развития. «Данный регион обладает своей культурной и социально-экономической спецификой. В округе создаются уникальные условия для развития и внедрения инноваций во всех сферах жизнедеятельности» [Молодежь в условиях Севера..., 2022, с. 38]. Для работающего населения в северном регионе предусмотрены различные компенсации и гарантии, связанные с условиями жизни и работы в округе. Естественно, что такое экономическое положение, уровень социальной поддержки, медицинского обслуживания привлекают трудовых мигрантов. Социокультурная среда, инфраструктура малых и средних северных городов отстают от центральных регионов, но могут быть значительно выше по своему уровню, чем в тех регионах (странах), откуда прибыли мигранты. Главный выталкивающий фактор – это высокий уровень безработицы. Но при выборе места для работы и жизни важно учитывать не только уровень заработной платы, но и качество жизни, доступность услуг, климатические условия, а также возможности для личного и профессионального развития. Поэтому значительная часть людей воспринимает переезд в северные поселения как временный, вынужденный, необходимый, чтобы «встать на ноги». Среди северян, в том числе жителей относительно благополучно-

го Ханты-Мансийского округа, распространен образ поведения, «в соответствии с которым с Севера “принято” уезжать» [Мкртчян, 2020, с. 447].

Для Севера с его природными и социально-экономическими особенностями представляется актуальной проблема образования маргинальной социокультурной среды, которая формируется благодаря миграционным процессам и культурному разнообразию. Во-первых, необходимо отметить, что простое сравнение количества прибывающих в северный регион и выбывающих из него людей не может показать все его реальные проблемы, связанные с особенностями формирования социокультурной среды. Так, молодежь, имеющая хороший потенциал, не видя перспектив для профессиональной самореализации, стремится получать образование за пределами округа и закрепиться по месту учебы или в другом регионе, при этом часто уже не возвращается обратно. В то же время многие прибывающие трудовые мигранты в лучшем случае имеют среднее профессиональное образование, а иногда только среднее или начальное.

Во-вторых, необходимо отметить, что для многих северных городов характерна мультикультурность, которая является следствием сложных, длительных миграционных процессов. В результате сложилась благоприятная среда, характеризующаяся культурным разнообразием и терпимостью к самым разным национальным ценностям, традициям и верованиям одновременно. Универсальность такой социокультурной среды создает условия для формирования единого пространства, но одновременно усложняет формирование социальной и культурной идентичности. Мигранты довольно долго адаптируются к суровым условиям северных территорий и не стремятся сознательно интегрироваться в новое культурное пространство. Они часто воспринимают себя «чужими» в новой социокультурной среде, а климат и новые условия существования не располагают их «любить» данное временное для них местонахождение, часто вынужденное, необходимое только для высокого заработка.

На Севере конфликты на национальной почве редки и носят скорее локальный характер. Опросы показывают сдержанное отношение местного населения к мигрантам [Бурундукова, Родь, Хромцова, 2017]. Практически все современное городское население Ханты-Мансийского округа по отношению к коренным жителям является приезжим или насильно переселенным (история Югорского края знает несколько таких волн, связанных с заселением северных территорий). Но как только случается резонансное событие, тиражируемое в региональных СМИ, негативные настроения резко возрастают. В целом недовольство латентное и проявляется только при определенных обстоятельствах. Поскольку коренное население составляет небольшую часть (не более 3%) в относительно крупных северных городах [Численность и миграция..., 2024], то расслоение осуществляется по принципу количества лет, прожитых на Севере (сколько поколений), и по тому, является ли житель россиянином. Последнее время количество жителей, прибывших из ближнего зарубежья (в основном из Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Казахстана и других бывших

советских республик), существенно увеличилось. Они не стремятся специально изучать язык (владеют минимальным набором слов) и стараются существовать изолированно [Бурундукова, Родь, Хромцова, 2017]. Местных жителей настораживает навязывание мигрантами собственных правил поведения, а также их участие в криминальной деятельности. Неконтролируемая миграция создает напряженность в обществе и «формирует отрицательное отношение к приезжим, провоцирует возникновение конфликтных ситуаций» [Осипова, 2019, с. 223]. Происходит «существенное изменение качественных характеристик миграционных потоков на территории округа. Это связано с изменением этнического состава населения, жизненным укладом населения; ростом числа мигрантов с исламской культурной традицией; ослаблением процесса социализации; проявлением агрессивности в требованиях признания своей культуры» [Осипова, 2019, с. 221].

Последствия миграции для социально-экономического и социокультурного развития округа неоднозначны. Посредством миграций осуществляется процесс этнического и культурного совершенствования. Но в то же время «неконтролируемые, интенсивные миграционные процессы ... становятся источником повышения межэтнической напряженности на северных территориях» [Авимская, 2020, с. 60]

В результате человеческий ресурс в условиях северного климата, низкой плотности населения и постоянного миграционного движения нуждается не только в сохранении и воспроизводстве, но в правильной миграционной политике, включая политику культурной интеграции приезжих граждан, которые прибывают на Север не только из разных регионов, но и из бывших советских республик. «Мигранты, проживая на территории тех или иных районов, должны учитывать особенности региона, соблюдать традиции и нормы поведения, принятые в обществе... Важной составляющей должна стать их социокультурная адаптация, формирование у них ментальности, максимально приближенной к гражданам России» [Леденева, 2020, с. 129–130].

Основная проблема состоит в том, что при сохранении высокого уровня миграционного движения (как притока, так и оттока) уровень адаптации мигрантов низок. Образуется маргинальная среда, которая тиражируется и в образе города. Для многих северных городов возникает задача создания безопасной среды и одновременно поддержания культурного разнообразия посредством единой площадки общественного городского и внегородского пространства. Важно понять, какую роль в этом может сыграть современная молодежь Севера.

Социокультурная среда и городская идентичность

Формирование культурной идентичности в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре осложнено повышенной динамикой миграционных процессов и пестрым этническим составом. Постоянные ротации трудовых мигрантов, легальных и нелегальных, ведут к дезинтеграции горожан и дезадаптации мигрантов относительно культурной жизни северных городов Югры. Иден-

тичность горожан «является результатом социализации и адаптации индивида в конкретном городском пространстве, усвоения и воспроизводства культурных символов, принятых норм, традиций, стиля жизни жителей города» [Петрулевич, 2023]. Культура выполняет функцию регенерации городского пространства. Но если первичная социализация большинства жителей протекала в другом месте, то постепенной трансформации культурных традиций не происходит – они ломаются резко, болезненно и часто. В исследованиях миграции распространен анализ криминальной, экономической статистики, участия приезжих в криминальных практиках [Осипова, 2019, с. 223], но не «процесса аккультурации в городской среде, как процесса взаимовлияния культур, восприятия одним народом ... другого» [Шилехина, 2016, с. 105].

Контрмерами против культурного распада могут быть культурный туризм, поддержка местных инициатив и целевых проектов, проведение фестивалей и других мероприятий как условий для постоянных межэтнических контактов и взаимодействий. «Городская культура ... изменчива, диалогична, поскольку в городе культурогенез становится следствием коммуникации всех элементов городского сообщества. Эта межкультурная коммуникация является условием качественного разнообразия городского социокультурного пространства» [Петрулевич, 2023].

Живое общение – минимальное условие для интенсивного социокультурного взаимодействия. Это касается и владения мигрантами русским языком, знакомство с которым сводится к стандартному набору, необходимому для трудовой деятельности, решения бытовых нужд, к знанию отдельных правил. Поэтому так важны непосредственные контакты, живая среда общения внутри комфортного единого городского пространства, где можно усвоить культурные традиции, понять особенности национального характера, интересов и потребностей сограждан. В реальности ситуация обратная. Недостаточное знание русского языка приводит к возникновению закрытых самоизолирующихся национальных сообществ. Приезжает семья, родственники, знакомые, и этого микроклимата достаточно для поддержания своего традиционного образа жизни и культурной идентичности.

Аппарат муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, представители общественных некоммерческих организаций, специализированных государственных культурно-досуговых центров трудятся над созданием единого для региона социокультурного пространства, но пока эти усилия малоэффективны ввиду отсутствия целостной концепции развития региональной культуры. Важно учитывать, что факторов, влияющих на становление уникального культурного пространства города, много. Это история, памятники, традиции и обычаи. Архитектура и дизайн – планировка улиц, зданий, наличие парков и скверов – создают визуальный образ города и влияют на его культурную атмосферу. Социально-культурные учреждения – музеи, театры, концертные залы – создают эмоционально окрашенные события, которые привлекают внимание, и общий культурный опыт для жителей и гостей города. Социально-экономические

факторы – уровень доходов населения, социальная интеграция, экономическое развитие – влияют на доступность культурных институций. Социокультурная политика, инвестиции в культурные проекты могут как стимулировать, так и ограничивать развитие культурного пространства. Целостность обеспечивают развитая транспортная инфраструктура и система коммуникации, от которой производны общественное мнение и культурные тренды.

Образ жизни и личностная идентичность каждого горожанина взаимодействуют с реальным и воображаемым социокультурным пространством города. Городская среда может способствовать как интеграции, так и изоляции мигрантов, а само физическое пространство ограничивает или облегчает формирование территориальной идентичности. В результате образуется нестабильная социокультурная среда, которая порождает маргинальную культуру, и затем цикл вновь повторяется.

Заключение

Социокультурная среда и городская идентичность играют важную роль в формировании общества и личности каждого человека. О дисфункциях свидетельствуют: ослабление безопасности, утрата культурного наследия, нарушение социокультурных традиций, рост анонимности и асоциальности в городских общинах. Для поиска контрмер необходимы регулярные обследования потребностей горожан, уровня удовлетворенности городским пространством, степени тревожности или опасных агрессивных и депрессивных настроений. Важно поддерживать и развивать культурные и образовательные инициативы по сохранению и продвижению культурного наследия, созданию позитивного образа города. Для стимулирования диалога и взаимопонимания между социокультурными группами требуются привлекательные и безопасные пространства взаимодействия.

Развитие городской инфраструктуры, поддержка местных художественных и культурных инициатив, прямое влияние горожан на решения по развитию города – обязательная часть создания благоприятной социокультурной среды для жителей. Акцентировать необходимо удобство инфраструктуры, доступность и связность общественных пространств и снижение вредных выбросов в окружающую среду. Поддержка разнообразия культурных и образовательных инициатив способна выставить барьер к распространению маргинальной среды и создать благоприятную почву для творческой и интеллектуальной жизни города.

Основу развития современного города составляют инновационные технологии. Северный город должен сохранять самобытность, мультикультурность, но оставаться открытым к внедрению новых идей и возможностей, готовым адаптироваться к стремительным изменениям условий жизни. Комплексный подход к развитию северного города должен учитывать те сложности и вызовы, с которыми сталкиваются жители, охватывать все аспекты жизни и функционирования города, артикулировать образ будущего, что соответствует интересам и потребностям молодежи как

важнейшего ресурса развития. Только такой подход позволит создать гармоничное социокультурное пространство для устойчивого качества жизни и развития горожан.

Список литературы

1. Авимская М.А. Миграция и проблемы адаптации мигрантов в ХМАО-Югре: история и современность // Постсоветский материк. – 2020. – № 4 (28). – С. 54–71.
2. Бурундукова Е.М., Родь Ю.С., Хромцова Л.С. Результаты социологического исследования вопросов трудовой миграции на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры // Вестник Югорского государственного университета. – 2017. – № 3 (46). – С. 29–35.
3. Дробязко Н.Е. Маргинальная культура в современном обществе // Аналитика культурологии. – 2011. – № 19. – С. 173–177.
4. Ефремов И.А. Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России // Регионоведение. – 2016. – № 4 (97). – С. 140–159.
5. Жилина И.Ю. Арктические города России: последствия изменения климата // Экономические и социальные проблемы России. – 2023. – № 3 (55). – С. 97–128.
6. Кузнецова А.В., Петрулевич И.А. Концепт города: код культуры и нарратив // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2018. – № 4 (229). – С. 212–219.
7. Леденева В.Ю. Трансформация миграционных процессов в субъектах Уральского Федерального округа и их влияние на демографическую и этнокультурную безопасность региона // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 125–130.
8. Мкртчян Н.В. Роль миграции в динамике численности и структуры населения регионов Крайнего Севера и приравненных к нему местностей // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. – 2020. – № 18. – С. 431–448.
9. Молодежь в условиях Севера: социокультурные тенденции, миграция и качество жизни / С.Г. Гутова, С.В. Данилова, Н.Н. Самохина, И.Н. Брянский // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 10. – С. 36–43.
10. Осипова Л.Б. Воздействие миграции на социально-экономическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа-Югры // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 2 (59). – С. 219–225.
11. Петрулевич И.А. Городская идентичность в ценностной парадигме современного российского общества // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2023. – Т. 14, № 4. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/83SCSK423.pdf>. – (дата обращения: 16.06.2024).
12. Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики: [монография] / М.Ф. Черныш, В.В. Маркин [и др.]; отв. ред. М.Ф. Черныш, В.В. Маркин; предисл. М.К. Горшков; ФНИСЦ, РАН. – Москва: ФНИСЦ РАН. – 2020. – 523 с.
13. Ростовская А.А., Швецова А.Д. Архитектурно-планировочные аспекты проблем крупного северного города в XXI веке // Наука, образование и экспериментальное проектирование. – 2022. – № 1. – С. 101–103.
14. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2023 г. Стат. Бюллетень // Федеральная служба государственной статистики. Публикации. Информационно-аналитические материалы. – 2024. – 12.07. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения 21.05.2024).
15. Шилехина М.С. Современные тенденции формирования культурного пространства города: проблемы и возможности? // Культурное наследие России. – 2016. – № 4. – С. 103–109.
16. Шульгин О.В., Кутышкин А.В., Данилова С.В. Исследование демографических процессов Ханты-Мансийского автономного округа // Региональные проблемы преобразования экономики. – 2022. – № 6 (140). – С. 59–66.
17. Robinson J. Cities in a World of Cities: The Comparative Gesture // International Journal of Urban and Regional Research. – 2011. – Vol. 35, N 1. – P. 1–23.

PROBLEMS OF FORMING THE SOCIO-CULTURAL ENVIRONMENT OF A NORTHERN CITY

Svetlana Gutova

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Economic and Social Sciences and Humanities,
Senior Researcher of the Research Laboratory of Simulation Modeling,
Nizhnevartovsk State University

Natalia Samokhina

PhD of Philosophy, Associate Professor Department of Economic and Social Sciences
and Humanities, Nizhnevartovsk State University

Abstract. *The article considers a set of features of the development of the northern city space, which are determined by the discrepancy between economic and demographic growth rates and the depressed socio-cultural environment. The northern city is becoming unattractive for residents under the influence of dynamic migration processes and the marginalization of urban space. The negative identity of the inhabitants of the northern region should be purposefully adjusted to maintain adaptation and rooting.*

Keywords: *northern city; Khanty-Mansiysk autonomous region; sociocultural environment; migration; adaptation; identity; comfortable urban environment; marginalization of urban space.*

For citation: Gutova S.G., Samokhina N.N. Problems of formation of the sociocultural environment of the northern city // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 3. – P. 44–54.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.03

УДК 316.334.54:365

ЖИЛИЩНАЯ ПРЕКАРНОСТЬ В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ И ОЦЕНКА ИХ ЗНАЧИМОСТИ ДЛЯ РОССИИ

Литвинцев Денис Борисович

кандидат социологических наук, доцент кафедры экономики, управления, социологии и педагогики Новосибирского государственного архитектурно-строительного университета, Новосибирск, Россия; denlitv@inbox.ru

***Аннотация.** Жилищная прекарность наравне с прекаризацией труда становится неотъемлемой составляющей современного общества риска в «эпоху тревожности». Популяризация исследований в данной области в последние годы свидетельствует о том, что ученые из разных стран все чаще актуализируют проблематику прекаризации жилья в контексте нестабильности, шаткости жилищной ситуации отдельных слоев населения. При этом результаты исследований в Европе показывают, что в прекарных жилищных условиях находятся как арендаторы, так и сами собственники жилья. Исследование жилищной прекарности в США демонстрирует неравномерность территориального распространения данной проблемы. К аналогичным выводам приходят и исследователи из Австралии, но уже на уровне отдельных городов. Полученные результаты и выводы, сделанные различными исследовательскими коллективами, могут лечь в основу измерений жилищной прекарности в России.*

***Ключевые слова:** жилищная социология; жилищная ситуация; жилищная прекарность; прекаризация жилья; нестабильное жилье; неустойчивое жилье.*

***Для цитирования:** Литвинцев Д.Б. Жилищная прекарность в развитых странах: обзор исследований и оценка их значимости для России // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 55–65.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.04

Рукопись поступила: 01.06.2024

Принята к печати: 09.08.2024

Введение

Прекарность жилья – это неопределенность, неустойчивость жилищной ситуации, вызванная различными обстоятельствами, которые могут быть связаны как с самим жилищем и его характеристиками, так и с жилищными отношениями (с поставщиками услуг, соседями и др.). Теория жилищной прекарности достаточно молода и малоизвестна на сегодняшний день в кругах российских исследователей. Тем не менее она уже сейчас является неплохим инструментом для оценки жизненных ситуаций и мобильности в парадигме жилищной социологии (принимая во внимание мультипарадигмальность науки, обоснованную еще Дж. Ритцером). В рамках подобного теоретико-методологического «фреймворка» исследователи исходят из того, что именно жилище (жилищные условия, жилищные отношения и т.п.) является начальной точкой анализа функционирования общества, а не социальная структура, взаимодействие и / или конфликты [Литвинцев, 2024б]. В свою очередь прекарность жилья предопределяет траектории вынужденной территориальной мобильности, характеризует пространственную сегрегацию и в конечном счете влияет на качество жизни различных социальных групп.

Первые зарубежные исследования жилищной прекарности зачастую фокусировали свое внимание на отдельно взятых показателях, например, доступности жилья с точки зрения финансовой возможности его содержания и эксплуатации. Однако в последние годы разные исследовательские коллективы сконцентрировали свое внимание на интегральном подходе, все чаще предлагая индексный метод для оценки прекаризации жилья. Это способствует учету множества отдельных показателей, которыми оперируют официальная статистика и профильные ведомства. Одним из первых, кто предложил комплексный подход к оценке прекарности жилья в Европе и операционализировал это понятие, стал исследовательский коллектив под руководством Э. Клер [Housing precariousness: its measurement..., 2016]. Их работа легла в основу целого ряда последующих исследований жилищной прекарности.

Автор настоящей статьи, не преследуя на данном этапе цель предложить собственное трактование феномена жилищной прекарности, ставит перед собой задачу охарактеризовать состояние ее исследований в России, а также дать краткий обзор зарубежных методов измерений прекарности жилья, основанных на комплексной, многомерной оценке. Ключевая идея статьи заключается в интерпретации основных результатов исследований жилищной прекарности в Европе, США и Австралии и последующей оценке их значимости для дальнейшего изучения прекарности жилья в регионах России. Для этого автор обращается к наиболее известным на сегодняшний день подходам в жилищной социологии: Мера прекарности жилья (англ. Housing Precariousness Measure,

НРМ), которую разработали Э. Клер, А. Ривз, М. Макки и Д. Стаклер для стран Европы; Модель риска жилищной прекарности (англ. Housing Precarity Risk Model, HPRM), предложенная Urban Displacement Project в США; Индекс прекарного жилья (англ. Index of Precarious Housing, IPH), используемый Australian Housing and Urban Research Institute и др.

Прекарность жилья в России: состояние исследований

До недавнего времени с позиции социологической теории жилищной прекарности в России исследования не проводились. Специалисты сосредоточивали свое внимание на экономических оценках доступности и качества жилья, с одной стороны, и на социологическом анализе прекариата как нового социального класса и прекарной занятости на рынке труда, – с другой. Кроме того, отдельные показатели (например, доля расходов на жилищно-коммунальные услуги в общем объеме расходов домохозяйств) регулярно обсуждаются как в научном сообществе, так и в средствах массовой информации, однако эти дискуссии, как правило, лежат вне дискурса именно жилищной социологии и, что очевидно, не опираются на теорию жилищной прекарности.

Перспективы измерений прекаризации жилья в России с учетом оценки международного опыта были очерчены автором настоящей статьи впервые весной 2024 г. на пленарном заседании XVII Международной научно-технической конференции «Актуальные вопросы архитектуры и строительства»¹. Отдельно на секции «Вектор развития ЖКХ: актуальные вопросы и решения» автором были предложены к обсуждению некоторые показатели, рассчитываемые Росстатом (благоустройство жилищного фонда; размер общей площади жилых помещений, приходящихся на одного жителя и др.), как важные индикаторы прекарности жилья [Литвинцев, 2024 а].

Особое внимание было уделено институционально-правовой природе жилищной прекарности на VI Всероссийской научно-практической конференции «Социальные институты в правовом измерении». Исследуя развитие феномена прекарности от Древнего Рима до наших дней, автор приходит к выводу, что прекарность вещей (в том числе жилья) характеризуется двумя неотъемлемыми факторами: непредсказуемость окончания срока владения / пользования, зависящая от множества обстоятельств (политических, социально-экономических, природно-климатических и др.), и внешнее институциональное регулирование – установленные государством правила игры в разных сферах, в том числе жилищной [Литвинцев, 2024 в].

Настоящая статья сохраняет заданный вектор жилищных исследований в социологии, а также отражает и расширяет отдельные идеи из двух последних докладов автора, сделанных летом 2024 г.: «Прекарность жилья: опыт исследований за рубежом и первые результаты измерений в России» на Всероссийской научной конференция «Преобразование городской среды: новые тен-

---

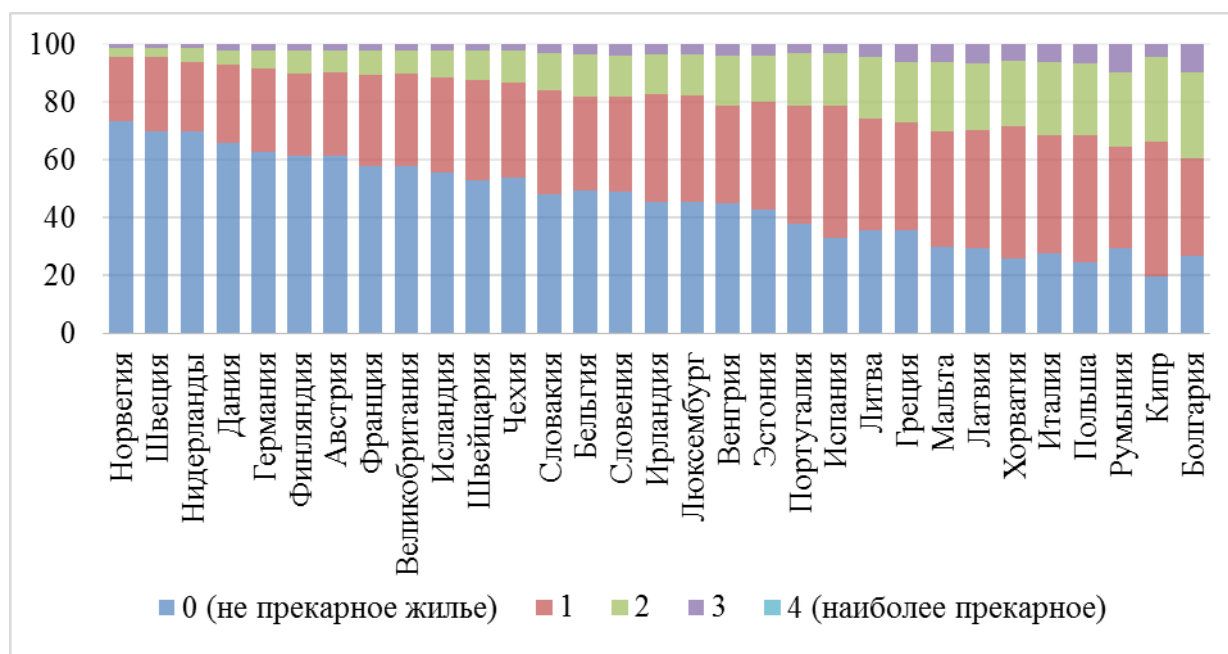
¹ См. программу конференции: http://www.sibstrin.ru/files/vorotnikov/Программа_МНТК-XVII_ИТОГ-3.pdf (дата обращения 24.06.2024).

денции и старые проблемы»¹ и «Прекаризация жилья в России и в мире: зарубежный опыт и национальная специфика измерений» на VI Международной научно-практической конференции «Социальная динамика населения и человеческий потенциал»².

Прекарность жилья за рубежом: основные выводы для России

Исследователи из Европы выделили четыре группы показателей жилищной прекарности: доступность жилья (финансовая нагрузка), безопасность жилья (риск смены жилья), качество жилья (обеспеченность коммунальными услугами, перенаселенность и т.п.) и наличие инфраструктуры (доступ к магазинам, наличие общественного транспорта и др.) [Constructing a housing precariousness ... 2019]. Целесообразно отметить, что Р. Уолдрон, взяв за основу предложенную методику, в своем исследовании прекарности на рынке арендного жилья в Ирландии заменил последнюю группу показателей на индикаторы финансового потенциала домохозяйств в Индексе жилищной прекарности (англ. Housing Precarity Index, HPI) [Waldron, 2023].

Оценка жилищной прекарности в разных странах Европы позволяет сделать несколько важных выводов, которые могут лечь в основу дальнейших исследований в регионах России.

Рис. 1. Жилищная прекарность в странах Европы (%)

Источник: [Constructing a housing precariousness ..., 2019, p. 21] в переводе на русский.

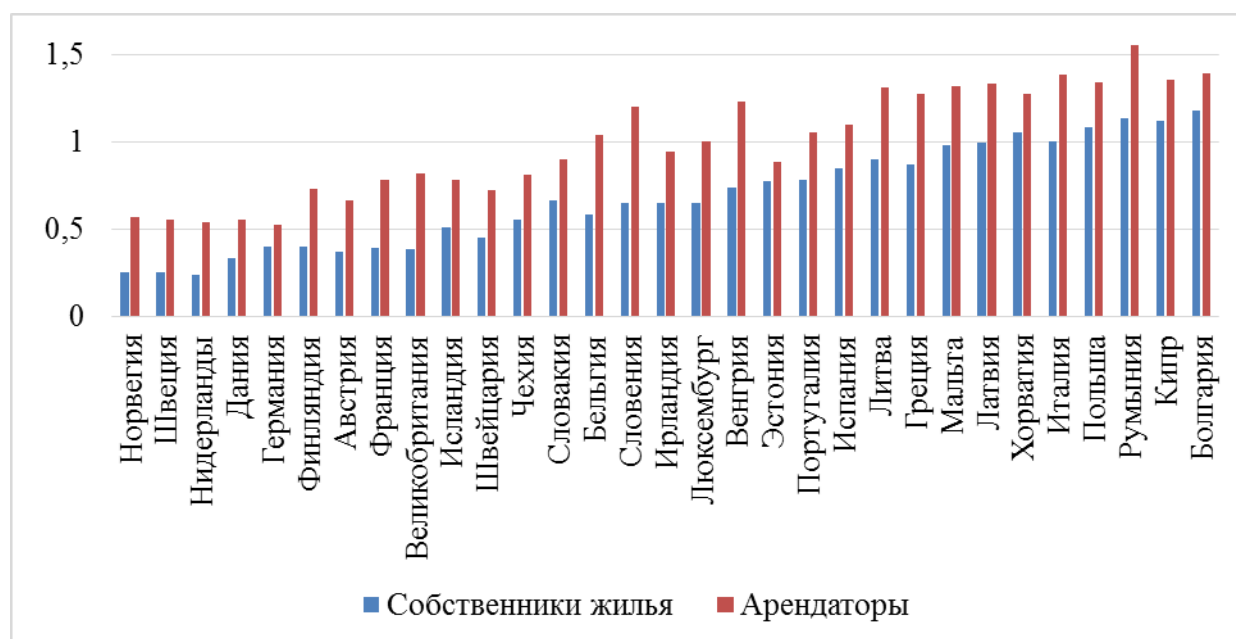
Независимо от общественно-политического строя и уровня социально-экономического развития определенная часть населения всех европейских стран проживает в прекарных жилищных условиях. Понятно, что Норвегия, Швеция, Нидерланды и Дания имеют самые низкие средние по-

¹ См. программу конференции: https://inon.ru/site/assets/files/8410/konferentcii_23-24_05.pdf (дата обращения 24.06.2024).

² См. программу конференции: http://www.isesp-ras.ru/images/news/attaches/2024_06_21/program_socio-dynamics_2024.pdf (дата обращения 24.06.2024).

казатели precariousности по шкале от 0 до 4, в то время как восточноевропейские страны и малые островные государства, включая Болгарию, Кипр, Румынию и Польшу, – самые высокие (рис. 1) [Constructing a housing precariousness ..., 2019]. Это позволяет предположить, что и в России определенная доля населения сталкивается с precariousностью жилищных условий, а значит, необходимы дальнейшие экономико-социологические исследования данной проблемы.

Факт владения жильем не является панацеей от жилищной precariousности. Арендаторы действительно чаще сталкиваются с precariousными жилищными условиями, чем собственники жилья (рис. 2) [Constructing a housing precariousness ..., 2019]. Однако, принимая во внимание многомерность жилищной precariousности, важно подчеркнуть, что независимо от структуры рынка жилья и характера жилищных отношений precariousность сохраняется в той или иной степени. Это свидетельствует о том, что предложенная коллективом европейских исследователей Мера precariousности жилья может быть адаптирована и для России, где преобладает жилье в частной собственности при сохраняющейся незначительной доле государственного и муниципального жилищного фонда.

Рис. 2. Precariousность жилья у собственников и арендаторов в Европе

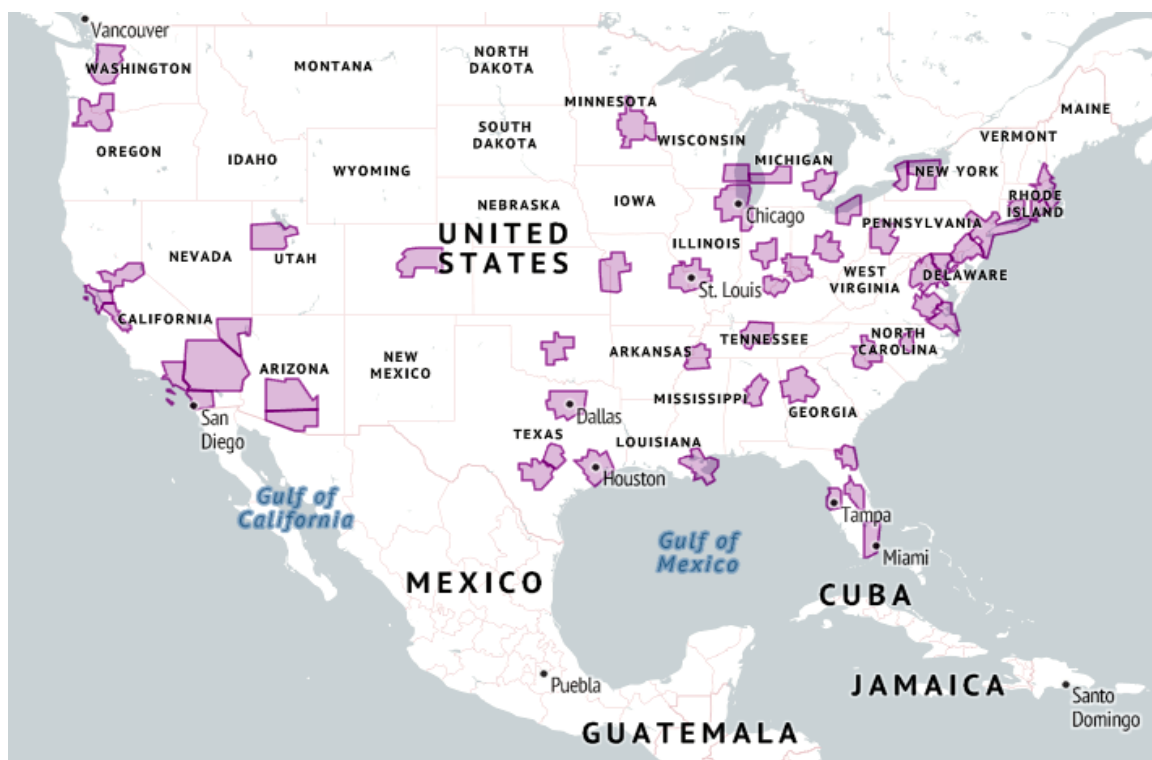
Источник: [Constructing a housing precariousness ..., 2019, p. 24] в переводе на русский.

Наиболее распространенные факторы precariousности жилья – его качество и финансовая доступность (в эксплуатации). При этом в precariousных жилищных условиях чаще всего оказываются представители молодежи, безработные и одинокие люди, а также имеющие низкий уровень образования [Constructing a housing precariousness ..., 2019]. Подобное свидетельствует о тесной связи жилищной precariousности и precariousизации труда, которая давно исследуется и в России. Понятно, что отсутствие постоянной занятости / дохода повышает precariousность жилищной ситуации (невозможность регулярно оплачивать аренду, ипотеку, жилищно-коммунальные услуги и т.п.) [От precariousной занятости ..., 2022]. В данном случае исследователи из Турции предлагают характеризовать

подобный феномен как двойную precariousность – риск потерять и работу, и жилище (например, служебное) одновременно [Bayurgil, 2022].

Тенденции к precariousности на рынке труда (отсутствие стабильного заработка, неустойчивый характер занятости и т.п.) неизбежно отражаются на жилищных условиях [Полухина, 2017]. С целью повысить свое благосостояние и улучшить жилищные условия (провести ремонт, приобрести новую мебель и в целом повысить благоустроенность своего жилья) precariousные работники стремятся найти дополнительные источники дохода [Тощенко, 2020]. Принимая во внимание тот факт, что в России современная жилищная политика все больше делает акцент на развитии институтов арендного, ипотечного жилья, а в перспективе и лизингового жилья, можно констатировать, что жилищная precariousность будет только усиливаться среди определенных категорий населения, что также требует отдельного осмысления и изучения.

В США исследователями был сделан акцент на территориальном распространении жилищной precariousности. Области с наивысшим рангом согласно Модели риска жилищной precariousности, учитывающей риски выселения и уязвимость к перемещению, уровень безработицы и ее изменение, а также расовую сегрегацию на уровне районов: Лас-Вегас–Хендерсон–Парадайз (штат Невада), Новый Орлеан–Метайри (Луизиана), Детройт–Уоррен–Дирборн (Мичиган), Провиденс–Уорик (Род-Айленд, Массачусетс), Буффало–Чиктовага (Нью-Йорк), Мемфис (Теннесси, Миссисипи, Арканзас), Кливленд–Элирия (Огайо), Филадельфия–Кэмден–Уилмингтон (Пенсильвания, Нью-Джерси, Де-Мэриленд), Нью-Йорк–Ньюарк–Джерси–Сити (Нью-Йорк, Нью-Джерси, Пенсильвания), Лос-Анджелес–Лонг-Бич–Анахайм (Калифорния) (рис. 3) [Housing Precarity ...].

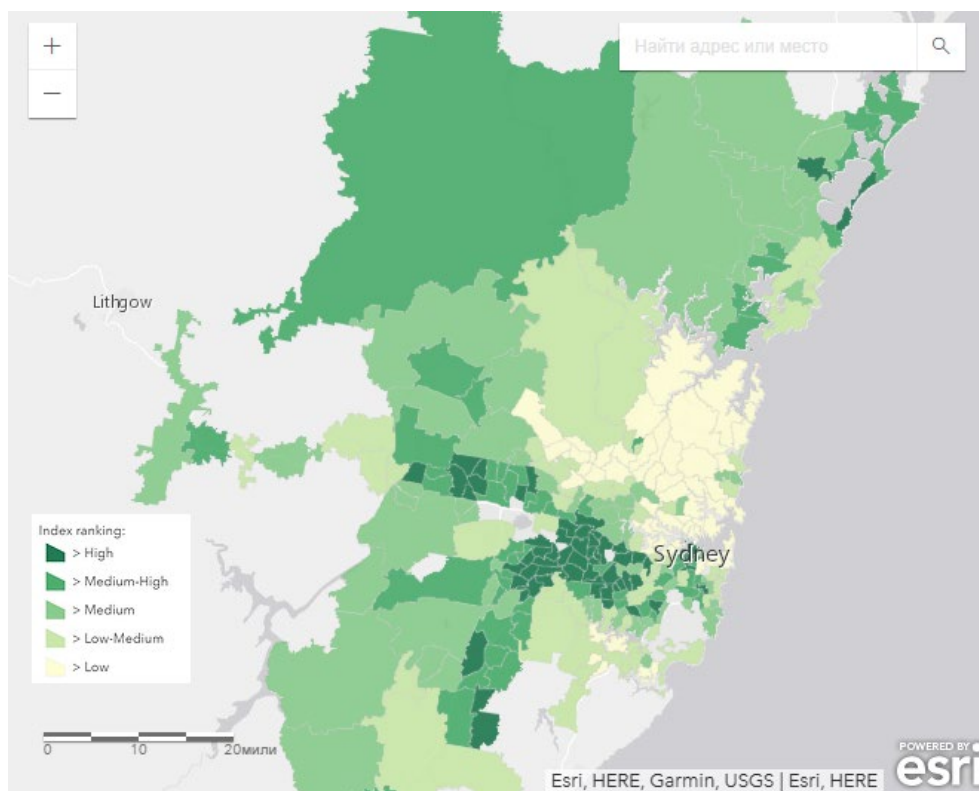

Рис. 3. Карта precariousности жилья в США

Источник: изображение с сайта [Housing Precarity ..., 2024].

Таким образом, жилищная precariousность распространена в пространстве неравномерно; в России, например, она может иметь также региональный характер, а значит, целесообразно построение рейтинга субъектов Федерации на основе измерения индекса жилищной precariousности с последующей агрегацией регионов в соответствующие кластеры. Отдельный интерес может представлять оценка precariousности жилья и на уровне федеральных округов, экономических районов и т.п.

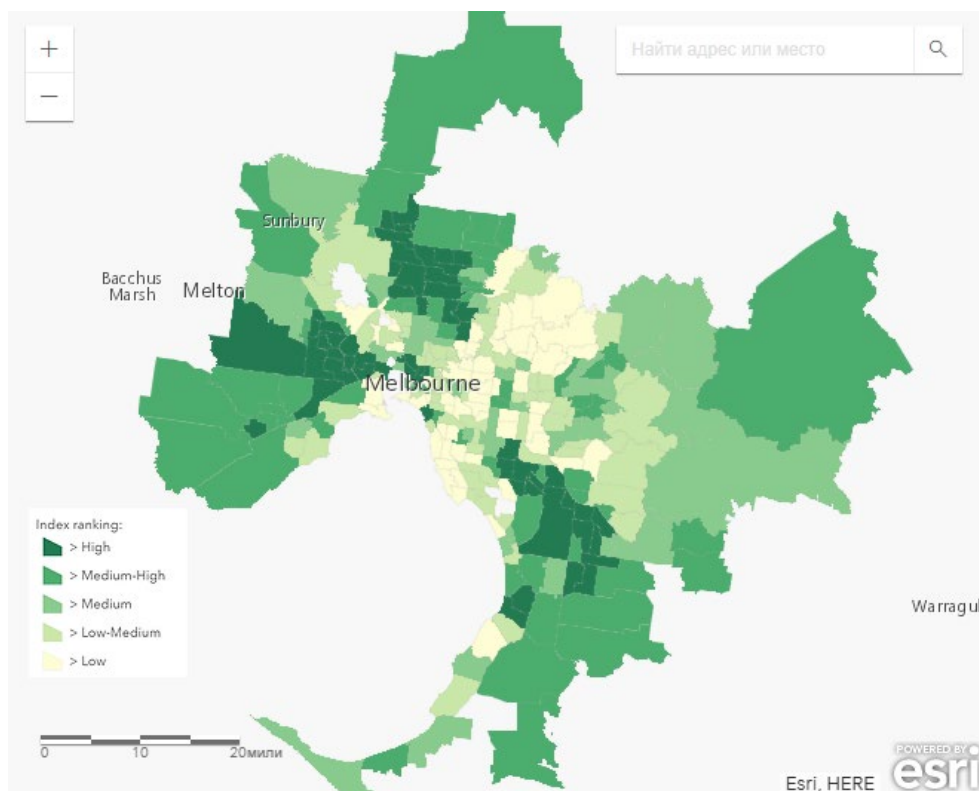
Пространственная неравномерность жилищной precariousности, связанной с распространением коронавирусной инфекции, обнаруживается и в Австралии. Предложенный исследователями Индекс работы по соседству и жилищной precariousности (англ. Neighborhood Employment and Housing Precarity, NEHP)¹, учитывающий возможность работать из дома, близость к другим людям на рабочем месте, доступ к чрезвычайным фондам помощи и перенаселенность жилья, демонстрирует это на примере австралийских городов Мельбурн и Сидней. Низкий балл (желтый цвет) соответствует районам, в которых люди менее подвержены вспышкам инфекционных заболеваний (рис. 4, 5) [Neighborhood Employment ..., 2024].

Рис. 4. Карта precariousности жилья в Сиднее

Источник: изображение с сайта [Neighborhood Employment ..., 2024].

¹ На сегодняшний день для измерений жилищной precariousности в Австралии применяется также Индекс precariousности окрестностей и городского жилья (англ. Precarity Index for Neighbourhood and City Housing, PINCH), учитывающий профили доходов домохозяйств, тип и доступность жилья [Specialist Housing ..., 2024].

Рис. 5. Карта precariousности жилья в Мельбурне

Источник: изображение с сайта [Neighborhood Employment ..., 2024].

Австралийские исследователи выявили также взаимосвязь между precariousностью жилья и качеством жизни. При этом предложенный Индекс precariousного жилья учитывает, с одной стороны, precariousность жилищных условий (вынужденные перемещения, недоступность жилья, перенаселенность) и, с другой стороны, precariousность территории проживания (преступность в районе и враждебность соседей). Благосостояние отдельных групп населения ухудшается, когда они имеют precariousное жилье. При этом разрыв в благосостоянии между людьми с precariousным и нормальным жильем со временем увеличивается. Вынужденный переезд и недоступное жилье оказывают наиболее сильное влияние на благосостояние и влияют на широкий спектр аспектов благосостояния вместе с враждебностью соседей, с другими формами precariousности жилья [Precarious Housing and Wellbeing... 2022].

Эти выводы актуализируют потенциальные исследования precariousности жилья в России с целью оценки ее влияния на благосостояние. Однако уже становится очевидным, что снижение precariousности жилья в регионах будет способствовать повышению качества жизни населения страны в целом, нормализации миграционных процессов и регуляции жилищной мобильности.

Особенности измерений жилищной precariousности

Р. Уолдрон в своем исследовании делает важное замечание относительно того, что предложенный индекс, вероятно, не учитывает все возможные показатели precariousности жилья [Waldron, 2023]. К занижению масштабов жилищной precariousности могут приводить отсутствие некоторых

важных индикаторов и ограниченность социально-экономических показателей, трудности измерения отдельных переменных, а также недостаточный охват всех групп населения [Precarious Housing ..., 2024].

Подобные выводы свидетельствуют в пользу того, что измерения жилищной прекарности в России должны учитывать национальную специфику рынка жилья и жилищных отношений, особенности и структуру статистических данных и т.п. Исследовательские подходы, применяемые в других странах, могут лечь в основу разработки российского индекса прекарности жилья и не должны рассматриваться как готовый инструмент измерений, не требующий методологической корректировки. В то же время это вызовет определенные трудности сравнительного анализа – какое место в мире займет Россия по уровню прекарности жилья, если отсутствует единая методика измерений? Данный вопрос пока остается без ответа.

Кроме того, важно подчеркнуть, что предлагаемые методы измерений жилищной прекарности в разных странах не дают дифференцированной оценки для городской и сельской местностей, а также не учитывают соотношение индивидуальных жилых и многоквартирных домов. Попытка подобной дифференциации столкнется с отсутствием отдельных статистических данных и отчасти приведет к невозможности комплексной оценки индексным методом. Однако оценка прекарности жилья по отдельным показателям продолжает быть популярной среди современных исследователей, использующих в том числе опросные методы. Таким путем пошли, например, исследователи из Германии, что позволило провести сравнительный анализ крупных городов в США и Европе в том числе по таким показателям прекарности, как сплоченность соседского сообщества [Housing Precarity in Six European and North American Cities..., 2024].

Заключение

Прекарность жилья (или жилищная прекарность) – это измеряемая характеристика неустойчивости жилищной ситуации, характеризующаяся различным набором показателей в разных странах. Тем не менее в отсутствие единой методики измерений, можно говорить о том, что существуют общие для всех подходов индикаторы – финансовые показатели домохозяйств, параметры самого жилища, безопасность проживания. Несмотря на актуальность именно интегрального подхода в измерении жилищной прекарности, по данным официальной статистики (индексного метода), исследователи продолжают анализировать и отдельные показатели в том числе посредством опросов. Однако ни один из предложенных методов не является универсальным и требует доработки для российских условий.

В то же время актуальность дальнейших исследований прекаризации жилья в России связана с тем, что жилье в собственности также может являться прекарным наравне с арендным (хотя и в меньшей степени). При этом прекарность жилья в Европе обнаруживается в странах с разным

уровнем развития, отдельные социальные группы (например, молодежь) в большей степени склонны к проживанию в прекарных условиях. Пространственная неравномерность жилищной прекарности, обнаруженная в США и Австралии, свидетельствует о необходимости оценки данной проблемы именно на региональном или городском уровне. Кроме того, учитывая наличие взаимосвязи между прекарностью жилья и благосостоянием в Австралии, необходимо оценить эту зависимость и в российских условиях.

В конечном счете результаты исследований прекарности жилья в России, учитывающие зарубежный опыт, должны способствовать повышению доказательной базы жилищной политики, корректировке жилищных программ и стратегий развития, улучшению жилищных условий отдельных социальных групп и повышению качества жизни населения в целом.

Список литературы

1. Литвинцев Д.Б. Благоустройство жилищного фонда как один из показателей прекарности жилья в регионах России // Актуальные вопросы архитектуры и строительства: материалы XVII Международной научно-технической конференции, Новосибирск, 23–25 апреля 2024 г. – Новосибирск: Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет (Сибстрин), 2024а. – С. 200.
2. Литвинцев Д.Б. Жилищной социологии быть. Обсуждение книги под редакцией B.J. McCabe, E. Rosen “The Sociology of Housing: How Homes Shape our Social Lives” // Социологический журнал. – 2024б. – Т. 30, № 2. – С. 183–191.
3. Литвинцев Д.Б. Институционально-правовая природа жилищной прекарности // Социальные институты в правовом измерении: теория и практика: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции, Иркутск, 25 апреля 2024 г. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024в. – С. 324–328.
4. От прекарной занятости к прекаризации жизни: коллективная монография / под ред. Ж.Т. Тощенко. – Москва: Весь Мир, 2022. – 364 с.
5. Полухина Е.В. Жилищная мобильность: направления социологического анализа // Журнал исследований социальной политики. – 2017. – Т. 15, № 4. – С. 589–602.
6. Тощенко Ж.Т. Общие и специфические критерии прекарной занятости (опыт эмпирического анализа) // Социологические исследования. – 2020. – № 9. – С. 90–102.
7. Bayurgil L. Fired and Evicted: Istanbul Doorkeepers’ Strategies of Navigating Employment and Housing Precarity // Social Problems. – 2022. – Vol. 69, N 4. – P. 1092–1108.
8. Constructing a housing precariousness measure for Europe / Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. // Journal of European Social Policy. – 2019. – Vol. 29, N 1. – P. 13–28.
9. Housing precariousness: its measurement and impact on health before and after the Great Recession / Clair A., Reeves A., McKee M., Stuckler D. // European Journal of Public Health. – 2016. – N 26, suppl_1. – P. 243–244.
10. Housing Precarity in Six European and North American Cities: Threatened by the Loss of a Safe, Stable, and Affordable Home / Debrunner G., Hofer K., Wicki M., Kauer F., Kaufmann D. // Journal of the American Planning Association. – 2024. – Vol. 0, N 0. – P. 1–17.
11. Housing Precarity Risk Model // Urban Displacement Project. – Б.г. URL: <https://www.urbandisplacement.org/maps/housing-precarity-risk-model/> (дата обращения 24.06.2024).
12. Neighborhood Employment and Housing Precarity Index // Healthy Housing Centre of Research Excellence. – Б.г. URL: <https://www.healthyhousing-cre.org/nehp-index> (дата обращения 24.06.2024).
13. Precarious Housing and Wellbeing: A Multi-Dimensional Investigation / Ong Vifor J.R., Singh R., Baker E., Bentley R., Hewton J.. AHURI Final Report No. 373. – Melbourne: Australian Housing and Urban Research Institute Limited, 2022.
14. Precarious Housing in Europe: A Critical Guide / Eds.: S. Münch, A. Siede. – Krems, Austria: Edition Donau-Universität Krems, 2022. – 406 p.
15. Specialist Housing Indicators // Australian Urban Observatory. – Б.г. URL: <https://auo.org.au/portal/metadata/housing/> (дата обращения 24.06.2024).
16. Waldron R. Generation Rent and housing precarity in ‘post crisis’ Ireland // Housing Studies. – 2023. – Vol. 38, N 2. – P. 181–205.

HOUSING PRECARITY IN DEVELOPED COUNTRIES: A REVIEW OF RESEARCH AND AN ASSESSMENT OF THEIR SIGNIFICANCE FOR RUSSIA

Denis Borisovich Litvintsev

PhD (Socio. Sci.), Associate Professor, Department of Economics, Management, Sociology
and Pedagogy, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, Novosibirsk,
Russia; denlitv@inbox.ru

Abstract. *Housing precarity, along with labor precarity, is becoming an integral part of the modern risk society in the “age of anxiety”. The popularization of research in this area in recent years shows that scientists from different countries are increasingly actualizing the problem of housing precarity in the context of instability of the housing situation of certain segments of the population. At the same time, the results of research in Europe show that both tenants and homeowners themselves are in precarious housing conditions. A study of housing precarity in the United States demonstrates the uneven territorial distribution of this problem. Researchers from Australia have come to similar conclusions, but at the level of individual cities. The results obtained and the conclusions made by various research teams can form the basis for measuring housing precarity in Russia.*

Keywords: *sociology of housing; housing situation; housing precarity; precarization of housing; temporary housing; unstable housing.*

For citation: Litvintsev D.B. Housing precarity in developed countries: a review of research and an assessment of their significance for Russia // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 3. – P. 55–65.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.04

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 316.77:004.8

ЧЕЛОВЕКО-МАШИННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОЙ БЕСПИЛОТНОЙ АЭРОМОБИЛЬНОСТИ

Александр Валентинович Федотовских

кандидат экономических наук, профессор РАЕ, преподаватель –
инструктор авиационного учебного центра, Колледж Московско-
го транспорта, Москва, Россия; chief@nrd.ru

Аннотация. Понятие «городская аэромобильность» появилось около 15 лет назад и означает перемещение грузов и пассажиров в воздушном пространстве над урбанизированными территориями. Распространение такого вида транспорта во многом определяется развитием технологий и достижением высокого уровня безопасности и надежности полетов. В связи с этим возрастает значение обеспечения человеко-машинного взаимодействия в процессах управления трафиком беспилотных устройств и их пилотирования. В настоящем обзоре рассматривается применение технологий когнитивного моделирования для формирования комплексов городской аэромобильности и беспилотной аэродоставки, а также особенности технологий искусственного интеллекта в бортовых и наземных системах управления на начальном этапе развития беспилотной гражданской авиации. Приводятся примеры российского и зарубежного опыта городской аэромобильности, описываются технологический и психофизиологический аспекты внедрения аналогичных систем, радикально меняющих городскую среду и образ жизни горожан. Обзор является продолжением цикла материалов, опубликованных в изданиях ИНИОН РАН в 2022–2023 гг.

Ключевые слова: беспилотная гражданская авиация; городская аэромобильность; технологии искусственного интеллекта; человеко-машинная коммуникация; обучение новым технологиям.

Для цитирования: Федотовских А.В. Человеко-машинное взаимодействие в контексте развития городской беспилотной аэромобильности // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 66–83.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.05

Рукопись поступила 07.05.2024

Принята к печати 11.08.2024

Введение: городская аэромобильность как альтернатива наземному транспорту

Современные зарубежные и отечественные концепции «умных городов» все чаще включают в себя понятие «городская аэромобильность» или «городская воздушная мобильность» (англ. Urban Air Mobility, т.е. UAM, или ГАМ), которое означает городские транспортные системы, способные перемещать грузы и людей по воздуху. NASA определяет городскую аэромобильность как «систему воздушных пассажирских и грузовых перевозок в городских районах, включая доставку небольших грузов и другие услуги систем беспилотных летательных аппаратов в городах» [Городская аэромобильность, 2020]. Повышение внимания к возможностям использования воздушного пространства городов обусловлено постоянным расширением их территорий и ростом парка наземных транспортных средств. Рост количества автомобилей ведет к затруднению трафика и увеличению дорожных пробок, росту выхлопов и ухудшению экологической обстановки.

По экспертным прогнозам, городская аэромобильность – это будущее транспортной отрасли урбанизированных районов и одно из направлений решения экологических проблем крупных населенных пунктов. Для полетов над городами предлагается использование беспилотных воздушных судов (БВС) коптерного, вертолетного и гибридного типа (конвертопланы, eVTOL) с вертикальным взлетом и посадкой, не требующих специальных взлетно-посадочных площадок больших размеров (в отличие от самолетов). Беспилотное воздушное судно по определению – любое воздушное судно без экипажа на борту, управляемое оператором (внешним пилотом) с земли. Для них планируется создание дронопортов и хелипортов, а также мобильных точек для взлета и посадки.

Преимущество этого вида транспорта, помимо уменьшения количества заторов на дорогах, – сокращение времени в пути в случае доставки как грузов, так и пассажиров. Актуальным направлением является развитие аэромобильности в городских агломерациях для повышения связанности их центров с периферией. Расчеты показывают, что добраться на летающем такси из пригородного аэропорта до центра агломерации можно гораздо быстрее, чем в настоящее время на общественном и даже личном транспорте.

В связи с использованием на БВС в основном электрических двигателей уменьшается объем вредных выбросов в атмосферу населенных пунктов, а шум от них значительно ниже, чем от двигателей внутреннего сгорания (ДВС). Очевидно, что распространение ГАМ в перспективе радикально изменит среду обитания и образ жизни людей.

Концепция городской аэромобильности уже привлекла внимание властей мегаполисов, а производители специального оборудования и беспилотных авиационных систем не только разрабатывают новые образцы техники, но и предлагают такие системы потенциальным заказчикам. Во всем мире инвесторы вкладывают средства в этот быстро развивающийся сегмент рынка гражданской авиации, особенно в США, КНР, ОАЭ, Израиле и Германии.

В некоторых развитых странах первые проекты по доставке грузов в городских и пригородных зонах по воздуху появились более десяти лет назад. В 2018 г. в США была принята концепция городской аэромобильности, а в 2019 г. проект трансформировался в «новую аэромобильность» (Advanced Air Mobility, AAM). Калифорнийская компания Joby Aviation разрабатывает модель БВС в качестве воздушного такси для коммерческих полетов. В 2020 г. запущена Израильская национальная программа развития БВС – INDI (The Israel National Drone Initiative). В КНР в 2018 г. создана система UTMIS (Unmanned Traffic Management Information Services System, Беспилотная информационная система управления дорожным движением), аэротакси сертифицировано, и полеты уже начаты. Пилотные тестирования БВС ведутся в таких мегаполисах, как Сеул, Дубай, Гонконг, Вена и Мюнхен. Следует отметить, что пандемия COVID-19 стала источником активизации работ в этом направлении.

Для России развитие городской аэромобильности представляется многообещающим, и интерес к новым технологиям закономерно возрастает. В 2018 г. были внесены соответствующие предложения в отечественную Программу перспективных разработок в области гражданской авиации. Стратегия пространственного развития РФ предполагает использование беспилотной авиации в качестве подотрасли транспорта в 14 крупнейших и шести крупных городских агломерациях страны, в которых сконцентрирована значительная часть ее экономических ресурсов [Стратегия пространственного развития..., 2019]. В течение нескольких лет в ряде регионов действуют экспериментально-правовые режимы (ЭПР) для отработки полетов БВС в целях предоставления услуг и их логистики [В Правительстве РФ подписано постановление..., 2022]. Особенностью полетов в рамках ЭПР является их проведение над малонаселенными или безлюдными территориями, локациями с низким коэффициентом заселения. Однако выполнение полетов над городскими пространствами с плотной застройкой и большим количеством людей представляет гораздо более сложную задачу, сопряженную с повышенными требованиями к безопасности, особенно с учетом прогнозируемого высокого трафика и частоты полетов.

В 2024 г. в РФ стартовали национальный проект «Беспилотные авиационные системы» и Стратегия развития беспилотной авиации [Национальный проект..., 2023]. Под беспилотной авиационной системой (БАС) понимается комплекс, включающий в себя одно или несколько беспилотных воздушных судов, наземные и спутниковые технические средства и оборудование навига-

ции и связи, используемые для управления полетом воздушных судов, а также иную дополнительную инфраструктуру.

В первую очередь речь идет об интеграции БАС в единое воздушное пространство, о разработке и тестировании новой авиационной техники, включая аэротакси, в современных городских условиях. Согласно тексту Стратегии на повестке дня также необходимость совершенствования нормативно-правовой базы по обеспечению безопасности полетов БВС различных типов [Стратегия развития..., 2023]. Наконец, стоит задача подготовки кадров для управления БАС и обучения людей использованию беспилотных устройств и технологий.

Целью настоящей статьи является представление векторов возможного развития городской аэромобильности в свете имеющегося зарубежного и отечественного опыта и прогнозов развития этого направления.

Наземная инфраструктура и системы управления трафиком БАС в «умных городах»

Концепция ГАМ подразумевает новый подход к формированию транспортной отрасли и инфраструктуры. Наземная инфраструктура ГАМ включает в себя выбор и сооружение стационарных посадочных площадок, а также создание систем управления трафиком многочисленных БВС, находящихся одновременно в полете над одними пространствами. При этом строительство и обслуживание новой инфраструктуры значительно дешевле по сравнению с другими видами транспорта (например, метро, автомобильным и железнодорожным транспортом). Кроме того, решается вопрос об использовании действующих вертолетных площадок на земле и на зданиях.

Начало активного движения БАС радикально изменит городские пространства, причем сразу на нескольких уровнях. Архитекторы ориентируются как минимум на три: макроуровень, где должны быть решены все сопутствующие градостроительные задачи; микроуровень, подразумевающий типологию зданий и сооружений, спроектированных для взаимодействия с БАС (комфортная аэродинамика взлета и посадки, посадочные платформы, внутренняя планировка зданий и т.д.); мезоуровень, на котором решаются экологические проблемы (прежде всего, снижение шума) и вопросы безопасности [Казуров, Суслова, 2015].

Проводя параллели с беспилотным наземным транспортом, следует предположить, что для полетов в городских условиях понадобятся наземные ориентиры. Их подобием могут служить AR/VR-маркеры или QR-коды для позиционирования беспилотных робототехнических систем с использованием компьютерного зрения. Очевидно, что овладение этими технологиями требует от человека определенных усилий, а для достижения необходимого уровня профессионализма – еще и специальных тренировок, пример которых показан на рис. 1.

Рис. 1. Обучение оператора беспилотного воздушного судна управлению полетом по ArUco-маркерам. Фото автора

Ряд экспертов предполагает, что примером для БАС могут служить «умные» грузовые автомобили, ориентирующиеся на специальную дорожную разметку в процессе движения. В случае «совмещения» двух видов транспорта дополнительная инфраструктура не потребуется. Такой сценарий предполагает оснащение дорог специфическим оборудованием и отсутствие на них инфраструктуры (объектов), которые могли бы служить помехой для работы автопилота. По данной схеме идут разработки в США (и не только). В частности, в разных странах мира начинает внедряться Vehicle-to-everything (V2X или «автомобиль, подключенный ко всему») – система обмена данными по радиоканалу (беспроводной сети) между автомобилем и объектами инфраструктуры дороги (например, знаками дорожного движения или светофорами). При этом все объекты (стационарные и подвижные) должны быть оборудованы радиомодулем [Сковородников, 2021]. Учитывая, что полеты БАС будут проходить в основном на высотах до 150 метров, а доставка грузов или пассажиров осуществляться, в том числе, сквозь зоны жилой застройки, наземная визуально-ориентированная инфраструктура будет как минимум дополнением к радиотехническим и спутниковым средствам навигации.

К ГАМ относятся не только воздушные суда, логистическая и архитектурная инфраструктура для организации полетов в городе, но также система контроля и управления [Саткенов, 2022]. Особую актуальность такая система приобретает в связи с большим количеством полетов БАС разных эксплуатантов (сервисных компаний). В России, несмотря на формирование единой системы управления воздушным движением на базе ГК по ОрВД (Государственная корпорация по организации воздушного движения), технологии мониторинга могут быть различными, в том числе с использованием высокоинтеллектуальных моделей.

В 2021–2023 гг. группа отечественных разработчиков опубликовала патент «Способ мониторинга воздушного движения беспилотных летательных аппаратов на основе интеллектуальной

mesh-сети» [Чернявская, Карпенко, Баранов, 2023]. Для мониторинга воздушного движения производится обмен информацией на основе распределенной, самоорганизующейся сети с ячеистой топологией. БВС во время полета превращаются в узлы этой сети и могут выступать ретрансляторами сигналов, передавая информацию другим участникам движения или в наземный пункт управления и наблюдения. Передаваемая информация включает в себя идентификационные данные о БВС (модель, номер), параметры положения в пространстве и движения (скорость и координаты, курс), параметры окружающей среды, включая метеорологические данные. Наземный пункт управления производит прием, обработку полученной информации для определения опасных областей для каждого БВС и выдает предупреждающие сообщения или рекомендации по уклонению или облету при их наличии. Таким образом повышается безопасность полетов, в том числе в сложных внешних условиях [Чернявская, Карпенко, Баранов, 2023].

Важность системы управления трафиком невозможно переоценить. Для мониторинга воздушного пространства уже в ближайшие годы в реестр Минтруда РФ будут включены новые профессии – «Диспетчер дронов» или «Координатор беспилотного транспорта», которые кратко описаны в «Атласе новых профессий» [Атлас новых профессий 3.0., 2020].

Увеличение количества БВС приведет к ограничению зон их эксплуатации, особенно в местах пересечения воздушных коридоров. Применительно к городскому воздушному пространству это означает его зонирование и разграничение, т.е. эшелонирование, а также появление «воздушных дорог». При этом ожидается увеличение количества запросов на перелеты внутри городов, так как на этом уровне движение товаров и пассажиров будет возрастать. Хотя в России управление воздушным пространством – прерогатива федеральных властей, роль городских муниципалитетов в организации этого процесса будет повышаться. Именно органы местного самоуправления формируют городскую транспортную сеть, что означает активное участие местной власти в формировании системы управления и мониторинга трафика БАС.

Следует отметить, что традиционные подходы к диспетчеризации движения пилотируемых воздушных судов не всегда применимы к БАС. Обработка беспилотного трафика требует значительно больших усилий в части отслеживания многочисленных БВС в воздухе. Поэтому различные компании во всем мире ведут разработки соответствующих систем (типа АТМ, т.е. Air traffic management, или UTM, т.е. Urban traffic management), в том числе и за пределами прямой видимости внешнего пилота. Подобные проекты реализуются в Израиле и Бразилии, Италии, Объединенных Арабских Эмиратах, Сингапуре и США [Бойко, 2016]. В России НИЦ «Аэроскрипт» в 2022 г. разработал Концепцию новой аэромобильности (RuAM), ориентированную на организацию безопасного воздушного движения беспилотной авиации в городских агломерациях и между ними. Созданная компанией цифровая платформа «Небосвод» отображает зоны ограничений, полеты над которыми не рекомендованы и несут дополнительные риски [В Сколково испытали ..., 2022].

Разработчики масштабных систем управления БАС большое внимание уделяют архитектуре и основным функциям систем UTM, повышению безопасности полетов путем рационального выбора технологий связи (во избежание столкновений в воздухе). Сформирован список перспективных направлений исследований на стыке областей беспроводной связи и гражданской беспилотной авиации [Виноградов, 2021]. Другой вектор развития ГАМ связан с использованием технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Так, в Ланкастерском университете (Великобритания) на этой основе разработали новый подход к управлению движением пилотируемого воздушного транспорта. С помощью комбинации методов цифрового моделирования и оптимизации ученые нашли способ определения последовательности приземлений самолетов, что позволило сократить задержки в воздухе более чем на 20%. Существующие методы оптимизации последовательности приземления самолетов не всегда учитывают все нюансы организации воздушного трафика. Однако нейросеть анализирует последствия решений в сложных условиях и подсказывает оптимальные варианты [Новиков, 2024]. Аналогичный подход может применяться к управлению трафиком БАС в условиях городских пространств.

Наконец, для управления трафиком БАС формируются новые комплексы на основе симбиоза действий человека-оператора (диспетчера) и технологий ИИ. Функции контроля в таких комплексах принадлежат операторам – людям, работающим на станциях UTM. И человек в этой системе представляет собой слабое звено в связи со своими психофизиологическими особенностями. В научной литературе уже описан и проанализирован ряд факторов работы на контрольных станциях (в том числе недостатки сенсорной информации, низкая осведомленность о происходящем на борту БВС, трудности работы со сложными автоматическими системами, нарушения режима работы), которые приводят к когнитивным нарушениям [Величковский, 2022]. Проявление последних особенно опасно в стрессовых ситуациях, требующих немедленного вмешательства человека (например, предотвращение столкновений или отказ БВС в полете). Решением считается разработка человеко-машинных интерфейсов, которые могут снизить вероятность ошибок, возникающих в таких системах из-за человеческого фактора (в том числе с визуализацией множества летающих роботов – «роя БВС» – и с получением обратной связи от отдельных летающих роботов).

Применение когнитивных и нейросетевых технологий для полетов над городами

Планируется, что в рамках ГАМ будут осуществлять полеты не только уже привычные массовому сознанию легкие БВС, но также БВС среднего и тяжелого класса (взлетной массой свыше 30 кг), взлетный вес которых при перевозке пассажиров может достигать нескольких тонн. Поддержание высокой степени безопасности таких полетов возможно только при формировании интеллектуальных систем как для управления БАС, так и для мониторинга их перемещения в пространстве.

С одной стороны, с развитием беспилотной авиации возникла необходимость в технологиях, исправляющих ошибки внешнего пилота и улучшающих качество полета БВС. Например, благодаря применению датчиков приближения, взаимодействующих с интеллектуальной системой управления полетом, массово распространенный БВС – квадрокоптер DJI Phantom 4 Pro V2.0, – может использовать 5-осевую систему предотвращения столкновения с препятствиями. И это самый простой пример использования интеллектуальных технологий в БАС [Беккер, 2019].

В 2022 г. датско-тайландская команда ученых представила технологию нейронного контроля и онлайн-обучения для адаптации БВС к скорости. По мнению разработчиков, один или несколько БВС, задействованных в выполнении таких задач, как инспекция и мониторинг, должны выполнять несколько интеллектуальных функций одновременно (что особенно актуально для полетов над городскими территориями). Для реализации этих функций были предложены различные подходы к управлению. Большинство классических подходов к управлению БАС (с предсказанием модели, методы машинного обучения и др.) требуют многократных обучающих испытаний и больших вычислительных затрат. Разработчики предложили систему управления, не требующую динамической модели, и разработали метод нейронного управления с быстрым онлайн-обучением. Нейронный контроль основан на трехуровневой нейронной сети, а алгоритм онлайн-обучения – на нейронной корреляции с использованием прогностической и рефлексивной сенсорной информации. Метод был проверен на реальных БВС, которые научились в течение трех–четырех испытаний адаптировать скорость полета для торможения на безопасном расстоянии от препятствия или цели в горизонтальной и вертикальной плоскостях, в том числе в условиях ветровых возмущений [Neural Control ..., 2022].

Благодаря применению мощных алгоритмов машинного обучения и нейронных сетей БАС способны не только производить полеты, но и анализировать большие объемы данных. Использование технологий ИИ повышает автономность систем, что важно в ситуациях, когда скорость принятия решений и выполнения действий является критическим фактором. Беспилотники с ИИ могут самостоятельно принимать решения на основе анализа данных и предварительных параметров, минимизируя задержки и риски, связанные с человеческой ошибкой. Такие БАС способны обмениваться информацией между собой, что позволяет создавать распределенные сети, покрывающие большие территории, и эффективно справляться с задачами по мониторингу воздушного пространства в различных климатических условиях. Даже при отказе одной системы другие БВС могут перехватить ее задачи и обеспечить необходимую информацию [Искусственный интеллект ..., 2022]. В связи с этим повышение уровня интероперабельности БАС как компонентов сетцентрических информационно-управляющих систем (СЦИУС) является одним из актуальных направлений при разработке архитектуры управления трафиком [Олейников, 2021].

С другой стороны, тестируются новые проекты наземных систем и технологий сопряжения человека и БАС для снижения ошибок пилотирования. Одним из таких направлений является нейрокогнитивное управление.

Когнитивный подход используется при организации управления динамическими объектами со сложным поведением, например, гуманоидными роботами, отличающимися от традиционных роботов большим числом степеней подвижности. Перспективным направлением представляется разработка системы управления с когнитивными агентами. Такая система может быть реализована в виде коллектива из когнитивных агентов, взаимодействующих по принципам кооперации. При этом агенты являются автономными системами и имеют свои роли в коллективе. Многоагентная когнитивная система близка к нервной системе человека и должна обеспечить поведение роботов, подобное человеческому [Станкевич, 2023]. В свою очередь, системы когнитивных вычислений предоставляют человеку поддержку в коммуникациях с машинным интеллектом в рамках когнитивной модели, разработанной с учетом человеческого фактора [Ульянов, Шевченко, Шевченко, 2022].

Некоторыми отечественными специалистами когнитивные технологии предлагаются в качестве основы решений по формированию систем связи беспилотной интеллектуальной авиационной системы сетецентрического типа (БИАС СТ) [Чаднов, 2020]. Группа специалистов Московского государственного технического университета имени Н.Э. Баумана разработала когнитивные модели управления, позволяющие БАС принимать решения на основе базы данных о внешней среде [Панилов, Цибизова, Малахов, 2023]. Структура системы управления БАС, основанной на когнитивном подходе и дополненной многоагентной технологией, а также средствами самоорганизации, представлена на рис. 2.

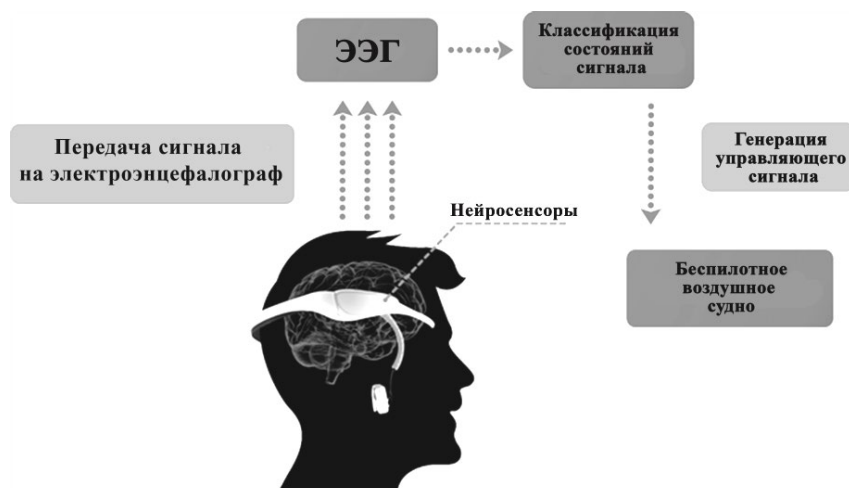
**Рис. 2. Когнитивная система беспилотного воздушного судна с ИИ.
Составлено автором на основе: [Станкевич, 2023]**

Еще одним направлением совершенствования системы управления БАС или несколькими БАС одновременно является использование нейроинтерфейсов.

Идея считывать сигналы головного мозга с последующим применением результатов на практике возникла уже во времена Ганса Бергера (Hans Berger), открывшего в 1924 г. альфа-волны мозговой активности. Работы по практическому созданию интерфейса «человеческий мозг-компьютер» ведутся в мире с 1970-х годов. Первые системы ввода букв с помощью биосигналов мозга появились в 1988 г., но особенно активно нейроинтерфейсы развиваются в последние 20 лет. Созданы компактные внешние устройства для съема биосигналов, которые уже можно использовать вне лабораторий, в «полевых» условиях, в том числе для проведения полетов. С начала XXI в. началось развитие нейроморфных компьютеров и интерфейсов для нейроуправления бытовым пространством. Современные технологии подразделяются на три вида: инвазивные (с вживлением электродов в головной мозг человека), неинвазивные (на основе технологий регистрации электрической активности мозга внешними приборами) и миодатчики (с расположением электродов на коже человека). Главная проблема нейроинтерфейсов на неинвазивных и миоэлектрических датчиках – временной зазор между генерацией сигнала и ее исполнением. Однако новейшие системы считывания сигналов мозга уменьшают этот лаг до минимума [Белкин, 2017].

Например, китайские ученые работают над нейротехнологиями, не требующими операционного вмешательства (в отличие от вживления интерфейса «мозг-компьютер» в проектах Илона Маска). В 2021 г. ими был создан беспроводной интерфейс на основе чипа Braintalker, позволяющий печатать на компьютере «силой мысли». В настоящее время специалисты Тяньцзиньского университета улучшают чип Braintalker, что позволяет применять интерфейс повсеместно [Хасанов, 2021].

Принципиальная схема управления БВС с использованием нейроуправления на основе неинвазивных сенсоров представлена на рис. 3.

Рис. 3. Схема нейроуправления БВС.

Составлено автором на основе: [Neurogress. Innovation in neurocontrolled devices, 2017]

В 2012 г. компания Puzzlebox организовала сбор средств на краудфандинговой платформе KickStarter на проект Orbit: Brain-Controlled Helicopter («вертолет, управляемый силой мысли»). Создатели определили свой БВС как обучающую и экспериментальную игрушку с нейроуправлением, открытым софтом, полным набором технических компонентов и обучающими материалами. Принцип нейроуправления заключался в том, что высота полета вертолета зависела от уровня электрической активности мозга [Стаценко, 2014]. Проект оказался достаточно удачным, и удалось запустить массовое производство устройства [Коняев, 2015]. В комплект вошли нейрогарнитура NeuroSky, радиоуправляемый вертолет-шар Happy Cow Robotic с инфракрасным управлением и инфракрасный трансмиттер. Комплект показан на рис. 4.

Рис. 4. Нейролет Orbit

Источник: [Puzzlebox Orbit, 2019].

В РФ с 2016 г. действует специальная дорожная карта NeuroNet Национальной технологической инициативы, которая была одобрена президиумом Совета по модернизации экономики и инновационному развитию при Президенте РФ в 2015 г. [Ратушняк, 2016]. Совместное исполнение дорожных карт NeuroNet и AeroNet способствует развитию нейротехнологий в беспилотной авиации гражданского назначения.

В 2019 г. ПАО «Сбербанк» и компания Cognitive Technologies объединили усилия для развития беспилотных технологий и создали компанию Cognitive Pilot. Продукты и решения Cognitive Pilot используются в проектах цифровизации транспорта и сельского хозяйства, в системах компьютерного зрения, машинного обучения и ИИ. В компании разработали технологию по моделированию интуиции человека Cognitive artificial intuition и первый в мире промышленный образец 4D-радара для управления беспилотным транспортом [Cognitive Technologies представляет ..., 2018].

В 2021 г. Фонд перспективных исследований РФ (ФПИ) профинансировал создание нейронного интерфейса, позволяющего управлять квадрокоптером с помощью мозговых импульсов, показанный на рис. 5. Разработку выполнила компания Neurobotics из Зеленограда [Чеберко, 2015].

Рис. 5. Управление маневрами БВС с использованием нейроинтерфейса

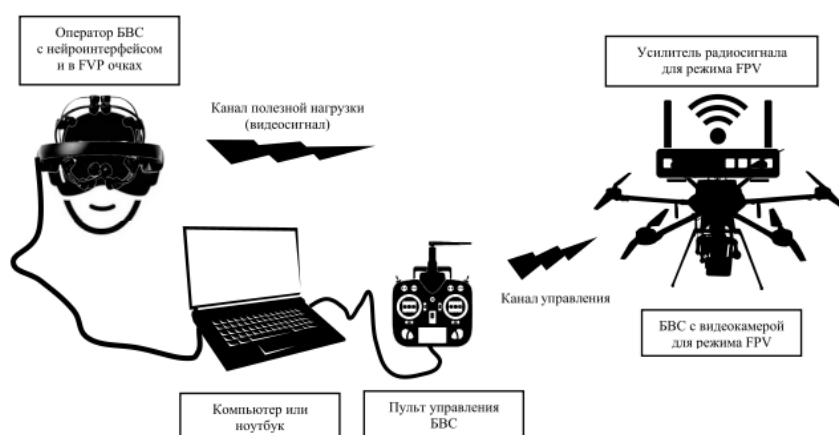
Источник: [Чеберко, 2015].

Важной особенностью проекта является то, что оператор (внешний пилот) при управлении квадрокоптером мог одновременно производить другое действие. Оператор передвигался, при этом квадрокоптер распознавал как его прямые команды по изменению высоты, крена и тангажа (вправо, влево, вверх, вниз), так и сценарные (полет к определенной точке по координатам). Доказано, что управление коптером мысленным усилием возможно в фоновом режиме. Таким образом, существует вероятность того, что оператор сможет управлять не одним, а несколькими БВС одновременно, либо управлять БВС и мониторить воздушное пространство на пути следования других, т.е. выполнять одновременно несколько функций. Хотя для того, чтобы это подтвердить, необходимы дополнительные тестирования этой или аналогичной системы.

Управление БВС с использованием нейроинтерфейсов также требует предварительного обучения, состоящего минимум из четырех этапов:

- направление «силой мысли» в нужную сторону курсора на экране монитора с одной степенью свободы (влево / вправо);
- направление курсора в нужную сторону по четырем осям (двумерные задачи);
- управление БВС на компьютерном симуляторе;
- управление настоящим БВС, оснащенным системой стабилизации.

Для пилотирования БВС как в зоне прямой видимости, так и вне ее, для повышения осведомленности о ситуации на борту и внешней обстановке проводятся тестовые полеты в режиме FPV (First Person View, «от первого лица») с нейрогарнитурой. Принцип работы системы показан на рис. 6.

Рис. 6. Схема управления БВС в режиме FPV с нейрогарнитурой.
Составлено автором

В 2023 г. участники российского акселератора «Платформа университетского технологического предпринимательства» из Ростовской области предложили проект развития когнитивных способностей для операторов БВС, таких как восприятие, память, мышление и т.д. Изучая рынок обучения операторов БВС, они выявили, что развитию таких способностей на курсах уделяется недостаточное внимание. Поэтому были предложены методики когнитивного и психоэмоционального развития, позволяющие обучающим организациям улучшать когнитивные навыки операторов (внимания и концентрации, памяти и восприятия информации, мышления и аналитических способностей, эмоционального интеллекта и стрессоустойчивости, коммуникативных навыков и командной работы) [Методика когнитивного и психоэмоционального развития ..., 2023]. Представляется, что модули по развитию когнитивных способностей должны стать частью профессиональной подготовки операторов БАС (и не только работающих с нейроинтерфейсами), так как умение концентрировать внимание является одним из наиболее важных навыков при управлении беспилотниками – рис. 7.

Рис. 7. Обучение пилотированию в шлеме FPV с возможностью подключения нейродатчиков. Фото автора

Считается, что технологии нейрокогнитивного обучения, равно как и нейроинтерфейсы (нейрокаска, нейроочки, нейрообруч), не входят в число доступных в связи со сложностью конструкций и высокой стоимостью оборудования. Однако минимальная стоимость нейроинтерфейса для тренировки концентрации внимания начинается от 30–40 тыс. руб., и такое оборудование доступно даже для домашнего использования. Например, сейчас такая цена у нейрообруча NeuroFit, нейрообруча для медитации Muse Interaxon и др. Для управления реальными и виртуальными объектами (БАС в симуляторе) используются более дорогие нейрогарнитуры стоимостью от 80 тыс. руб. (например NeuroPlay) [Нейроплэй]. Однако для обучения новым навыкам и компетенциям подобные расходы являются необходимыми.

Заключение

Использование автотранспорта с помощью онлайн-сервисов и коронавирусные ограничения значительно повлияли на перемещения людей, работу и экономику целых государств. Теперь общество находится на пороге еще одного изменения – внедрения городской аэромобильности [Лиханова, 2022]. У городских органов власти и у бизнеса пока есть время, чтобы подготовиться и выбрать оптимальное решение для старта тестовых, а затем и массовых беспилотных перевозок, имеющих много преимуществ. Например, курьерская доставка в меньшей степени будет зависеть от человеческих кадров, со скоростью аэродоставки не сможет сравниться ни один наземный вид транспорта, а распространение гибридных и электрических двигателей значительно снизит масштабы вредных выбросов и углеродный след транспорта.

Будущее БАС заключается в их возрастающей доступности как для начинающих потребителей, так и для специалистов, которые выполняют различные задачи, поскольку эта технология может оказать реальную помощь в реализации большого количества сервисных услуг.

В Стратегии развития беспилотной авиации РФ названы восемь основных направлений применения БАС: сбор, передача данных и дистанционный мониторинг; проведение авиационной разведки и обеспечение охраны территории и объектов; внесение веществ; аэрологистика; работы по обеспечению связью; образовательная и спортивная деятельность; визуальные инсталляции; внешние работы [Стратегия развития..., 2023]. В будущем допускается возникновение нового направления «Перевозка людей», что накладывает повышенные требования к безопасности полетов, особенно над урбанизированными территориями [Королев, 2023].

Применение беспилотных технологий создает положительные социально-экономические эффекты при цифровизации городского хозяйства в рамках проекта «Умный город» Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ [Проект Цифровизации..., 2023]. БАС помогают поддерживать безопасность на городских дорогах, в парках, на улицах и на водных объек-

тах; оказывают содействие в поиске и спасении людей в чрезвычайных ситуациях. Обнаружение дефектов зданий и сооружений, неисправности объектов инфраструктуры с помощью БВС также способствует снижению рисков, связанных с нанесением вреда жизни и здоровью граждан, а кроме того, увеличивает сроки службы объектов мониторинга. Технологии, поддерживающие БАС, дополняют значительное количество решений проекта «Умный город», соответствуя при этом его основным принципам, в том числе формированию устойчивой и безопасной городской среды, а также обеспечению открытости городских пространств [Добрягина, Кузахметов, Марков, 2022].

В России лидером по внедрению проектов ГАМ является Москва. Власти города считают, что использование воздушного транспорта в мегаполисах – вопрос, который требует комплексного подхода как с точки зрения законодательного регулирования, так и с точки зрения создания инфраструктуры, технологического оснащения и эмоциональной готовности самих горожан к такому способу передвижения [Московская аэромобильность ..., 2021]. Правительство Москвы ведет планомерную работу по развитию ГАМ, включая создание необходимой наземной инфраструктуры. В 2022 г. в инновационном центре «Сколково» был заявлен проект пилотной зоны городской аэромобильности, т.е. создание зоны тестирования сервисов с применением БВС [Петрова, 2022]. Разрабатываются подобные проекты и в других городах России.

Несмотря на увеличение степени автоматизации БАС, речь не идет о полном исключении человека из схемы управления и производства полетов. При повышении отказоустойчивости авиационной техники, надежности узлов и элементов БАС все же случаются отказы электроники и двигателей, сбои программного обеспечения и энергоснабжения на борту (даже при соблюдении регламентов полетов и обслуживания). Поэтому человек-оператор является, как и прежде, главным звеном в беспилотной роботизированной системе. Снижение количества ошибок из-за действия человеческого фактора возможно путем обучения операторов когнитивным навыкам и совершенствования человеко-машинных интерфейсов. Однако расширение использования комплексных когнитивных технологий требует проведения их тестирования не в лабораторных, а в реальных условиях, в том числе при производстве сложных полетов в городских условиях.

В качестве рекомендаций для ускорения формирования ГАМ в России можно предложить следующее:

- разработчикам БАС в процессе конструирования предусматривать возможности онлайн-обмена информацией во время полета, а также участия БВС в распределенных сетях и системах безопасности полетов;
- операторам мобильной связи принять участие в разработке масштабируемых облачных платформ для взаимодействия с операторами БАС и самими БВС через сети LTE (система беспроводной высокоскоростной передачи данных для мобильных телефонов и других терминалов);

– органам местного самоуправления в крупных городах ввести должности руководителей по инновационному транспорту для оперативного контроля за внедрением БАС.

Векторы развития городской аэромобильности находятся в разных плоскостях. Это внедрение современных технологий контроля за воздушным движением (на фоне недостаточной степени автоматизации традиционных систем), возрастание роли человеческого фактора при ожидаемом быстром росте числа БВС, повышение качества подготовки кадров для беспилотной авиации. Формирующаяся новая транспортная отрасль должна учитывать все технологические новации и возможности для их внедрения. В свою очередь, операторы БВС должны иметь возможность сосредоточиться на выполнении своих задач, а не думать о сложностях эксплуатации оборудования и маневрировании между домами.

Список литературы

1. Атлас новых профессий 3.0 / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. – Москва: Интеллектуальная Литература, 2020. – 456 с.
2. Беккер Э. Искусственный интеллект в беспилотных технологиях // AirCargoNews.ru. – 2019. – URL: <https://aircargonews.ru/2019/12/05/iskusstvennyj-intellekt-v-bespilotnyh-tehnologijah.html> (дата обращения 02.08.2024).
3. Белкин Р. Нейроинтерфейс. Когда будем управлять компьютером силой мысли? // Steemit.com. – 2017. – URL: <https://steemit.com/ru/@rbelkin/neirointerfeis-kogda-budem-upravlyat-kompyuterom-siloi-mysli> (дата обращения 02.08.2024).
4. Бойко А. Управление воздушным пространством. Системы контроля и диспетчеризации трафика беспилотников // RoboTrends. – 2016. – URL: <https://robotrends.ru/robopedia/sistemy-kontrolya-i-dispetcherizacii-trafika-bespilotnikov> (дата обращения 04.03.2024).
5. В Правительстве РФ подписано постановление о запуске экспериментального правового режима // Цифровая экономика. – 2022. – 27.03. – URL: <https://d-economy.ru/news/v-pravitelstve-rf-podpisano-postanovlenie-o-zapuske-jeksperimentalnogo-pravovogo-rezhima/> (дата обращения 06.08.2024).
6. В Сколково испытали платформу «Небосвод» для городской аэромобильности // Аэроскрипт. – 2022. – URL: <https://www.aeroscript.ru/news/tpost/mhb74ts3fl-v-skolkovo-ispitali-platformu-nebosvod-d> (дата обращения 04.03.2024).
7. Величковский Б.Б., Соколова Д.Н. Человек-оператор и управление беспилотными летательными аппаратами в «Умном городе» // Вопросы психологии. – 2022. – Т. 68, № 6. – С. 46–50.
8. Виноградов Е.А. Ключевые технологии связи для поддержки систем управления движением гражданских беспилотных летательных аппаратов (обзор зарубежной литературы) // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2021. – Т. 24, № 2. – С. 70–92.
9. Городская аэромобильность // РуВики. – 2020. – URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki/Городская_аэромобильность (дата обращения 02.08.2024).
10. Добрягина Н.П., Кузахметов К.Ф., Марков Т.А. Использование беспилотных воздушных судов в рамках проекта «Умный город»: перспективы и новые возможности // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 2491–2506.
11. Искусственный интеллект в беспилотниках для мониторинга воздушного пространства // Беспилотники с искусственным интеллектом. – 2022. – URL: https://dron-ai.ru/iskusstvennyj-intellekt/iskusstvennyj_intellekt_v_bespilotnikah_dlja_monitoringa_vozdushnogo_prostranstva (дата обращения 04.03.2024).
12. Казуров А.Е., Суслова О.Ю. Проблемы архитектурно-конструктивной адаптации аэромобили в городе // Архитектура и современные информационные технологии. – 2015. – № 2 (31). – С. 1–13.
13. Коняев П. Обзор Puzzlebox Orbit: вертолет, управляемый силой мысли // 3DNews. Умные вещи. – 2015. – URL: <https://3dnews.ru/911059/vertolet-upravlyaemiy-siloy-misli-obzor-na-puzzlebox-orbit> (дата обращения 31.07.2024).
14. Королев И. Как власти будут развивать беспилотную авиацию в России и ее технологический суверенитет // СибНьюс. – 2023. – URL: https://www.cnews.ru/articles/2023-07-06_kak_vlasti_budut_razvivat_bespilotnuyu (дата обращения 02.08.2024).
15. Лиханова Е. На пороге перемен: как городам подготовиться к появлению воздушного транспорта // RB.ru. История. – 2022. – URL: <https://rb.ru/story/flying-cars-disruption/> (дата обращения 02.08.2024).
16. Методика когнитивного и психоэмоционального развития в подготовке к работе с БПЛА / Самофалова О., Патринник А., Покуль Е., Трухачева К., Чернышева П. // Университет 2035. – 2023. 18.10. – URL: <https://pt.2035.univer>

- sity/project/metody-kognitivnogo-i-psihoemocionalnogo-razvitiya-v-podgotovke-k-rabote-s-bpla_2023_10_18_12_43_44 (дата обращения 04.03.2024).
17. Московская аэромобильность: инновационные проекты для города // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. – 2021. – 04.09. – URL: <https://www.mos.ru/news/item/95515073/> (дата обращения 04.03.2024).
  18. Национальный проект «Беспилотные авиационные системы» // Правительство Российской Федерации. – 2023. – URL: <http://government.ru/rugovclassifier/906/events/> (дата обращения 06.08.2024).
  19. Нейроплэй // Нейроассистивные технологии. – URL: <https://neuroplay.ru/> (дата обращения 02.08.2024).
  20. Новая аэромобильность России // Интеллектуальные транспортные системы России. – 2022. – URL: <https://www.itsjournal.ru/articles/technologies/novaya-aeromobilnost-rossii/> (дата обращения 04.03.2024).
  21. Новиков А. TRSC: нейросеть оптимизировала управление воздушным трафиком // Газета. Ru. – 2024. – URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/02/28/22434031.shtml> (дата обращения 04.03.2024).
  22. Олейников А.Я. Обеспечение интероперабельности авиационных беспилотных летательных аппаратов // Информационные технологии и вычислительные системы. – 2021. – Вып. 4. – С. 3–11.
  23. Панилов П.А., Цибизова Т.Ю., Малахов Н.А. Когнитивное моделирование автономной системы управления беспилотным летательным аппаратом // Динамика сложных систем – XXI век. – 2023. – № 4. – С. 5–11.
  24. Петрова А. В «Сколково» отработаны первые кейсы зоны городской аэромобильности // Хайтек+. – 2022. – 09.11. – URL: <https://hightech.plus/2022/11/09/v-skolkovo-otrabotani-pervie-keisi-zoni-gorodskoi-aeromobilnosti> (дата обращения 02.08.2024).
  25. Проект Цифровизации городского хозяйства «Умный город» // Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. – 2023. – 14.04. – URL: <https://www.minstroyrf.gov.ru/trades/gorodskaya-sreda/proekt-tsifrovizatsii-gorodskogo-khozyaystva-umnyy-gorod/> (дата обращения 06.08.2024).
  26. Ратушняк А.С. Национальная технологическая инициатива, проект «NeuroNet». Дорожная карта проекта, проблемы и перспективы // Институт вычислительной техники Сибирского отделения РАН. – 2016. – 18.10. – URL: <http://www.ict.nsc.ru/ru/education/seminar/nacionalnaya-tehnologicheskaya-iniciativa-proekt-neuronet-dorozhnaya-karta-proekta-problemy-perspektivy> (дата обращения 06.08.2024).
  27. Саткенов О. Знакомство с UAM – Urban Air Mobility // E²nergy. – 2022. – 27.01. – URL: <https://eenergy.media/news/21830> (дата обращения 04.03.2024).
  28. Сковородников О. Поворот на беспилот // Логистика в России. – 2021. – .11. – URL: https://logirus.ru/articles/solution/povorot_na_bespilot.html (дата обращения 04.03.2024).
  29. Станкевич Л.А. Интеллектуальные системы и технологии: учебник и практикум для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юрайт, 2023. – 495 с.
  30. Стаценко А. Нейрокоптер, он же мыслелет // Хабр. – 2014. – 03.12. – URL: <https://habr.com/ru/articles/363731/> (дата обращения 04.03.2024).
  31. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года // Министерство экономического развития Российской Федерации. – 2019. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitiye/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения 06.08.2024).
  32. Стратегия развития беспилотной авиации // Правительство Российской Федерации. – 2023. – URL: <http://static.government.ru/media/files/3m4AHa9s3PrYTDDr316ibUtyEVUpnRT2x.pdf> (дата обращения 06.08.2024).
  33. Ульянов С.В., Шевченко А.А., Шевченко А.В. Технологии когнитивных вычислений: модели и алгоритмы // Системный анализ в науке и образовании. – 2022. – № 2. – С. 118–132.
  34. Хасанов Р. В Китае создали беспроводной интерфейс для управления компьютером силой мысли // СМНьюс. – 2021. – URL: <https://sm.news/v-kitae-sozdali-besprovodnoj-interfejs-dlya-upravleniya-kompyuterom-siloy-mysli-68988/> (дата обращения 02.08.2024).
  35. Чаднов А. Беспилотные интеллектуальные авиационные системы. Арсенал Отечества. – 2020. – № 2 (46). – URL: <https://arsenal-otechestva.ru/article/1362-bespilotnye-intellektualnye-aviatsionnye-sistemy> (дата обращения 04.03.2024).
  36. Чеберко И. Российские ученые создали квадрокоптер, управляемый силой мысли // Известия. – 2015. – URL: <https://iz.ru/news/599886> (дата обращения 02.08.2024).
  37. Чернявская Е.В., Карпенко М.Ю., Баранов Н.А. Способ мониторинга воздушного движения беспилотных летательных аппаратов на основе интеллектуальной mesh-сети // База данных патентов Google. – 2023. – URL: <https://patents.google.com/patent/RU2788046C1/ru> (дата обращения 04.03.2024).
  38. Cognitive Technologies представляет первый промышленный 4D-радар // Robogeek.ru. – 2018. – URL: <https://robogeek.ru/nauchnye-razrabotki-programmnoe-obespechenie/cognitive-technologies-predstavlyaet-pervyi-promyshlennyi-4d-radar> (дата обращения 02.08.2024).
  39. Neural Control and Online Learning for Speed Adaptation of Unmanned Aerial Vehicles / Jaiton V., Rothomphiwat K., Ebeid E., Manoonpong P. // Front. Neural Circuits. – 2022. – April 25. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fncir.2022.839361/full> (дата обращения 04.03.2024).
  40. Neurogress. Innovation in neurocontrolled devices // Neurogress Laboratory. – 2017. – URL: <https://neurogress.io> (дата обращения 02.08.2024).
  41. Puzzlebox Orbit // NeuroSky technologies. – 2019. – URL: <https://store.neurosky.com/products/orbit> (дата обращения 02.08.2024).

HUMAN-MACHINE INTERACTION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT URBAN UNMANNED AIRMOBILITY

Aleksandr Fedotovskikh

PhD in Economics, Professor of the RANH, Instructor teacher of the Aviation Training Center,
College of Moscow Transport, Moscow chief@nrd.ru

Abstract. *The concept of “urban air mobility” appeared about 15 years ago and means the movement of goods and passengers in the airspace above urbanized areas. The spread of such transport is largely determined by technology and the achievement of a high level of flight safety and reliability. In this regard, the importance of ensuring human-machine interaction in the processes of managing the traffic of unmanned devices and their piloting is increasing. This review considers the use of cognitive modeling technologies for the formation of urban air mobility and unmanned aerial delivery complexes, as well as the features of artificial intelligence technologies in on-board and ground control systems at the initial stage of unmanned civil aviation development. Examples of Russian and foreign experience in urban air mobility are given, and the technological and psychophysiological aspects of the implementation of similar systems that radically change the urban environment and the way of life of city residents are described. The review is a continuation of the series of materials published in the journals of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences in 2022–2023.*

Keywords: *unmanned civil aviation; urban air mobility; artificial intelligence technologies; man-machine communication; training in new technologies.*

For citation: Fedotovskikh A.V. Human-machine interaction in the context of development urban unmanned airmobility // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N P. – P. 66–8P.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.05

УДК 316.423

МОДЕЛЬ ГОРОДСКОГО ТРАНСПОРТА В КОНЦЕПЦИИ CITTÀSLOW

Казакова Анна Юрьевна

доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела социологии и социальной психологии ИНИОН РАН, Москва, Россия; kazakova.a.u@yandex.ru

Аннотация. Концепция «замедления» городской жизни, выросшая из первоначально узкотематического итальянского общественного движения за «медленную езду», включает в себя стремление снизить интенсивность и скорость транспорта, не отказываясь при этом от мобильности. Различные аспекты устройства «медленных городов» в последнее время вызывают интерес и в России как инструмент устойчивого развития, но перспективы их внедрения авторы оценивают скорее пессимистически, в том числе исходя из транспортного фактора. Этим обусловлена актуальность настоящего обзора, ставящего цель определить место и роль транспорта в развитии города по модели Slow City («медленный город») и те характеристики транспортной ситуации, которые зарубежные исследователи выделяют как важные условия успешного внедрения данной модели.

Ключевые слова: городское развитие; концепция замедления; Cittàslow; Slow City; транспортная ситуация; мобильность.

Для цитирования: Казакова А.Ю. Модель городского транспорта в концепции Cittàslow // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 84–93.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.06

Рукопись поступила: 28.08.2024

Принята к печати: 31.08.2024

Введение

Одно из основных противоречий модернизации современных городов состоит в сосуществовании несовместимых стремлений населения: с одной стороны, к высокому уровню жизни, к пользованию всеми благами цивилизации с ее технологиями и возможностями, с другой стороны – к пребыванию в экологичной, культурно близкой, привычной среде, комфортной и безопасной. Начиная с конца 1990-х годов возникает тенденция к противопоставлению больших, глобальных, «быстрых» городов, которые развиваются на основе программ и проектов, всегда устремленных в более или менее отдаленное будущее, городам, существующим здесь и сейчас, жизнь которых, оторванная от «глобальных» проектов столиц и крупных административных центров или связанная с ними лишь формально, ориентирована на процесс повседневности или даже на консервацию и воспроизводство прошлого. Эта жизнь локальна и достаточно замкнута. «Медленные» города обычно малые, реже средние. Концепция «медленного города» окончательно оформилась только в последнее десятилетие, когда произошла институционализация принципов их развития и правил присоединения участников к сетевому объединению *Cittàslow* (Slow City), которое и провозгласило эти правила.

Идеальный город – *Slow City* – участники движения определяют как такой, где жизнь приносит удовольствие, и описывают его в манифесте следующим образом: «Эти города населены людьми, которые интересуются стариной. Эти города богаты площадями, театрами, мастерскими, кафе, ресторанами, духовными центрами, нетронутыми пейзажами и мастерами, чарующими своим ремеслом. В них мы ценим по-прежнему неторопливую, доброжелательную смену времен года, с их ритмом настоящих продуктов, уважением к изысканным вкусам и здоровью, естественным обычаям, с очарованием живых традиций. Это радость неторопливого, спокойного, вдумчивого образа жизни» [*Cittàslow manifesto*, 2020]. Символом движения стала улитка, на раковине которой разместились городские дома. Лозунгом – латинский призыв “*festina lente*” (спеши медленно).

Российских исследований, посвященных данному движению, равно как и условиям реализации принципов «медленного» развития на практике, не так много. Большая их часть является теоретическими и опирается на иностранные реалии. Это естественно: в публикации 2020 г. Ю.В. Преображенским отмечено, что присоединение к движению требует соблюдения обширного перечня условий, что пока оказалось возможным для единственного российского города – Светлогорска Калининградской области [Преображенский, 2020, с. 16]. Проверка этих данных автором обзора показала, что по состоянию на август 2024 г., несмотря на западные санкции, членство Светлогорска подтверждается интерактивной картой и документацией движения, но и новыми

единицами из России они не пополнились [Cittaslow list, 2024]. Вместе с тем данная модель развития городской среды опирается на тренды, типичные для множества экономически не слишком успешных, не вписавшихся в современный глобальный рынок, постиндустриальных городов. Такие же тренды повсеместно наблюдаются и в России, а отдельные авторы предпринимают попытки приложения концепции медленного города к малым и средним российским городам [Захарчук, Трифонова, Упоров, 2024], внутригородским пространствам мегаполисов [Афанасьев, Леошко, 2024] и сельским населенным пунктам [Новикова, 2023]. Вместе с тем авторы оценивают перспективы применения модели *Slow City* для России весьма сдержанно: «Сильные различия в условиях малых и средних европейских городов (в том числе из социалистического лагеря) с российскими малыми и средними городами, на наш взгляд, создают определенный барьер в использовании зарубежных концепций и направлений развития малых и средних городов» [Захарчук, Трифонова, Упоров, 2024, с. 7]. Как отмечено В.Г. Николаевым, который одним из первых в российской науке осуществил глубокий анализ оппозиции «быстрого и медленного» типов социального времени в различных сферах общественной жизни (промышленное производство, услуги, интеллектуальный наемный труд), «медленная» организация жизни не является произвольным решением и создает новые неравенства: «Доступ к медленным режимам для значительной части людей структурно и организационно ограничен или блокирован. Это означает, что «медленное движение», не ставящее вопроса о социальных условиях своего внедрения в жизнь и вопросов о равенстве и правах, тяготеет к вырождению в экзотическую культуру социальных слоев и групп, которые могут себе ее позволить посреди остального общества, экономически и организационно отлученного от самой возможности выбора таких практик» [Николаев, 2017, с. 83]. В случае целостных социально-территориальных систем эти неравенства объективно производны прежде всего от пространственной структуры и организации транспортного сообщения. Соответственно, необходимо понять, какой именно предполагается роль транспорта в моделях *Slow City* и каковы обязательные для ее реализации признаки транспортной ситуации.

Материалы обзора

Обзор выполнен на материалах влиятельных академических журналов, включенных в международные базы цитирования, которые традиционно публикуют исследования в области индустрии туризма и гостеприимства, географии, глобального экономического развития, окружающей среды и ее устойчивости, архитектуры и градостроительства, социальной среды и социальных проблем урбанизма. Концепция *Slow City* принадлежит междисциплинарному полю социальной и экономической географии, социологии и социальной антропологии города, психологии жизненной среды с выходом на конкретные архитектурно-урбанистические проекты и разработки. Подборка формировалась через поиск по ключевым словам “*Cittàslow*”, “*Slow City*” из статей, которые ха-

рактируют транспортное обеспечение «медленной» жизни и авторы которых в целом разделяют идеалы и ключевые цели Cittàslow.

Неспешная мобильность как «кинетическая философия» Slow City и ее воплощение в организации городского транспорта

Замедление городской жизни рассматривается в Европе как средство «укрощения глобализации», которая, как ученые признают все чаще, происходит «за счет местных сообществ, небольших традиционных компаний или законов природы» [Напюрковска-Барыла, Жешутек, 2021, с. 173]. Дополнительным стимулом к поиску противодействия нездоровому существованию человека в условиях дефицита времени и хронической спешки стала пандемия COVID-19. Режим локдауна показал, с одной стороны, как способна в одночасье замирать и деградировать экономическая и социальная жизнь в больших городах, где самые ценные ресурсы сосредоточены в центре, а связь с периферией поддерживается за счет высокоскоростного транспорта, и какая нагрузка ложится на такую же высокоцентрализованную систему здравоохранения и оказания медицинской помощи. С другой стороны, он стал «испытательным полигоном» для обкатки функционирования важнейших технических и социальных систем города в условиях высокой степени изоляции. Принудительная неподвижность внезапно стала вменяться в обязанность людям, воспитанным на ценности высокой активности, в том числе физической, которая в современной культуре телесности десятилетиями являлась признаком социального успеха [Freudendal-Pedersen M., Kesselring S., 2020]. Эта насильственная замена ценностей и образа жизни для многих стала травматичным опытом. Осмысливая его, ученые из США и Австралии обсуждают «вирус спешки», вредоносность которого обнажилась в условиях пандемии: «С тех пор, как скорость стала более важной целью городского планирования, чем удобство для жизни, экологичность и пешеходность, последствия для здоровья – человеческого, экологического и экономического – оказались крайне пагубными» [Tolley, Tranter, 2022, p. 259]. Их рекомендация состоит в реорганизации районирования городов путем создания самодостаточных «20-минутных» кварталов, до которых можно добраться пешком, на велосипеде или скутере и где все свои повседневные нужды человек мог бы удовлетворить на расстоянии 800 метров от дома. Для этого необходимы: расширение пешеходных зон, ограничение скорости автомобильного транспорта и распространение индивидуального «медленного» транспорта. По их мнению, это сможет обеспечить быстрое и безболезненное прерывание межрайонных связей на случай новой пандемии.

Вместе с тем большинством авторов свобода передвижения продолжает рассматриваться как неотъемлемое, природное право человека, а транспортно обусловленная социальная изоляция, неравенство людей и городских сообществ в уровне произвольной пространственной мобильности – как зло, против которого должно быть направлено устройство «медленного города». Движение Cittàslow ставит одной из важнейших задач достижение безбарьерности среды, устранение физи-

ческих препятствий и расширение пространств, доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения. Весьма остроумный способ оценки уровня доступности среды в конкретном городе предложил датский исследователь туризма из Ольборгского университета в Копенгагене Мартин Страндберг Йенсен (Martin Strandberg Jensen): город тем доступнее, чем шире площадь, на которой можно встретить свободно передвигающихся родителей с прогулочными колясками [Jensen, 2017].

Проблема доступности среды решается не так просто, как кажется на первый взгляд. Если вспомнить концепцию «защищающего пространства» О. Ньюмана, становится ясным, что безбарьерной среда может быть только там, где, по мнению жителей, защищать нечего или не от кого. И полное снятие архитектурных барьеров явно входит в противоречие с тенденцией к огораживанию дворов, парковок, зеленых зон, детских площадок, подъездных путей и пешеходных прогулочных зон, которая характерна для высокоресурсных соседских сообществ по всей России. Поэтому наибольшие шансы на успех безбарьерность получает в малых городах, но и здесь ее затрудняют сложная военно-политическая обстановка и необходимость учета террористической угрозы. Оппозиция открытого или закрытого, безбарьерного или защищенного пространства становится одним из главных вызовов для практического воплощения модели Slow City.

Так, основная проблема, о которой с позиций философской антропологии размышляет доктор технических наук Тор Сагер (Tore Sager) из норвежского Института науки и технологий, – как совместить индивидуальное право быть свободным, а значит, мобильным, с общественной безопасностью, особенно с учетом поступательного натиска государств на право человека перемещаться в пространстве, не подвергаясь тотальному контролю и надзору [Sager, 2006].

В основном авторами решение этой проблемы описывается в двух направлениях: усиление цифрового компонента в управлении транспортными и пассажирскими потоками или, напротив, высвобождение от «быстрого» транспорта значительных по площади общественных пространств и максимально возможный возврат к традиционным, доиндустриальным, способам передвижения. И то, и другое описывается с помощью категории «безопасность», поскольку в идеале Slow City рассматривается еще и как город, свободный от ДТП, ориентированный на пешеходов [Short, Pinet-Peralta, 2009].

Первый – «цифровой» – путь развития устойчивого городского транспорта поддерживают Тан Йигитканлар (Tan Yigitcanlar) из Технологического университета в Квинсленде и доктор Мухаммад Камруззаман (Dr Md Kamruzzaman) из Университета Монаша. Важнейшей частью транспортной инфраструктуры Slow City австралийские ученые считают технологии «умного города», а именно расширение доступа к широкополосному Интернету для выбора устойчивого способа передвижения [Yigitcanlar, Kamruzzaman, 2018]. Построенная ими регрессионная модель на данных различных районов местного самоуправления в Австралии показывает: чем больше охват широ-

кополосным Интернетом, тем ниже уровень надомной работы, интенсивность использования общественного транспорта, и одновременно тем активнее использование личного транспорта, которое помогает преодолеть растущую из-за Интернета фрагментацию трудовой деятельности. Как избавиться от этой фрагментации – вопрос, на который авторы не дают ответа. Но из других работ, посвященных еде, туризму, работе, покупкам, прогулкам и уже упомянутой [Tolley, Tranter, 2022] автономии городских кварталов, становится ясным, что преодолеть фрагментацию можно только за счет большого количества мест приложения труда непосредственно в районе проживания, т.е. ставки на развитие микробизнеса, кустарного производства, ремесел.

Второй путь можно назвать регрессивным. Речь идет об отказе от скоростного высокотехнологичного транспорта, о возврате к традиционным способам перемещения людей и грузов, характерным для данной этнической культуры, или об их современных модификациях, которые по-прежнему опираются на использование мускульной силы людей и животных, силы природной стихии. Неслучайно в последние годы в азиатских странах появляется много работ о Slow City, которые описывают восхищение туристов традиционными видами транспорта (рикши, велорикши, конные повозки и лодки), роль этого транспорта в сохранении городской уникальности и национального колорита, в развитии туризма [Paul, 1994; Pink, 2007; Walker, Lee, 2019a]. В Европе же довольно часто пишут о водном транспорте как основе сообщения в островных государствах, курортных городах [Pink, Servon, 2013; Walker, Lee, 2019b]; о педибусах и велобусах, которые позволяют целым семейным группам доставлять детей в школу или перемещаться по городу большой компанией, общаясь и распивая алкогольные напитки [Kézai, 2024].

Такого подхода придерживается профессор Сара Пинк (Мельбурн, Австралия). Она работает в Университете Монаша (Monash Data Futures Institute), который занимается исследованиями искусственного интеллекта в целях совершенствования здравоохранения, управления устойчивым развитием, экономики и политики. Сама автор – городской антрополог, дизайнер, директор исследовательской лаборатории новых технологий. Большое количество опубликованных ею работ посвящено развитию новых форм городской мобильности, преобразованию жилища в результате применения технологий «умного дома» и возобновляемой энергетики. Ее соавтор – Лиза Сервон (Бруклин, штат Нью-Йорк), профессор городского и регионального планирования Пенсильванского университета – занимается анализом потребителей финансовых услуг, проблем цифрового неравенства и государственной политики, направленной на его преодоление, развития городских сообществ и роли в этом процессе корпораций и цифровых технологий. Совместная работа Сервон и Пинк – «Сенсорные глобальные города: опытный подход к развитию движения Slow City» [Pink, Servon, 2013] – сосредоточена на причинах роста популярности движения. Авторы показывают, что присоединение к движению главы муниципалитетов используют для укрепления собственной власти и позиционирования городов, которыми они управляют, как средоточия радости для жите-

лей, а себя – как местных патриотов, радеющих за сохранение культурной самобытности. Все проинтервьюированные авторами в Испании (Страна Басков и Каталония) мэры, описывая Slow City как способ существования, апеллировали к принципу «чувственного проживания» рутинных повседневных действий, в рамках которого эстетизации поддается все: и прогулка в зеленой зоне, и процесс покупки фермерской продукции, и кинетическое удовольствие от кручения педалей или созерцания рыбацких лодок. Исследователи подчеркивают, что в ряде «медленных городов» Испании введены ограничения на высотность вновь возводимых домов и площадь застройки, а разрастанию города вширь препятствуют естественные ограничители в виде моря или гор. Поэтому многие представители местной власти связывают концепцию «медлительности» с географическим положением: «например, Джоан описала Бегур как “конечную точку”, которая больше никуда не ведет, а руководство города Лекейтио считает ценным то, что он находится в часе езды от Бильбао, что удерживает многих туристов от поездок туда» [Pink, Servon, 2013, p. 459].

Какого бы способа ни придерживались сторонники движения, для «медленного транспорта» необходима особая инфраструктура, которая перечислена в работе «Устойчивые и медленные города: стремление к сосуществованию»: «Эффективные велосипедные дорожки, примыкающие к общественным зданиям. Значительная протяженность (в километрах) городских велосипедных дорожек, созданных вдоль общей протяженности городских дорог в километрах. Велопарковки в торговых районах. Планирование экомобильности как альтернативы личному автомобилю. Низкий процент жителей, которые каждый день ездят на работу в другой город. Создание публичных площадок, где люди могут спокойно посидеть и пообщаться» [Munch, 2024, p. 4]. Автор – Эммануэль Мунк, научный сотрудник Университета Гюстава Эйфеля (Франция) – определяет себя как хроноурбаниста, изучающего виды мобильности и образ жизни городского населения (преимущественно работающего) с точки зрения времени. Это анализ загруженности городского транспорта в часы пик в связи с синхронизацией рабочего времени, связь между ритмами жизни горожан, жизнедеятельностью предприятий и темпами передвижений. Исследуя городскую транспортную политику и транспортную инфраструктуру, оценивая их с точки зрения социального оптимума использования населением различных видов времени, Э. Мунк стал убежденным сторонником идеи «замедления». Он ссылается на проведенное в 2015 г. масштабное международное исследование, посвященное ожиданиям городских жителей относительно их будущего образа жизни: «Независимо от того, откуда они приехали, большинство респондентов неизменно выражали желание снизить темп жизни в ответ на растущее ощущение нехватки времени» [Munch, 2024, p. 1]. Э. Мунк провозглашает необходимость такой политики, которая будет способствовать торможению скоростей передвижений, ритмов жизни, дисциплинарных нагрузок на горожанина, росту возможности выбирать рабочий график, время прихода на работу и в целом строить индивидуальный темпоритм, менее жестко привязанный и к работодателю, и к обеспечивающей город инфраструктуре.

Все это должно работать на сверхзадачу человекобережения путем повышения качества жизни горожан.

Заключение

Движение Cittaslow переосмысливает прежде всего ценность времени и способы его структурирования, характерные для индустриального капитализма. На смену рациональному рассмотрению времени как инвестиции, как экономического ресурса («время – деньги») постепенно приходит гедонистическая, эмоционально-сенсорная, антропоцентричная постиндустриальная трактовка времени.

Начавшееся с призывов к возврату к национально-укорененному, здоровому, основанному на местном производстве питанию, Slow City как концепция устойчивого городского развития вышла далеко за рамки кулинарии. Авторы – сторонники концепции – уделяют внимание транспортной связности, пешей доступности, безбарьерности и экологичности городских пространств, развитию сети велодорожек, пешеходных участков и зеленых зон, обилию удобной уличной мебели, ограничению скорости движения транспорта внутри городской черты, сокращению вредных выбросов и переходу на электромобили и специальные механические виды транспорта.

Западные исследователи предостерегают, что легкость перехода к данной модели («мы уже Slow City» – постоянный рефрен интервью с главами муниципалитетов [Pink, Servon, 2013]) обманчива и может маскировать нежелание или неумение городского руководства найти иные, экономически выгодные для благосостояния горожан, пути развития. Но и в этом случае запретительных мер типа ограничения скорости или допустимых видов транспорта недостаточно. Необходима доступная (безбарьерная), но при этом безопасная среда, которая включает в себя достаточно гомогенную социальную среду. Необходима поддерживающая пешеходное движение уличная мебель, малые архитектурные формы, многофункциональные и общедоступные, некоммерческие, общественные пространства. Необходима локальная сеть микропредприятий услуг, ремонта, общественного питания, торговли, источников поступления местной высококачественной фермерской продукции, множество мест приложения труда в непосредственной близости от места проживания, высокая автономия жилищно-территориальных единиц при их такой же высокой связанности. Главное условие – наличие природно-ландшафтной, историко-культурной, художественно-ремесленной, рекреационно-оздоровительной или какой-то еще уникальности места, бесспорной и для постоянных жителей, и для приезжих, поскольку в качестве основного источника доходов в концепции Slow City рассматривается туризм, индустрия гостеприимства и оздоровления. Только в этом случае высокая автономия перестает быть вынужденной изоляцией, а «медленные» практики из монотонной рутины превращаются в бесконечный перформанс жизни со вкусом, который можно анализировать в контексте «общества спектакля».

Список литературы

1. Афанасьев И.А., Левашко С.С. Формирование пешеходных пространств в Санкт-Петербурге на основе адаптации концепции «медленный город» (cittaslow) // XIV Региональный творческий форум с международным участием «Архитектурные сезоны в СПбГАСУ»: сборник материалов II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22–26 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2024. – С. 72–73.
2. Захарчук Е.А., Трифонова П.С., Упоров В.Е. Концепция «Медленный город» как перспективное направление развития малых и средних городов России // Цифровая экономика и инновации. – 2024. – № 1. – С. 5–17.
3. Напорковска-Барыла А., Жешутек А. Концепция «slow city» как модель развития малого города // Сельское хозяйство – проблемы и перспективы: сборник научных трудов. – Гродно: Гродненский государственный аграрный университет, 2021. – С. 166–178.
4. Николаев В.Г. Быстрое и медленное: социальная организация времени в условиях позднего капитализма // Личность. Культура. Общество. – 2017. – Т. 19, № ½ (93/94). – С. 80–92.
5. Новикова И.И. Концепция «медленный город» как альтернативная форма развития и сохранения экосистемы сельских территорий // Экология и природопользование: устойчивое развитие сельских территорий: сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 05–09 июня 2023 года / отв. за выпуск А.Г. Максименко. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2023. – С. 516–519.
6. Преображенский Ю.В. «Медленные» и «быстрые» города: специфика и модели развития // Социология города. – 2020. – № 1. – С. 16–25.
7. Cittaslow list: updated in June 2024 / International network of cities where living is good. – URL: https://www.cittaslow.org/sites/default/files/content/page/files/246/cittaslow_list_june_2024.pdf. (дата обращения 20.08.2024).
8. Cittaslow manifesto / International network of cities where living is good. – 2020. – 15 May. – <https://www.cittaslow.org/content/cittaslow-manifesto> (дата обращения 20.08.2024).
9. Freudendal-Pedersen M., Kesselring S. What is the urban without physical mobilities? COVID-19-induced immobility in the mobile risk society // Mobilities. – 2020. – 16 (1). – P. 81–95.
10. Jensen M.T. Urban pram strolling: a mobilities design perspective // Mobilities. – 2017. – № 13 (4). – P. 584–600.
11. Kézai P.K. Sustainable urban mobility programs that serve as active travel to school programs in Hungary: The case of Pedibus and Bicibus // Europa XXI. – 2024. – Vol. 46.
12. Munch E. Sustainable and slow cities: the quest for conviviality // Sustainability: Science, Practice and Policy. – 2024. – № 20 (1). – P. 1–16.
13. Paul B.K. Review on: Kirkpatrick J. “Transports of Delight: The Ricksha Art of Bangladesh” // ARAMCO World. – 1994. – № 45. – P. 33–35. – URL: <https://www.asianstudies.org/publications/eam/archives/transport-of-delight-the-ricksha-arts-of-bangladesh/> (дата обращения 20.08.2024).
14. Pink S. Transports of Delight // Visual Anthropology. – 2007. – № 20 (1). – P. 79–81.
15. Pink S., Servon L. Sensory Global Towns: An Experiential Approach to the Growth of the Slow City Movement // Environment and Planning A. – 2013. – № 45. – P. 451–466.
16. Sager T. Freedom as Mobility: Implications of the Distinction between Actual and Potential Travelling // Mobilities. – 2006. – № 1 (3). – P. 465–488.
17. Short J.R., Pinet - Peralta L.M. No Accident: Traffic and Pedestrians in the Modern City // Mobilities. – 2009. – № 5 (1). – P. 41–59.
18. Tolley R., Tranter P. Two viruses, one prescription: slow down // Transportation Research Procedia. – 2022. – Vol. 60. – P. 259–265.
19. Walker Th., Lee T. (a). Visitor and resident perceptions of the slow city movement: the case of Japan // International Journal of Tourism Sciences. – 2019. – № 19. – P. 1–16.
20. Walker T.B., Lee T.J. (b). Contributions to sustainable tourism in small islands: an analysis of the Cittàslow movement // Tourism Geographies. – 2019. – № 23 (3). – P. 415–435.
21. Yigitcanlar T., Kamruzzaman, Md. Smart Cities and Mobility: Does the Smartness of Australian Cities Lead to Sustainable Commuting Patterns? // Journal of Urban Technology. – 2018. – № 26 (2). – P. 21–46.

THE URBAN TRANSPORT MODEL IN THE CITTÀSLOW CONCEPT

Anna Kazakova

Doctor of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Department of Sociology and Social Psychology of the Institute of Scientific Information on Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; kazakova.a.u@yandex.ru

***Abstract.** The concept of “slowing down” urban life, which grew out of the initially narrow-minded Italian social movement for “slow food”, includes the desire to reduce the intensity and speed of*

transport, without giving up mobility. Various aspects of the design of “slow cities” have recently aroused interest in Russia as a tool for sustainable development, but the authors assess the prospects for their implementation rather pessimistically, largely based on the transport factor. This is due to the relevance of this review, which aims to determine the place and role of transport in the development of the city according to the Slow City model and actually those characteristics of the transport situation that foreign researchers identify as important conditions for the successful implementation of this model.

Keywords: *urban development; deceleration concept; Cittàslow; Slow City; transport situation; mobility.*

For citation: Kazakova A.Y. The urban transport model in the Cittàslow concept // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 3. – P. 84–93.

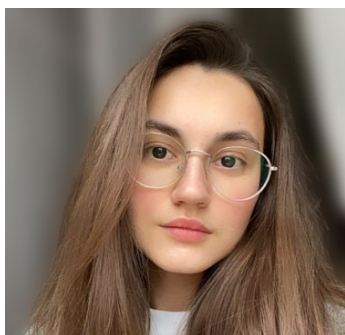
URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.06

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР

УДК 311.2

ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ГОРОЖАН ПО ЦИФРОВЫМ МАРКЕРАМ: АПРОБАЦИЯ МЕТОДИКИ

Дымова Полина Игоревна

Тульский государственный университет, Тула, Россия;
Dymova.pi@gmail.com

Домбровская Анна Юрьевна

доктор социологических наук, профессор кафедры политологии,
директор Центра политических исследований Финансового универ-
ситета при Правительстве РФ, Москва, Россия; an-doc@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе данных городских сообществ социальной сети ВКонтакте рассматривается способ измерения социального самочувствия с помощью цифровых маркеров. В рамках исследования использованы публикации онлайн-групп Тулы и Тульской области за 2023 г. Полученные данные обработаны с помощью языка программирования Python 3 и дополнительных библиотек (pandas, spaCy, dostoevsky). В результате получена информация о принадлежности текстовых документов к категориям социального самочувствия, а также определена их тональность. В заключение рассмотрены ограничения используемого метода и возможные пути их преодоления для совершенствования методики измерения социального самочувствия с использованием методов киберметрического анализа.

Ключевые слова: социальное самочувствие; городское сообщество; онлайн-сообщество; киберметрия; цифровые маркеры.

Для цитирования: Дымова П.И., Домбровская А.Ю. Измерение социального самочувствия горожан по цифровым маркерам // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 94–107.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.07

Рукопись поступила 30.05.2024

Принята к печати 22.08.2024

Введение

Социальное самочувствие является одним из многочисленных индикаторов состояния общества, которое регулярно измеряется как крупными центрами мониторинга общественного мнения, так и отдельными исследовательскими группами. В научной литературе существует большое количество работ, посвященных попыткам изучить социальное самочувствие в стране или определенном ее субъекте, в социально-демографических или профессиональных группах.

Анализ имеющихся исследований социального самочувствия позволяет отследить некоторые проблемы, связанные с его изучением. Во-первых, в социологической науке не существует единого определения и набора индикаторов для измерения вышеупомянутого показателя. В общем смысле, под социальным самочувствием подразумевается субъективная оценка индивидом собственного состояния и положения в обществе: как есть сейчас и на что есть надежды в будущем. Для измерения самочувствия используется различный набор объективных и субъективных показателей. В качестве примера объективных показателей выделяются: уровень материального положения и состояние здоровья индивида [Симонович, 2003, с. 5–6], реальный социальный статус в различных сферах жизнедеятельности [Михайлова, 2010, с. 47] и уровень властных полномочий [Душацкий, 2004, с. 67–69]. Примерами субъективных показателей являются: уверенность индивида в завтрашнем дне [Грачев, Русалинова, 2007, с. 9–10], удовлетворенность реализацией жизненной стратегии [Петрова, 2000, с. 53], восприятие, оценка и отношение к своему социальному статусу [Михайлова, 2010, с. 47] и др.

Приведенные примеры показателей, как объективных, так и субъективных, безусловно позволяют оценить социальное самочувствие индивида в частности и конкретной группы в целом, однако мало говорят о причинах той или иной оценки. Один респондент, обладая крепким здоровьем и имея высокий уровень зарплаты, может ощущать неуверенность в завтрашнем дне и быть неудовлетворенным тем, как складывается его жизнь. Другой, имеющий проблемы со здоровьем и меньшее количество материальных благ, может оценивать свою жизнь как достаточно счастливую и не тревожиться о будущем. Также стоит отметить, что большая часть измеряемых показателей, особенно субъективных, нуждается в дополнительной операционализации и может быть интерпретирована каждым участником исследования по-своему [Рогозин, 2007, с. 111].

Вторая проблема, связанная с исследованиями социального самочувствия, проявляется в существовании большого количества синонимичных как по форме, так и по содержанию социологических понятий: социального благополучия и неблагополучия, качества и уровня жизни, социального настроения и др. С одной стороны, это позволяет обнаружить интересные для исследователя

методы и подходы, которые можно транслировать на область изучения социального самочувствия, с другой – возвращает к первой, ранее озвученной трудности.

И, наконец, третья проблема – это используемый для оценки социального самочувствия метод исследования. Самым часто используемым инструментом является опрос, проводящийся лично или при помощи телекоммуникационных средств. Использование опросной методики не только не позволяет выяснить, что стоит за ответом, который дал респондент, но и не исключает влияние на ответы фигуры интервьюера.

Если разрешение первых двух обозначенных трудностей в данный момент не представляется возможным, то с точки зрения выбора метода исследования интерес представляет анализ неспровоцированных высказываний в социальных сетях по цифровым маркерам [Развитие методологии и методики интеллектуального поиска ..., 2017, с. 83–84]. Преимущество киберметрических методов для анализа социальных и политических процессов состоит не только в обилии данных, оставляемых пользователями социальных сетей, но и в наличии готовых инструментов для мониторинга социальных медиа.

Изучение активности пользователей в онлайн-сообществах широко используется в государственном управлении. В 2020 г. в каждом субъекте Российской Федерации появился Центр управления регионом (далее – ЦУР) для оперативного реагирования на проблемы градостроительства. По словам Анатолия Курманова, администратора развития Платформы обратной связи, главной идеей ЦУР является предвидение потребностей граждан. Благодаря анализу обращений аудитории сетевого сообщества появляется возможность проведения глубокой аналитики по регионам, создания «тепловых карт», выявления типовых проблем, унификации и оптимизации способов их решения. Подобные аналитические данные в полной мере могут служить опорой для принятия решений органами региональной власти и создания программ развития регионов с учетом наиболее важных для граждан направлений городского развития [Большакова, Климова, 2022, с. 394].

Удовлетворенность инфраструктурой является значимым фактором в измерении социального самочувствия городского населения [Цветкова, 2017, с. 115]. Деграция городской инфраструктуры, по словам автора, приводит к постепенному снижению социального самочувствия. Продолжительная неудовлетворенность жизнью и общий негативный фон в рамках конкретного города и региона способны привести к оттоку жителей, в попытке найти более подходящее и комфортное для жизни место, а также к снижению психоэмоционального и физического здоровья, росту преступности и распространения девиантного поведения.

Как было обозначено ранее, в социологической литературе существует достаточно большое количество синонимичных социальному самочувствию понятий. В работе Е.В. Щекотина, М.Г. Мякова и др. используются данные онлайн-активности пользователей социальной сети

ВКонтакте для расчета индекса субъективного (не)благополучия в 43 субъектах Российской Федерации [Субъективная оценка (не)благополучия..., 2020, с. 92–93].

Описание методологии и метода

В рамках проведенного исследования для операционализации понятия социального самочувствия был выбран подход, разработанный коллективом авторов: Е.И. Головахой, Н.В. Паниной и А.П. Горбачик. Суть данного подхода состоит в измерении интегрального показателя социального самочувствия на основании суждений о достаточности социальных благ в 11 сферах жизнедеятельности индивида [Головаха, 1998, с. 49]. В оригинальном исследовании для оценки достаточности каждого из компонентов социального самочувствия использовалась шкала достаточности, включающая в себя оценки «не хватает», «трудно сказать, хватает или нет», «хватает», «не интересует».

Стоит также упомянуть, что измерение интегрального индекса социального самочувствия предусматривает проведение анкетирования, в расширенном или сокращенном формате. Так как в рамках проведенного исследования не предполагалось применение опросной методики, было принято решение судить о достаточности того или иного компонента социального самочувствия, опираясь на тональность анализируемого документа. Положительная тональность говорит о достаточности, негативная – о нехватке социальных благ, а нейтральная – приравнивается к ответам «трудно сказать» и «не интересует», которые в оригинальной методике также были объединены и оценивались одинаковым количеством баллов [Головаха, Панина, Горбачик, 1998, с. 50–51].

Следующим этапом исследования стал отбор онлайн-сообществ для сбора документов в социальной сети ВКонтакте. В результате ручного отбора, проводимого в марте 2024 г., был сформирован список из 28 сообществ Тулы и Тульской области, из которого далее были исключены две группы, так как не подходили под тип «городское сообщество». Сообщества определялись по следующим критериям:

1. Наличие достаточно большого числа подписчиков в соотношении с населением муниципального образования по данным на 2023 г.
2. Активность, наличие недавно опубликованных записей на момент отбора.

Внимание при отборе сообществ было, в первую очередь, направлено на поиск онлайн-групп с типом «городское сообщество». В отличие от новостных групп, городские онлайн-сообщества содержат больше эмоционально-окрашенных публикаций. Ниже приведена таблица с распределением сообществ относительно административно-территориальных единиц Тульской области.

Таблица 1

**Число сообществ, принадлежащих административно-территориальным единицам
Тульской области**

Название административно-территориальной единицы	Количество сообществ
г. Тула	10
г. Новомосковск	2
г. Ясногорск	2
г. Алексин	1
г. Кимовск	1
г. Ефремов	1
г. Киреевск	1
г. Белев	1
г. Узловая	1
г. Щекино	1
Не определен	5

Следующим этапом стала разработка программного кода на языке программирования Python 3 для автоматизации выгрузки информации о сообществах, их публикациях, а также приведения текста документов к нормальному виду для проведения дальнейшего анализа.

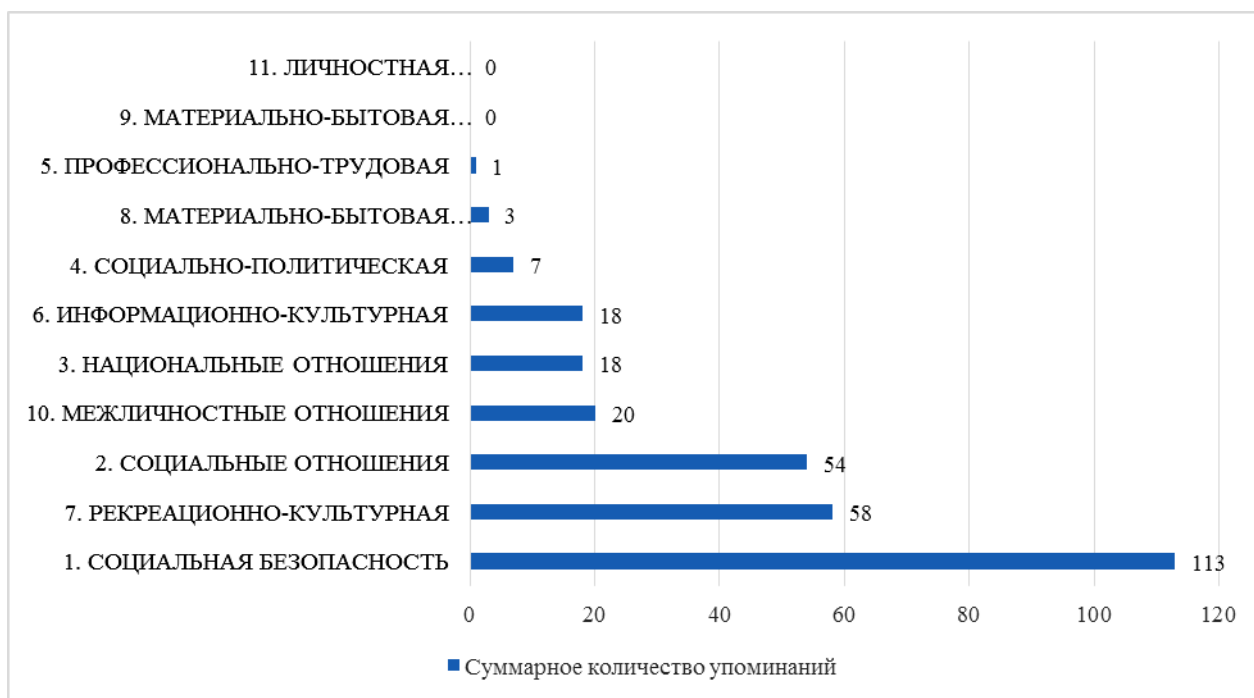
Данные об отобранных сообществах социальной сети ВКонтакте были получены с помощью методов VK API, обращение к которым осуществлялось посредством модуля requests. Для получения таких характеристик, как количество участников сообщества, идентификатор, город и др., использовался метод groups.getById. Для формирования списка публикаций по каждому отобранному сообществу использовался метод wall.get, позволяющий получить: дату и время публикации, текст и вложения (фото- и видеоматериалы), идентификатор автора, количество просмотров, комментариев, лайков и репостов и многое другое. Полную информацию о возвращаемых полях можно прочитать в документации на официальном сайте социальной сети.

Общий массив данных, выгруженный из отобранных сообществ, составил 472 855 публикаций: самый поздний документ датирован 14 апреля 2024 г., самый ранний – 3 марта 2009 г. Для вычисления индекса социального самочувствия были выбраны публикации за 2023 г., общее число которых составило 52 810 записей.

В рамках предварительного анализа из всего массива данных было отобрано 1197 документов, опубликованных в период с 2024 по 2021 год. Задачи предварительного анализа состояли в следующем.

1. Соотнести текст каждой публикации с категорией социального самочувствия в рамках выбранного подхода.
2. Определить две категории, публикации из которых встречаются чаще всего.
3. Составить словари маркеров социального самочувствия для конкретной категории и дополнить их собственными ключевыми словами при необходимости.

В результате, среди исследуемых документов: 581 публикация маркирована как «мусорная» в связи с тем, что содержит неподходящие высказывания, 268 публикаций – новости, 25 – объявления о поиске работы, 14 – рекламные тексты, 13 – объявления о поиске пропавших, четыре – дубли тех записей, что встречались ранее. Оставшиеся документы распределились по категориям социального самочувствия следующим образом (рис. 1).

Рис. 1. Распределение публикаций по категориям социального самочувствия*

* В интегральном индексе социального самочувствия есть две материально-бытовые категории: 1-го и 2-го уровней. 1-й уровень включает в себя: хорошее жилье, необходимую одежду, возможность приобретать необходимые продукты и необходимую мебель, 2-й уровень: автомобиль, возможность питаться в соответствии со своими вкусами, модную и красивую одежду, садовый (приусадебный) участок.

Несмотря на то что по количеству публикаций на втором месте оказалась рекреационно-культурная компонента социального самочувствия, было принято решение проводить дальнейший анализ по категориям «социальная безопасность» и «социальные отношения», так как документы, попавшие в категорию «рекреационно-культурная», носили нейтральный характер и скорее представляли собой анонсы культурных мероприятий.

Для поиска цифровых маркеров в целевом массиве документов текст публикаций был подвергнут стандартным процедурам обработки естественного языка, которые включали в себя:

1. Избавление текста от знаков препинания, переносов, эмоджи и любых других дополнительных символов.
2. Приведение текста к нижнему регистру.
3. Токенизацию и лемматизацию.

Процедура токенизации представляет собой разделение текста на отдельные слова и знаки пунктуации, если прежде он не был от них очищен. Процедура лемматизации – это приведение

слова к его начальной морфологической форме. Подобная обработка упрощает поиск цифровых маркеров в текстовых документах, так как при составлении словаря пропадает необходимость использовать разные формы одних и тех же слов, например склонения существительных, чтобы учесть все возможные вариации словоформ.

Процедуру лемматизации часто упоминают либо вместе, либо вместо процедуры стемминга. В отличие от лемматизации, в стемминге базовая форма слова выделяется за счет удаления суффиксов и окончаний. Ниже (табл. 2) приведен пример, иллюстрирующий различия процедур стемминга и лемматизации на одной из отобранных публикаций.

Таблица 2

Сравнение результатов процедур стемминга и лемматизации

Очищенный текст	Результат стемминга	Результат лемматизации
масочный режим в учреждениях здравоохранения тульской области введен с сегодняшнего дня для посетителей и медицинского персонала	масочн реж в учрежден здравоохранен тульск област введ с сегодняшн дня для посетител и медицинск персона	масочный режим в учреждение здравоохранение тульский область ввести с сегодняшний день для посетитель и медицинский персонал

В данной работе текст публикаций, полученный в результате лемматизации, представляется наиболее удобным для поиска маркеров, и именно он в дальнейшем используется для отнесения документа к той или иной категории социального самочувствия.

В результате поиска маркеров из составленных для категорий «социальная безопасность» и «социальные отношения» словарей данные распределились следующим образом (рис. 2): 20% публикаций за 2023 г. попали в категорию «социальная безопасность», 3% – в категорию «социальные отношения», 4% относятся к обеим категориям, а 73% не классифицированы. Публикации, не попавшие ни в одну из категорий социального самочувствия, могут оказаться как «мусорными данными», так и теми, которые, теоретически, могли попасть в девять оставшихся категорий.

Совмещение категорий в рамках одного документа может быть вызвано тем, что публикация содержит маркеры, относящиеся к обеим категориям социального самочувствия. Далее этот набор данных не будет исключаться из анализа.

Для определения тональности сообщений использовалась библиотека *dostoevsky*, предназначенная для сентимент-анализа русскоязычных текстов. Модель, использующаяся в данной библиотеке, обучена на наборе данных *RuSentiment*, состоящем из открытых публикаций социальной сети ВКонтакте [RuSentiment..., 2018]. В результате обработки текста модель возвращает вероятность, с которой текст относится к той или иной тональности. Разработчики модели выделяют пять категорий тональности: позитивную (*positive*), негативную (*negative*), нейтральную (*neutral*), форму речи (*speech*) и пропуск (*skip*). Пропускаются моделью те публикации, в которых трудно

определить тональность, а также публикации-шутки, бессмысленные высказывания или тексты не на русском языке.

Рис. 2. Распределение публикаций по категориям социального самочувствия

При обработке текста моделью необходимо указать параметр k , принимающий значения от 1 до 5 и показывающий «уверенность» модели в предсказанной тональности. В рамках данного исследования использовалось $k=1$, чтобы получить одно, наиболее вероятное, определение тональности. Увеличение k при расчетах не ведет к тому, что вероятность тональности пересчитывается. При $k=2$ в результате обработки текста выдается второй по вероятности вариант тональности, аналогично при увеличении k появляется третий, четвертый и пятый.

В результате обработки данных тональность подавляющего большинства публикаций была определена как нейтральная. На втором месте, но с большим отрывом, находятся публикации негативной тональности, за исключением текстовых документов категории «социальные отношения». Там, следующим за нейтральной тональностью, следует речевое высказывание (рис. 3).

Далее были составлены распределения количества публикаций и их тональности по месяцам 2023 г. Всплески активности в явном виде хорошо определяются на публикациях с нейтральной тональностью. Так, большая часть текстовых документов категории «социальная безопасность» приходится на апрель и октябрь 2023 г. Примерно в то же время наблюдается увеличение числа публикаций категории «социальные отношения»: май и ноябрь 2023 г. Для публикаций, попавших в обе категории, пик активности приходится на март 2023 г.

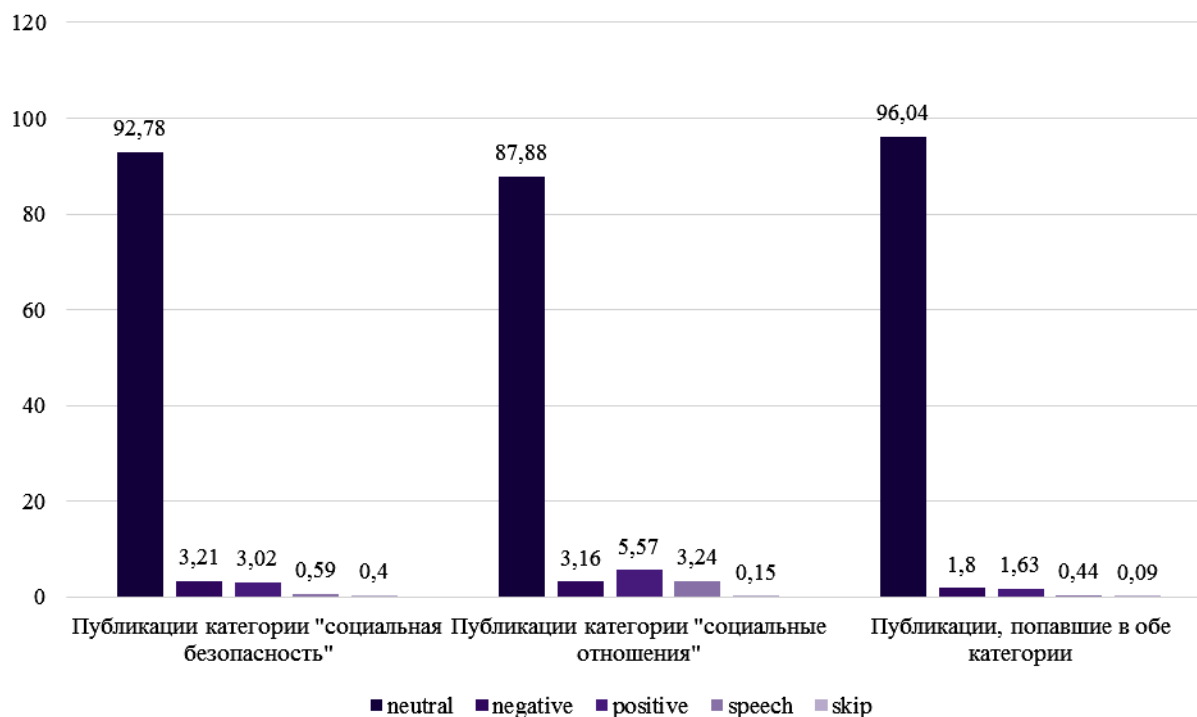

Рис. 3. Распределение публикаций по тональности внутри категории (относительные показатели)

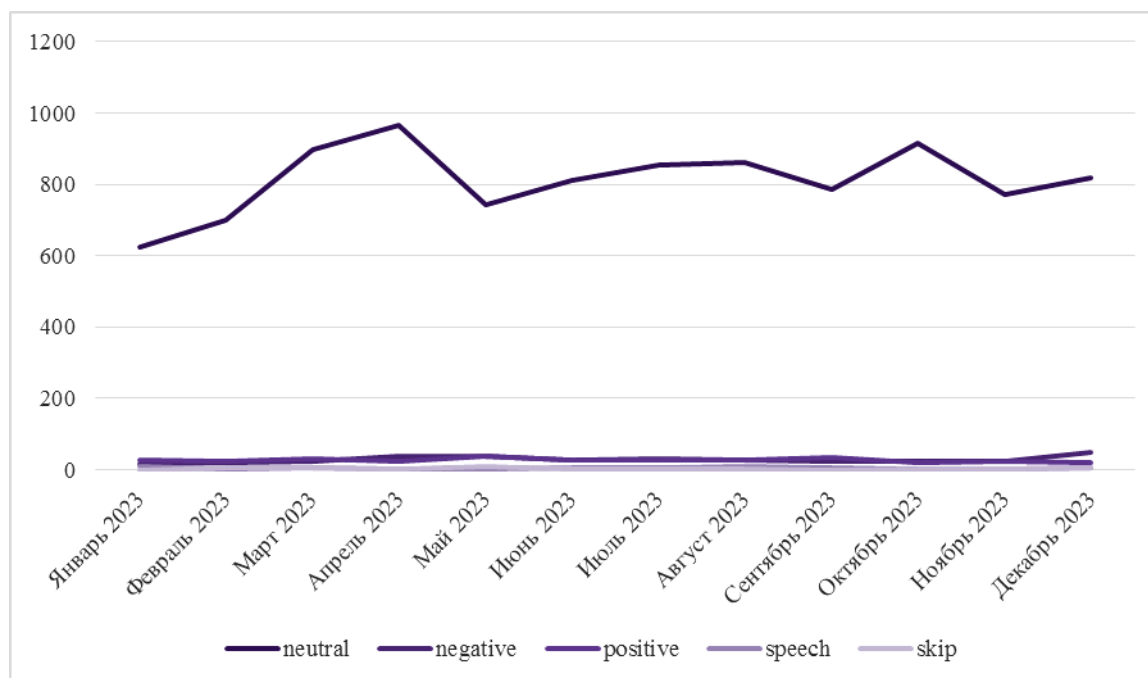

Рис. 4. Распределение тональности по месяцам для публикаций категории «социальная безопасность»

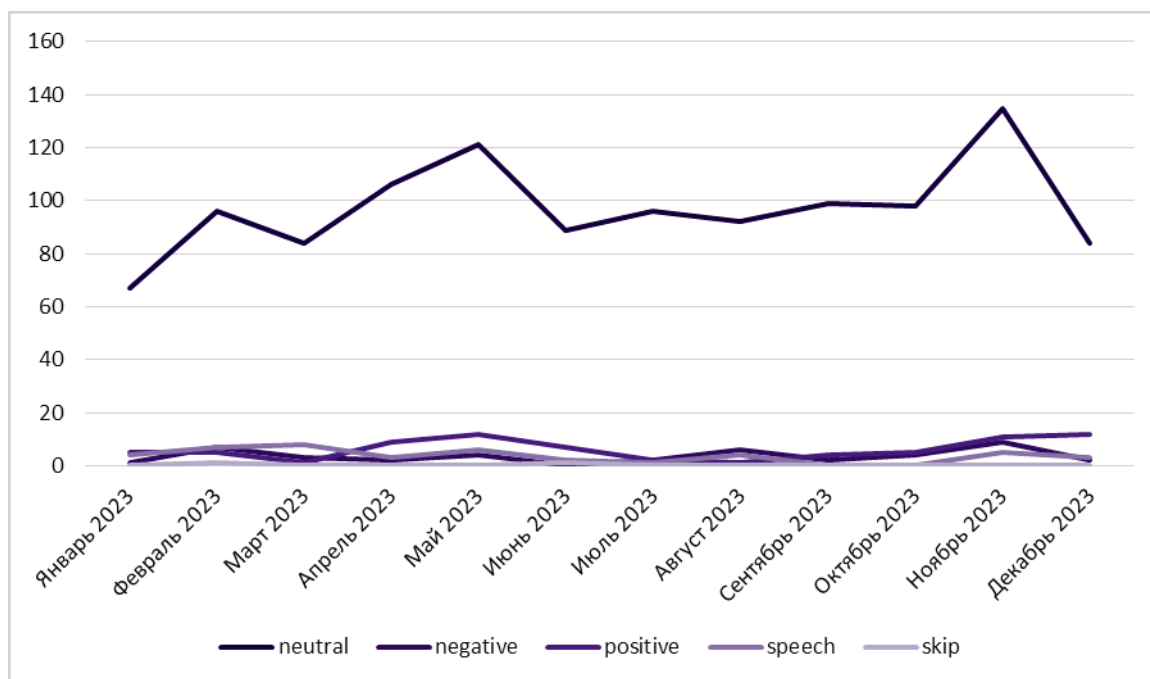

Рисунок 5. Распределение тональности по месяцам для публикаций категории «социальные отношения»

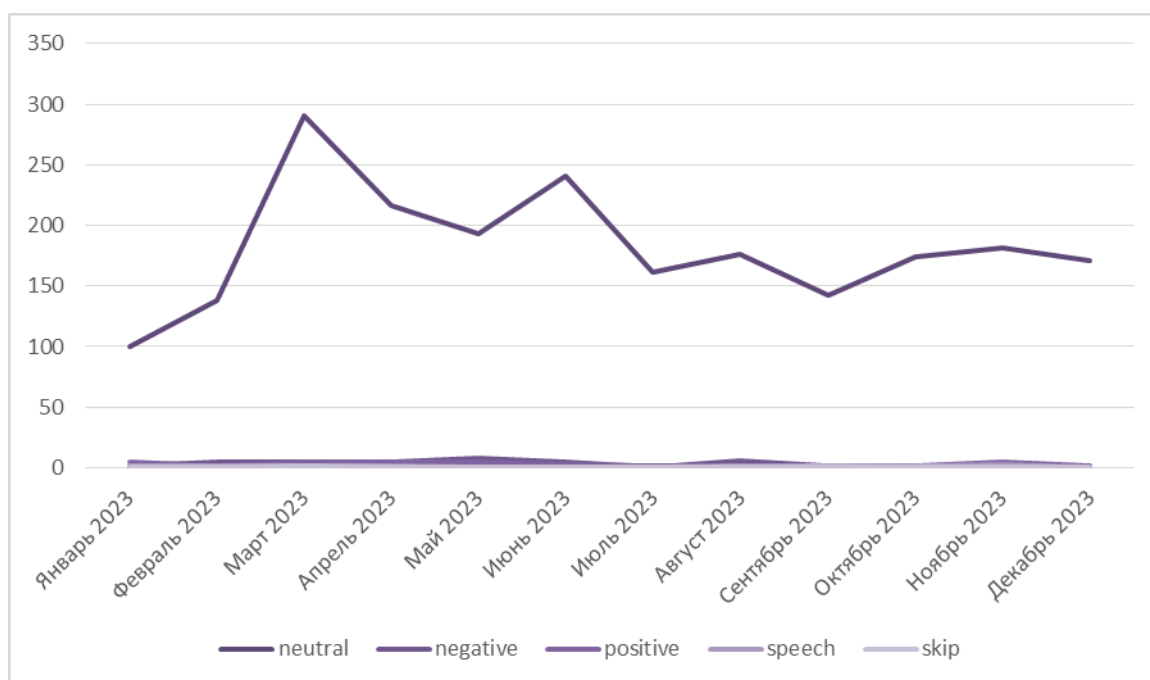

Рис. 6. Распределение тональности по месяцам для публикаций, попавших в обе категории

Результаты и обсуждение

В результате апробации методики обнаружены некоторые проблемы, требующие решения для дальнейшего совершенствования киберметрических процедур в анализе социального самочувствия по цифровым маркерам.

Первая проблема касается неоднозначной классификации текстового документа относительно той или иной категории социального самочувствия. Даже при наличии непересекающихся словарей маркеров возможна ситуация, когда текстовый документ содержит ключевые слова нескольких из них. Возможно, предположение о том, что каждый текстовый документ можно однозначно отнести к определенной категории социального самочувствия, изначально неверно, и более правильным является подход, определяющий вероятность принадлежности публикации к каждой группе из имеющегося набора.

Вторая проблема связана с определением тональности. Подавляющее большинство документов были охарактеризованы как нейтральные, что не позволяет однозначно определить оценку социального самочувствия в рамках исследуемых категорий. Ранее было отмечено, что в рамках используемого подхода достаточность социальных благ определялась значениями по шкале: «хватает», «не хватает», «трудно сказать, хватает или нет», «не интересует». Предполагалось, что оценки «хватает» и «не хватает» соответствуют позитивной и негативной тональностям, тогда как нейтральная относится к оставшимся двум. Здесь возникает противоречие: с одной стороны, попадание большого количества публикаций в категории «социальная безопасность» и «социальные отношения» на этапе предварительного анализа говорит о важности именно этих тем в повседневной жизни горожан, с другой – трудно определить явную эмоциональную окраску высказываний относительно них. Причиной сложившейся ситуации может являться особенность модели, которая, несмотря на значительную точность, не улавливает небольшие эмоциональные оттенки текста. Попробовать решить эту проблему можно с помощью разработки собственной модели, обученной на материалах, которые используются для анализа социального самочувствия и синонимичных ему индикаторов. Менее радикальным, но интересным представляется другой вариант. Модель для определения тональности, используемая в данной работе, а также модели, используемые в других, предполагают исключение из анализа эмоджи, которыми люди часто пользуются как в личной переписке с близкими, так и в публичном пространстве онлайн-сообщества. Для языка программирования Python существуют библиотеки, позволяющие перевести эмоджи в слово, которое оно обозначает. Так как эмоджи обозначают различные эмоциональные реакции, прямое указание в тексте на смех, радость, гнев или грусть способно повлиять на определение тональности текста. Еще одним расширением методики видится использование комментариев под публикацией, при их наличии. Сейчас они исключены из анализа как единицы текста, и учитываются скорее как показатель активности участников сообщества [Субъективная оценка (не)благополучия..., 2020, с. 92–93].

Третья проблема – необходимость дополнительного исследования по результатам временного распределения публикаций. Даже в документах с нейтральной тональностью наблюдаются всплески и падения активности и, как следствие, увеличение и снижение числа записей в онлайн-

сообществах. В рамках проведенного исследования не определены события, повлиявшие на колебания публикационной активности. Необходимо обратить на это отдельное внимание и отследить, какие внутри- и внешнеполитические события на это влияют.

В качестве еще одной проблемы стоит выделить техническое ограничение, связанное со структурой данных о публикациях онлайн-сообщества, получаемых из социальной сети ВКонтакте. Это ограничение связано с особенностями определения автора публикации внутри группы. Большая часть постов публикуется от имени сообщества, а непосредственный автор предложенной записи фиксируется только в том случае, если он не пожелал сохранить анонимность. Среди всех отобранных за 2023 г. данных только 9628 (18,23%) содержат данные автора, оставшиеся 43 182 (81,77%) – опубликованы анонимно. Это затрудняет составление демографического портрета авторов. Однако, существует возможность проанализировать половозрастные характеристики участников сообщества в целом.

Заключение

В нынешней исследовательской реальности наблюдается существенная диверсификация стратегий и методов сбора и анализа эмпирической информации. Все чаще практикующие эмпирики обращаются к возможностям автоматизации процесса аккумулирования и обработки базы данных. Социологические исследования – одна из первых областей социогуманитарного знания, в которой все активнее применяется автоматизация, программирование, алгоритмы машинного обучения в изучении цифровых следов социальных настроений, взглядов, ценностей, мнений, в конечном итоге, социального самочувствия. В настоящей статье представлен конкретный эмпирический кейс, показавший возможности и ограничения программного обеспечения в измерении социального самочувствия тульских жителей по его онлайн-сетевым маркерам. Среди ключевых достоинств подобной и других форматов автоматизации сбора и обработки информации – возможность сплошного анализа в пределах необходимого временного интервала и социально-медийной платформы, экономия времени, высокая точность получаемых данных, отсутствие негативного воздействия человеческих факторов (усталость, неточность, ошибки при сборе данных). Ограничениями автоматизированных форматов анализа социальных процессов остается пока неизбежное упрощение в ходе верификации изучаемых признаков, иногда – примитивизация индикаторов измеряемых признаков в связи с необходимостью создать алгоритм извлечения релевантной информации. Перспективы решения этих проблем видятся в совершенствовании методики сбора и обработки данных с применением машинного обучения (к примеру, методики «обучения с учителем»).

Список литературы

1. Большакова К.Ю., Климова А.В. Центры управления регионом как новая форма управленческой деятельности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Государственное и муниципальное управление. – 2022. – Т. 9, № 4. – С. 394.
2. Головаха Е.И., Панина Н.В., Горбачик А.П. Измерение социального самочувствия: тест ИИСС // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4 М). – 1998. – № 10. – С. 45–71. – URL: https://www.fnisc.ru/index.php?page_id=2384&id=3911&l=&j=6&base=ojs3 (дата обращения 10.01.2024)
3. Грачев А.А., Русалинова А.А. Социальное самочувствие человека в организации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2007. – № 30. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-samochuvstvie-cheloveka-v-organizatsii> (дата обращения 01.03.2024).
4. Душацкий Л.Е. Материально-властные ресурсы Россиян в самооценке и социальном самочувствии // Социологические исследования. – 2004. – № 4. – С. 64–70.
5. Михайлова Л.И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – С. 45–50.
6. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12. – С. 50–55.
7. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа / Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. [и др.] // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2017. – № 5. – С. 79–104.
8. Рогозин Д. Тестирование вопросов о социальном самочувствии // Социальная реальность. – 2007. – № 2. – С. 97–113.
9. Симонович Н.Е. Социальное самочувствие людей и технологии его исследования в современной России: автореф. дис.... д-ра психол. наук. – Москва, 2003. – 37 с.
10. Субъективная оценка (не) благополучия населения регионов РФ на основе данных социальных сетей / Щекотин Е.В., Мягков М.Г., Гойко В.Л., Кашпур В.В., Коварж Г.Ю. // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. С. 78–116. (дата обращения 20.04.2024).
11. Цветкова И.В. Факторы социального самочувствия горожан // КНЖ. – 2017. – № 1 (18). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/factory-sotsialnogo-samochuvstviya-gorozhan> (дата обращения 20.04.2024).
12. RuSentiment: An Enriched Sentiment Analysis Dataset for Social Media in Russian / Rogers A., Romanov A., Rumshisky A., Volkova S., Gronas M., Gribov A. // Proceedings of the 27 th International Conference on Computational Linguistics. – Santa Fe, New Mexico, USA: Association for Computational Linguistics, 2018. – P. 755–763.

MEASURING SOCIAL WELL-BEING OF CITY DWELLERS BY DIGITAL MARKERS: TESTING THE METHODOLOGY

Polina Dymova

Master of Sociology, Tula State University, Tula, Russia; Dymova.pi@gmail.com

Anna Dombrovskaya

Doctor of Sociology, Professor of the Department of Political Science, Director of the Center for Political Studies of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; an-doc@yandex.ru

Abstract. *The article examines a method for measuring subjective well-being using digital markers based on data from online city communities of the VKontakte social network. Publications from online groups in Tula and the Tula region for the year 2023 were used in the study. The collected data was processed using the Python 3 programming language and additional libraries (pandas, spaCy, dostoevsky). As a result, information was obtained about the categorization of textual documents into subjective well-being categories, as well as their sentiment. In conclusion, the limitations of the used method are discussed, along with possible ways to overcome them to improve the technique for measuring subjective well-being using cybermetric analysis methods.*

Keywords: *social well-being, city community, online community, cybermetrics, digital markers.*

For citation: Dymova P.I., Dombrovskaya A.Yu. Measuring social well-being of city dwellers by digital markers: testing the methodology // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – No 3. – P. 94–107.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/> DOI:

10.31249/snsn/2024.03.07

УДК 304.3

ПОЧЕМУ Я ЗДЕСЬ ЖИВУ? ИСТОРИЧЕСКИЙ ЦЕНТР САМАРЫ ГЛАЗАМИ РЕЗИДЕНТА

Рыжкова Елена Александровна

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева (Самара, Российская Федерация);
ea.ryzhkova@ya.ru

***Аннотация.** В статье представлены результаты качественного социологического исследования, проведенного на территории городского округа Самары. Центр Самары представляет собой историко-культурную ценность, несколько лет назад ему присвоен статус исторического поселения. Целью исследования стало выявление ценностного каркаса отношения жителей исторического центра Самары к территории своего проживания. Предпринята попытка осмысления ощущения жителями ценности места через пространственную триаду Анри Лефевра. При объяснении феномена высокого потенциала исторического центра города по отношению к другим районам задействована теория кластеризации Роберта Лукаса. Гипотеза о кластеризации людей, ресурсов и возможностей в ядре города доказывается на основе полученных эмпирических данных. Ставится вопрос о том, что разным людям подходят разные места для проживания.*

***Ключевые слова:** социология города; историко-культурная среда; исторический центр Самары; идентичность пространства; ценность пространства; выбор места.*

***Для цитирования:** Рыжкова Е.А. Почему я здесь живу? Исторический центр Самары глазами резидента // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 108–123.*

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.08

Рукопись поступила: 01.06.2024

Принята к печати: 19.08.2024

Введение

Каждый, кто живет достаточно долгое время в каком-либо городе, по-своему к нему относится и по-своему понимает. Для каждого город «свой». Каждый индивидуально воспринимает его пространство, возможности, комфорт или его отсутствие, ритм, стиль, темп, красоту, удобство и множество других параметров. Многие в настоящее время рефлексиируют на тему своего отношения к городской среде. Это продиктовано растущей популярностью урбанистических исследований и теорий, развитием социологии города как отдельного направления науки, современной тенденцией к использованию междисциплинарного подхода к анализу и планированию развития территорий. Одной из главных тем, которые сегодня обсуждаются среди урбанистов, архитекторов, историков, реставраторов, представителей власти, является тема сохранения наследия. Проблеме сохранности городского наследия представляется уместным анализировать не только в правовом или историко-культурном аспектах, но и в традициях классических пространственных теорий, одной из которых является теория производства пространства Анри Лефевра [Лефевр, 2015].

В работе 1974 г. Лефевр призывает рассматривать пространство комплексно, уходя от редукционизма в ходе его анализа. Он предлагает модель «пространственной триады», которая призвана обратить фокус внимания на социальные отношения в контексте производства и воспроизводства пространства [Бедаш, 2012, с. 220].

В этой триаде Лефевр выделяет три элемента.

Репрезентации пространства (или «понимаемое пространство») – то, как воспринимается и трактуется пространство экспертами или профессионалами в различных областях.

Пространства репрезентаций – это «обжитое пространство» жителей территории. Имеются в виду повседневные практики использования пространства, которое «скорее чувствуют, а не мыслят». За счет пространств репрезентаций у людей появляются пространственные привязанности и ассоциации, которые делают социальную жизнь на территории значимой для индивида: любимая улица, любимый район. Такое пространство сочетает в себе реальное и воображаемое.

Пространственные практики – это объективизация социальных действий, совершаемых человеком на данном пространстве, в материальную форму, формирование так называемой «пространственной компетенции», как называет это явление Лефевр [Бедаш, 2012, с. 220]. Что важно, пространственные практики связывают между собой понимаемое и обживаемое пространства и относятся к области воспринимаемого.

При этом он утверждает, что любое пространство является результатом деятельности целого ряда объектов во времени или действий, совершенных в прошлом. Он наделяет пространство свойствами социальных отношений. «Будучи продуктом, который используют и потребляют, оно также является средством производства; сети обмена, потоки сырья и энергии формируют пространство и детерминированы им» [Бедаш, 2012, с. 221].

Теория Лефевра призывает смотреть на пространство как можно более объемно и многомерно, не упрощая его, не сводя к линейным моделям. Точкой отсчета при изучении пространства он считает повседневность. Только анализируя повседневность, мы можем структурировать, понять взаимосвязи, проследить во времени процессы, которые формируют и воспроизводят изучаемое пространство.

Если идти дальше и рассуждать об историческом центре города с позиций теории места, то в качестве еще одной, важной опорной точки следует указать на теорию кластеризации, которую сформулировал экономист Роберт Лукас и которую использует для объяснения процесса приобретения территориями отличительного социального качества Ричард Флорида в своей книге «Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства». Как пишет Р. Флорида, Р. Лукас сформулировал понятие силы кластеризации «людей и производительности, креативности и таланта, который управляет экономическим развитием» [Флорида, 2014, с. 66].

Квинтэссенция возможностей исторического центра обуславливается кластеризацией в нем самых производительных и выдающихся сил по сравнению с другими территориями, их насыщенностью и взаимным переплетением.

Экономист Альфред Маршалл объяснял кластеризацию экономических сил взаимной выгодой от соседства [Флорида, 2014, с. 68]. Важность кластеризации людей и их самых разнообразных компетенций для развития экономики подчеркивала и Джейн Джейкобс в своей книге «Экономика городов» [Джейкобс, 2008]. Объединяя эти идеи, Флорида делает вывод, что «когда люди, особенно одаренные и креативные, собираются вместе, обмениваться идеями становится легче, и, как следствие, их индивидуальные и совокупные способности возрастают экспоненциально, т.е. конечный результат значительно превосходит сумму его слагаемых. Эта кластеризация делает каждого из нас более продуктивным, отчего место, где мы живем, в свою очередь становится еще более продуктивным, и соответственно растут коллективная креативность и экономическое богатство» [Флорида, 2014, с. 71].

Нечто подобное происходит как раз в исторических центрах городов. Имея самую длинную по сравнению с другими частями города историю, сочетая и удерживая на своей территории самые разные функции, эти исторические центры имеют большую силу кластеризации. Ее синергетический эффект обуславливает развитие и потенциал центра.

Американский социолог, представитель знаменитой Чикагской школы, Роберт Парк, который рассматривал город как социальную лабораторию, отмечал, что «чем разнообразнее и эксцентричнее индивид, тем с большей долей вероятности он сможет реализоваться в большом городе, в самом его развитом ядре – центре, нежели в малом сообществе» [Парк, 2002, с. 12].

С точки зрения теории места каждый должен найти свою территорию, подходящую именно ему. На «своей» территории будет комфортно жить, работать, гулять, проводить время с другими людьми. И жизнь в историческом центре подходит не всем, этот выбор индивидуален. Флорида утверждает, что разные виды территорий могут притягивать разные типы людей, предлагая преимущества именно для них.

Исследователи Рентфроу и Гослинг [Флорида, 2014, с. 191–193] пошли еще дальше, изучая связь жителей и места. По итогам проведенных исследований они стали отмечать, что «рано или поздно те или иные места (и их жители) приобретают те или иные черты личности. Авторы называют это явление “социальным эффектом основателя”. Это значит, что у людей появляются личностные характеристики, отражающие их опыт, стиль жизни и верования. Места, которые терпимы к открытости опыту или поощряют ее, в конце концов привлекут людей, ищущих среду, где они могут спокойно самовыражаться как им угодно» [Флорида, 2014, с. 201].

Материалы и методы

В данной статье речь пойдет о Самаре, а точнее – ее историческом центре.

Самара ведет свою историю с 1586 г., когда по приказу царя Федора Иоанновича воеводой князем Григорием Осиповичем Засекиным была построена самарская крепость. В 2024 г. Самаре исполняется 438 лет. В конце XIX в. Самара стала одним из крупнейших центров торговли, «хлебной пристанью России», была зажиточным купеческим городом, о чем осталось много свидетельств. Во время Великой Отечественной войны Самара (в то время Куйбышев) стал «запасной столицей» страны. Сейчас это крупный промышленный центр, космическая столица России. Как и в любом городе с богатой историей, концентрация исторической памяти, идентичностей и смыслов приходится на исторический центр. Центр Самары богат архитектурой эпохи модерна и конструктивизма, сохранились образцы уникальной самарской деревянной резьбы, особенная конструкция самарских дворики привлекает интерес исследователей и туристов.

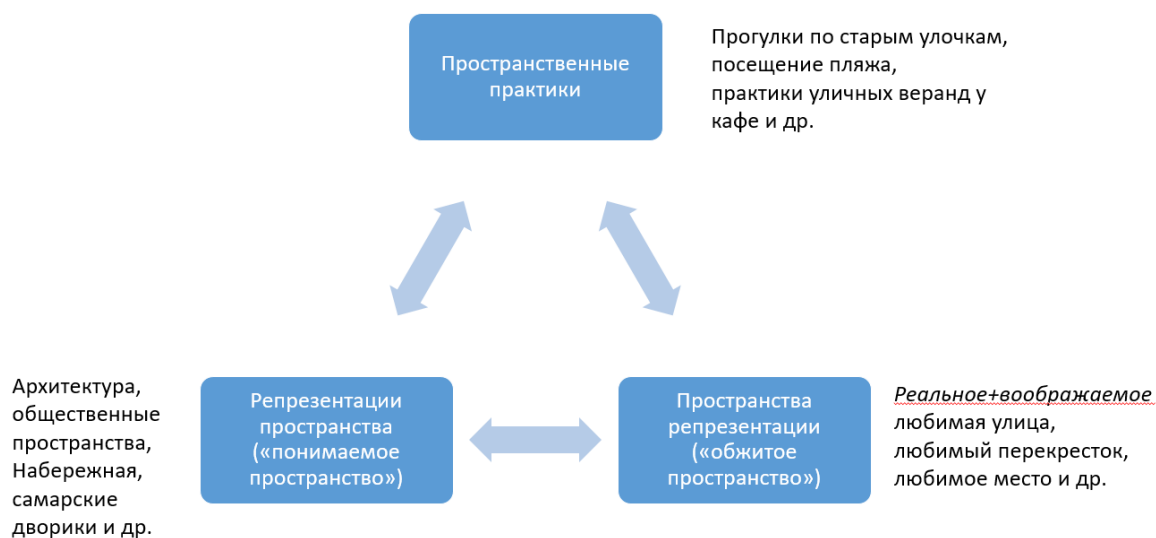
Несколько лет назад в целях сохранения исторический центр Самары был наделен статусом исторического поселения, который подразумевает дополнительные ограничения по осуществлению различных видов деятельности на данной территории, в первую очередь, ограничения по застройке. Среди жителей, экспертов, представителей науки и средств массовой информации идут дискуссии на тему целесообразности такого решения и выбора механизмов дальнейшей реализации этой концепции.

Именно поэтому целью исследования стало выявление ценностного каркаса отношения жителей исторического центра Самары к территории своего проживания: почему их жизненный выбор сложился так, что они живут именно в историческом центре? Какая система ценностей отвечает этому выбору? В чем жители видят проблемы и дальнейшие пути развития территории? Почему жилье и земля в центре стоят дороже? Почему многие люди стремятся жить и работать именно на этой территории? В чем заключается феномен центральных районов городов?

Эти вопросы одновременно являются задачами исследования, ответы на них появляются в ходе анализа собранных эмпирических данных.

В качестве методологической базы исследования была выбрана пространственная триада А. Лефевра. Если спроецировать предлагаемую модель изучения пространства на выбранный контекст, отчетливо прослеживаются все три составляющие триады.

Рис. 1. Пространственная триада А. Лефевра

В контексте нашего исследования архитектура, благоустроенные пространства, Набережная, нарезка улиц и др.; соответствуют «репрезентациям пространства» по А. Лефевру. «Пространствами репрезентаций» можно назвать те улицы и места, которые респонденты выделяют в своей риторике как любимые, памятные, связывают с ними какие-то истории и рассказы, эмоционально окрашивают; «Пространственные практики» – это прогулки, посещение пляжа, практики работы бизнеса и власти на территории исторического центра и другие виды деятельности, о которых сообщают нам информанты.

Дизайн исследования предполагал использование качественной методологии путем проведения серии глубинных интервью. Автором было проведено десять глубинных интервью с резидентами исторической части Самары. Информанты подбирались с применением метода снежного кома из разных микрорайонов исторического центра города, чтобы обеспечить наибольшую пространственную представленность получаемых эмпирических данных на изучаемой террито-

рии. Вторым критерием отбора было условие, чтобы информанты были разного пола, возраста и рода занятий.

Кроме того, в рамках апробации инструментария была также проведена серия интервью с нерезидентами исторического центра Самары, которая показала разность взглядов жителей центральных районов города по отношению к жителям остальных районов.

Все интервью проводились в рамках очных встреч или онлайн-бесед и записывались на диктофон. Кодирование и аналитическая обработка транскриптов интервью проводилась с помощью программного обеспечения MAXQDA.

Результаты исследования

После проведения первых интервью стало понятно, что отношение к ценности исторического центра сильно разнится у тех людей, которые в нем живут или работают, и жителей остальных районов города. Уже первые беседы с нерезидентами показали, что жители окраинных районов не видят особого смысла в сохранении деревянных домов в центре, довольно редко его посещают, могут годами обходиться без посещения музеев и театров, значительно меньше знают историю города и не разбираются в особенностях архитектуры. Среди них звучат предложения, что лучше всю эту «рухлядь» снести и застроить заново современными объектами.

Резиденты исторического центра	Нерезиденты – жители других районов города
<ul style="list-style-type: none"> • Осознанное, сформированное отношение к историко-культурному наследию Самары • Понимание ценности территории по отношению к другим районам • Охотно размышляют и формулируют свои мысли на тему идентификации себя как жителя исторического центра • Проявляют большее знание краеведческой информации и стремления узнать больше о своем городе • Сквозит чувство любви и гордости принадлежности к Самаре	<ul style="list-style-type: none"> • Не видят особого смысла в сохранении деревянных домов в центре • Довольно редко посещают центр, могут годами обходиться без музеев и театров • Не разбираются в особенностях архитектуры • Звучат предложения, что лучше эту «рухлядь снести» и застроить заново современными объектами • Испытывают чувство безразличия к старым разрушающимся домам, считают это неоправданным • Чаще жалуются на плохое благоустройство и городскую среду

Рис. 2. Разность взглядов резидентов и нерезидентов исторического центра

Резиденты же исторического центра обладают совершенно осознанным, сформированным отношением к историко-культурному наследию Самары, понимают ценность территории, на которой проживают, по отношению к другим районам города, с большой теплотой и охотой рассу-

дают на темы идентификации себя как жителей исторического центра, проявляют большее знание краеведческой информации и стремление узнавать еще больше о своем городе. У всех моих собеседников из числа резидентов сквозит чувство любви и гордости принадлежности к Самаре, восприятия ее как «дома», ощущение межпоколенной связи и особого «уклада» самарских исторических кварталов. Это хорошо видно из рисунка 2, где показана разность отношения к ценности исторического центра у резидентов и нерезидентов.

Ценности и идентичности. Практически все информанты-резиденты начинают свои нарративы с того, что Самара, ее центр представляют из себя уникальный образ. Они объясняют это природными предпосылками, расположением в стрелке двух рек, особенностью истории, сочетанием доступности природы и современной инфраструктуры развлечений.

В этом смысле у Самары есть свой образ, свой лик, свое ощущение. Оно уникально в том, что, например, летом ты внутри города, ты можешь искупаться на Волге и даже переплыть на другую дикую часть его и смотреть оттуда на этот мегаполис... Тут же ты можешь подняться по множеству спусков и прогуляться, посмотреть достопримечательности, попасть в рестораны, уютные кофейни и вечером вообще окультуриться в каком-нибудь музее или театре. Вот эта связь природы и культуры возможностей с удовольствием и наслаждением, что важно для человека постиндустриального, что не просто гулять среди многоэтажек или среди деревьев березок, важно для него получать удовольствие от того, что он видит вокруг. Вот это вот все просто очень плотно уместилось здесь в Самаре в каком-то вот ощущении, то, что местные называют «волжским гедонизмом», ну что вот А.К. сказал, это «жизнь на большой реке». Действительно, она – жизнь¹. (Житель улицы Буянова).

Образ исторического центра его резиденты часто ассоциируют с домом, уютом, особым укладом. Очень тепло вспоминают о своем детстве, если оно прошло в «старом городе». С точки зрения триады Лефевра, сильной доминантой являются «обжитые пространства», любимые улицы, уголки, скверики, районы исторического центра. С ними связаны теплые воспоминания, традиции, семейные истории, ощущения, которые живут в душе и к которым приятно возвращаться.

... как говорят психологи, есть квартиры, есть дома... То есть одно и то же пространство, одно и то же помещение, в котором мы живем, оно может восприниматься как квартира, т.е. как что-то временное, во что ты не погружен. А может восприниматься как дом. И абсолютно не важно, что это – на 100 квадратов, на 200 квадратов... Так вот на Буянова это был дом во всех смыслах этого слова. Это было очень такое для меня теплое, душевное и абсолютно символическое пространство, потому что в этом доме еще жили мои бабка и прадед. И была

¹ Здесь и далее приводятся дословные цитаты информантов, передающие их живую речь.

такая драматическая история их любви. (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает на улице Садовой).

Ну, дело в том, что я родилась в районе Самарской площади и всю жизнь там живу. И для меня центр города – это не просто географическая точка на карте нашего города, это в прямом смысле слова мой дом. То есть понятие дома я рассматриваю шире, чем нежели квартира... (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает в районе Самарской площади).

Таким образом, информанты выражают приверженность к территории исторического центра как к дому в его расширенном понимании.

Еще один образ, с которым связывают жители историческую Самару, – образ матери. В нарративах самарцев часто встречается выражение «Волга-матушка». Эта ассоциация активно культивируется среди жителей.

Может быть, где-то когда-то в молодости у меня были мысли и даже возможности уехать в Москву и не только в Москву, но и за рубеж. Но сейчас я думаю, как здорово, что я этого не сделала на самом деле. Потому что какая бы ни была Самара не совершенная, да? Но для меня это, как родная мать. Не выбирают, а любят и не предают. Вот что самое главное! (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает в районе Самарской площади).

Уклад – это не только здания. Уклад – это люди, традиции семьи, двора, сообщества. Одна из информанток очень ярко подчеркивает эту идентичность самарского исторического центра:

... это уклад, это уникальный уклад, которого сейчас очень мало. И вот этот уклад – что это такое? Это уклад двора. Это свое комьюнити, это свои правила, это свой мир. ... Еще несколько лет назад я шла по Буянова, когда вечером возвращалась с работы после магистрантов, и т.е. вот они дворы, и перед дворами сидят люди. Женщины, как правило, бабушки, мужчины. Общаются, разговаривают, во дворах носятся дети... То есть вот этот как бы такой общий мир для людей разного возраста. (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает на улице Садовой).

На Ленинградской долгое время, было интересно смотреть на это. ... справа вот эти бабушки в домашнем, причем это же дом, и вот этот двор это дом, и улица перед домом дом, т.е. они в халатах, в тапочках, так уютно... То есть это вот такой уклад. (Она же).

Еще одной важной чертой самарского центра является его эклектичность наряду с гармоничностью. Информанты отмечают эклектику в архитектуре, в городской среде, объясняют ее связью времен и поколений. Вместе с тем отрицательный характер их высказываний касается контраста любых зданий с современной застройкой. В негативной коннотации, как правило, упоминается современная архитектура, подчеркивается сожаление, что старые дома утрачиваются, а новые не привлекают своим внешним видом и не вносят свой вклад в архитектурное наследие.

Если говорить в терминологии пространственной триады Лефевра, информанты по-разному относятся к репрезентации пространства в разных временных отрезках. «Понимаемое пространство» прежних периодов представляется им гармоничным, современные же репрезентации приживаются тяжелее.

...каждый город, в котором вы бываете, он уникален своей архитектурой, которая является результатом того, что тут с самого начала люди строят, и их устройство города представляет их мысли о том, как должна быть устроена жизнь... Меняются эпохи, меняются представления людей о том, как нужно жить, как вести быт, куда ходить развлекаться и так далее, и меняются города. И при этом старое сохраняется, новое добавляется. И вот точно Самара укладывается в мое видение, как должен быть устроен город. И то, что он сейчас достаточно эклектичен, особенно центр города, и развалины, можно сказать, еще царского режима деревянные домики, и красивые особняки того же времени, и попытки советского времени вкряпнуть туда новые постройки, причем достаточно удачные, на мой взгляд, в большинстве случаев, и, наверное, не очень удачные современные высотки стеклянные. Это настолько, мне кажется, делает уникальным наш город, что сохранять его однозначно нужно. (Жительница улицы Ленинградской).

Информанты выделяют коммерциализацию городских отношений как фактор, негативно влияющий на архитектурный облик города и препятствующий его гармоничному развитию.

... когда я вижу, как строят и какая архитектура... Я где-то прочитала выражение «архитектурные ублюдки». Это звучит грубо, но справедливо. Вот именно так сегодня застраивается центр города. Это архитектурные ублюдки, которые не имеют ни эстетической ценности, которые совершенно не улучшают облик города, а, наоборот, его разрушают. Это такая, знаете, архитектурная агрессия – я бы так даже это назвала. Архитектурная агрессия, стремление выжать максимум прибыли, а дальше хоть трава не расти. (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает в районе Самарской площади).

Жители убеждены, что особый колорит старой Самары связан с деревянными домами. Другими особенностями архитектуры и в целом построения пространства исторического центра являются усадебная застройка, уникальная самарская нарезка улиц, самарские дворики, особняки модерна. Жители выступают за сохранение этих идентичностей, их воспроизводство и допускают только контекстную, средовую застройку, которая не будет нарушать существующий ландшафт.

... важно сохранять историческую квартальную сетку, систему подворий... Вторая ценность – это сохраненная во многих местах усадебная застройка. Дворы, которые представляют собой просто бесконечную Вселенную. Сколько по ним не ходи, все время какие-то новые найдутся. Потому что они исчисляются, я не знаю, тысячами. (Житель улицы Степана Разина).

Отношение к новой застройке разное – от «запретить совсем», до «строить, соблюдая масштаб». Но подавляющее число информантов понимают, что сохранение домов в центре без нового строительства – это утопия. Поэтому готовы поддержать строительство новых зданий, вписанных в контекст среды при наличии четких регламентов.

Вместе с тем жители убеждены, что застройщики новых домов в центре ориентированы на сверхвыгоду, а не на сохранение идентичности городской среды. В связи с этим звучат негативные оценки современных зданий, осуждается высотная этажность, которая приводит к утере атмосферы улиц, их освещенности и ощущения простора.

Я, конечно, понимаю неотвратимость прогресса, развития и так далее, но я всегда вспоминаю детство, когда ты выходил на улицу, и вот эти маленькие домики, и ты видишь небо над собой. Ты видишь простор, какое-то пространство. (Жительница исторического центра Самары с детства, сейчас проживает в районе Самарской площади).

На мой взгляд, это не должна быть псевдоисторическая застройка, хотя многим кажется, что, если ты построишь сейчас здание в стиле конца 19-го, начала 20-го века, это хорошо. Нет, это плохо. Потому что любой период, любое время характерно своим стилем. Строить современное здание, это не значит строить плохо. Современная архитектура, она вообще хорошая. Она, наоборот, может служить очень хорошим фоном для исторической застройки. Другое дело масштаб. Вот тут я сторонник жестких мер, потому что сама масштабность и человечность исторической среды, она должна быть в приоритете. Если ее соблюдать, то архитектура новых зданий может быть какая угодно. (Житель улицы Самарской).

... в этих кварталах можно было бы какую-то небольшую застройку еще интегрировать. И это положительно бы сказалось, наверное, на всей экономике кварталов тех же самых... Я как бы не противник нового строительства, но важно сохранять ритмику и этажность, чтобы вот это многообразие среды оно поддерживалось таким образом... (Житель улицы Алексея Толстого).

Все респонденты подчеркивают, что исторический центр должен быть жилым. Он не должен превращаться в музей или территорию, которую накрывает джентрификация. Центр должен быть доступен людям разного достатка, резидентам и нет, иногородним туристам и иностранцам. Только за счет многообразия своих функций и своих пользователей центр будет оставаться центром и продолжит свое развитие.

Одним из основных источников энергии для дальнейшей жизни и обновления является бизнес. В центре находятся офисы компаний, административные здания, большое количество предприятий общепита, сферы услуг, магазинов. Передача домов в аренду или владение бизнесу – один из основных приемов, используемых сейчас в городах для поддержки и обновления старых зданий. Жители самарского исторического центра положительно относятся к такой практике, понимают, что восстановить исторические здания за бюджетный счет невозможно.

...пошла мода на историческую недвижимость, и сейчас много людей, частников, которые стали покупать исторические дома и хотят покупать исторические дома и открывать в них бизнес. И можно на самом деле привести не один пример, ... а достаточно много. Вот и это хорошо. (Жительница улицы Фрунзе).

Самое главное это привлечение бизнеса и новых жильцов старого города. А их в общем-то достаточно. Желающих достаточно сейчас жить в центре города, но в комфортной среде. Поэтому нужны программы, которые могли бы давать новую кровь, новую жизнь этим кварталам за счет проектных команд, которые могли бы работать с целыми кварталами, либо привлекать сюда инвестиции, жильцов, но все это опять же должно все равно увязываться с общими программами муниципальными. Это касается сетей, это касается всей инфраструктуры.. Это все должно быть увязано в единую систему. (Житель улицы Алексея Толстого).

Таким образом, жители исторического центра в своих нарративах эмоционально подчеркивают важность сохранения целостности исторической среды, но при этом отдают себе отчет в том, что вряд ли это удастся реализовать в полной мере, сожалеют на этот счет и возлагают надежды на инвесторов и власть, выражая при этом значительную долю скепсиса.

Город для людей. Зачастую информанты подчеркивают ценность жизни в исторической среде сравнением с другими районами города или конкретными улицами. Отмечают при этом чувство безопасности, которое они испытывают, когда находятся у себя дома.

... я выросла в Юнгородке, на улице Железной дивизии, можно погулять, увидеть советский брутализм, это страшное и некомфортное место. ... я понимаю, что когда я вечером иду по темной улице в историческом центре, мне не страшно, ... я, конечно, об этом не думаю, не рефлексирую постоянно, но это на уровне какого-то дорефлексивного опыта срабатывает. Я понимаю, что там я более защищена, даже тем, что тебя эти маленькие домики «обнимают», когда ты ходишь. А не когда ты идешь по Железной дивизии, у тебя вот эти вот высотки, от которых ты можешь ждать всего, чего угодно. (Жительница улицы Самарской).

Здесь действительно безопасно. Я к другу в Южную Африку летал. Это ЮАР, развитая страна, некогда одна из самых развивающихся экономик была, и у нее такой сильный контраст: это красота и опасность. Потому что после заката находиться в общественных местах буквально опасно – тебя могут ограбить. И я хочу сказать, что это то, что мы можем ценить. Потому что мы можем выйти в любое время дня и ночи без всего и пойти прогуляться по набережной. (Житель улицы Буянова).

Многие информанты отмечают пешеходную связность и плотность среды, которая дает простор для разнообразных прогулок.

... это место, где ты можешь пойти гулять в любом направлении. Однажды я вышла за хлебом, и ноги унесли меня на Набережную, в Струковский парк... (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает на улице Садовой).

... гуляем по Набережной, мы практически на ней живем. Мы, конечно, ходим на пляж, мы ходим в Струковский парк, иногда там бывают какие-то мероприятия интересные, мы их посещаем. Мы гуляем по всем улочкам центра вдоль Самарки и туда, в начало всех улиц. Потому что это действительно такие атмосферные, как Вы выразились, территории, кварталчики, и нам это нравится. (Жительница ул. Ленинградской).

Информанты часто идентифицируют себя беньяминовскими фланерами [Беньямин, 2015], которые неспешно гуляют по улочкам центра, наблюдают за жизнью туристов, рефлексировать увиденное. Такие пространственные практики характерны для центра города. Они отличаются от практик в других районах, особенно промышленных, где люди воспринимают поход до магазина или до остановки общественного транспорта как действие, которое необходимо выполнить как можно быстрее, не получая при этом отдельного удовольствия.

... здесь ходят люди из разных городов, мест и стран. Вон у меня под боком гостиница, где все время меняются обитатели из разных стран, интересно за ними наблюдать, что они делают в наших городах. Они иногда обращаются с вопросами, из этих вопросов я понимаю, что им интересно, зачем они сюда приезжают. Складывается некоторое впечатление, а зачем нужен наш город для других. (Жительница улицы Ленинградской).

Резиденты исторического центра уверены, что необходимо сохранять память не только материальную, но и нематериальную – память об их поступках, об их жизни, о событиях, которые меняют город. Отчасти в этом помогают материальные репрезентации пространства – памятники, стелы, музеи, но другая часть сохраняется в текстах, топонимике, иных символах. И все они важны.

Туризм также хорошо воспринимается резидентами исторического центра. Все они с интересом общаются с гостями, когда представляется случай, испытывают чувство гордости за свой город. Многие отмечают, что туризм в Самаре еще не раскрыл свой потенциал, но замечают положительные тенденции в последнее время. С теплотой вспоминают период Чемпионата мира по футболу 2018 года. Это также пространственная практика, характерная для жителей центра.

Я в какой-то момент поймала себя на мысли, что я для них декорация. Я декорация курортного города, потому что они приехали, выгружаются с чемоданами, а я тут иду в платье летящем, и это все так здорово. Это, в принципе, позитивно воспринимается. (Жительница улицы Самарской).

Положительно к туризму отношусь, потому что это такой же драйвер, такое же привлечение финансов, и интереса, и жизни. Есть целые города, которые живут только за счет туризма. А у нас здесь еще поле не паханое. Радует, в последнее время разнообразие экскурсионных

программ и что и внутренний туризм, даже просто внутригородской туризм развивается. (Житель улицы Алексея Толстого)

Мне кажется, он (туризм) растет сам собой. То есть уже, наверное, что-то началось и просто надо не мешать этому. (Житель улицы Степана Разина)

Информанты отмечают работу муниципалитета в последние годы в части благоустройства, положительно оценивают обновление скверов, говорят, что многое делается, и это видно. Вместе с тем высказываются отдельные замечания к качеству работ, содержанию газонов, укладке плитки, звучат мнения о недостаточности небольших сквериков и малых архитектурных форм, где можно было бы присесть и отдохнуть во время пеших прогулок по центру. Отмечают важность драйверов места и учета истории территории и ее идентичностей при разработке проектов благоустройства, использования комплексного подхода.

... сквер Аксаковых идет как бы в связке с двориком «Уайт Кап»¹, с двориком музея модерна, потому что это уже такой некий кластер образовывается, некий культурный кластер. Да он просто социально начинает по-другому себя вести. (Житель улицы Алексея Толстого).

... в центре, например, если ты идешь по Садовой, то тебе элементарно негде посидеть. (Жительница улицы Самарской).

Отрицательную реакцию вызывает отсутствие организованных парковочных пространств. Жители высказываются положительно в отношении введения платных парковок, подчеркивая, что эта мера поможет отрегулировать процессы пользования личным автомобильным транспортом, и высказывают готовность оплачивать парковку по разумным ценам в противовес штрафам за эвакуацию автомобилей, которые в разы выше.

У меня машину эвакуируют по 4 раза в год. Эта штука расстраивает. А глобально, конечно, не хватает парковки и регулирования. Я за платные парковки, чтобы это работало не как наказание, а как возможность. Это вообще неразумно пить кофе и дергаться из-за того, где твоя машина. (Житель улицы Буянова).

Говоря о культурной жизни исторического центра, информанты отмечают ее насыщенность, доступность учреждений культуры и искусства, подчеркивают, что не испытывают дефицита мероприятий при выборе, куда пойти. Вместе с тем отмечают, что массовых мероприятий достаточно, а хотелось бы больше небольших фестивалей, связанных именно с Самарой, которые будут ассоциироваться только с нашим городом и привлекать гостей из других регионов.

... я не люблю многолюдные мероприятия, а всякие концерты, кинофильмы мы посещаем, дефицита не ощущаем. (Жительница улицы Ленинградской).

---

¹ Кофейня в Самаре на территории музея Модерна, недалеко от сквера Аксаковых

... хожу везде всегда и много, скажем так. И на премьеры, и на приезжих гастролеров, и в наши театры. ... Что касается культурной жизни центра города, она бьет ключом, и иногда даже чрезмерно. (Жительница исторического центра с детства, сейчас проживает в районе Самарской площади).

Многие посещают театры, отмечая, что они находятся в шаговой доступности, причем спектакли как местных, так и гастрوليрующих коллективов. Резиденты исторического центра ходят в кинотеатр «Художественный» – старейший кинотеатр города по-прежнему востребован.

Одной из главных проблем исторического центра является старость сети коммуникаций. Жители понимают масштаб проблемы, осознают высокую стоимость обновления сетей и рассчитывают в этом вопросе на государственные программы. Перекладка сетей помогла бы и развитию бизнеса в исторических зданиях.

Резиденты исторических кварталов несут издержки при проведении крупных мероприятий в центре города, связанных с перекрытием улиц, высказывают просьбы оптимизировать эти процессы. Также жители центра отмечают недостаток ритейла.

Почему я тут живу? На заключительный вопрос «почему Вы живете в историческом центре?» в финале разговора информанты, как правило, дают очень эмоциональные ответы, которые показывают, что резиденты этой территории уже рефлексировали на данную тему, имеют сформированную позицию и не стремятся менять место жительства, активно пользуясь теми благами, которые им доступны.

Среди основных плюсов жизни в центре они отмечают пешеходную доступность и связность всех мест, которые нужны для жизнедеятельности, совмещенную с эстетическим удовольствием при передвижении по центру, его многофункциональность, хорошие возможности как для решения деловых вопросов, так и для отдыха, отсутствие переездов с места на место в течение дня, траты времени на дорогу. Ярким достоинством жизни в историческом центре является близость Волги, которая добавляет ему функциональности, – это и пляж, и прогулки, и доступ к речному транспорту, и возможность быстро оказаться в рекреационной зоне на другом берегу Волги.

Одним из ключевых моментов является выделяемый информантами ритм или темп жизни в историческом центре. Он, как правило, характеризуется меньшей суетливостью, экономией времени, неспешными переключениями с работы на отдых и обратно. Это достигается за счет компактности улиц, их функциональной наполненности и гармоничности среды.

Все собеседники выражают любовь к центру Самары, в их нарративах можно заметить идею «особости» или «инаковости» по отношению к жителям других районов города, чувство гордости за счет обладания теми ценностями городской среды, которые у них есть.

Выводы

Основной вывод, который сделан на данном этапе исследования, заключается в том, что каждый, кто однажды воспринял красоту, уникальность, непередаваемые ощущения и особые возможности, которые дает исторический центр Самары своему пользователю, как правило, не готов в дальнейшем от этого отказаться. Если речь, конечно, не идет о переезде по тем или иным причинам в другой город, в том числе столичный, и человек нацелен и дальше жить в Самарском регионе.

С точки зрения пространственной триады Лефевра отчетливо видно, что пространственные практики являются связующим элементом между репрезентацией пространства («понимаемым пространством») и пространствами репрезентации («обжитыми пространствами»). За счет пережитого опыта и ярких событий реальное сочетается с воображаемым в мыслях людей, благодаря чему у них появляются ощущения и ассоциации, которые вновь и вновь возникают в связи с той или иной территорией. Таким образом, у пространства появляются некие нематериальные характеристики. Как отметила в интервью одна из информанток, «потому что дом – это, прежде всего, душа».

Гипотеза о кластеризации людей, ресурсов и возможностей в ядре города также подтверждается по итогам исследования. Большинство информантов указывают на multifunctionality, насыщенность, плотность исторического центра по самым разным показателям. Стремление жить и работать здесь – это стремление достичь большего, быть успешным, попробовать свои силы и реализовать свои инициативы. На это способен не каждый индивид, но тот, кто смог, тот внес свой вклад в производство пространства исторического центра, в данном случае Самары, и оно ему за это «отплатит» в виде ресурсов и возможностей, которые получит этот человек в дальнейшем.

Прохладное отношение жителей других районов к достопримечательностям центра, непонимание ценности исторической среды подтверждает утверждение Флориды о том, что разные типы мест подходят разным типам людей. Не всем хочется и нравится жить в историческом центре. Многие чувствуют себя прекрасно на Безымянке или на Металлурге (исторически сложившиеся разговорные названия отдельных территорий города) и никуда не стремятся переезжать.

Лефевр верил, что, изменив пространство, можно изменить жизнь. Утверждал, что противоречия социального порядка видны через противоречия пространства. И в результатах исследования это прослеживается. Исторический центр Самары, жители которого понимают его, ценят и хотят сохранить, считая своим «обжитым пространством», с одной стороны, интересы бизнес-сообщества, которое стремится извлекать выгоду из строительства как можно более высотных зданий на дорогой земле исторического центра, с другой стороны, мнение другой части жителей о том, что не нужно цепляться за эти старые дома, нужно их снести и обновить застройку, – все эти точки зрения существуют одновременно. Это лишь одно из противоречий, которое можно назвать,

анализируя полученные в ходе бесед с информантами эмпирические данные, но на сегодняшний день оно, пожалуй, одно из самых наглядных.

Список литературы

1. Бедаш Ю.А. Концепция социального пространства Анри Лефевра // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). – 2012. – № 11 (126). – С. 219–224.
2. Беньямин В. Бодлер. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 224 с.
3. Джейкобс Д. Экономика городов. – Новосибирск: Культурное наследие, 2008. – 294 с.
4. Лефевр А. Производство пространства: пер. с фр. – Москва: Strelka Press, 2015. – 432 с.
5. Парк Р. Город как социальная лаборатория / пер. с англ. С.П. Баньковской // Социологическое обозрение. – 2002. – Том 2, № 3. – С. 3–12.
6. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства: пер. с англ. – Москва: Strelka Press, 2014. – 368 с.

WHY DO I LIVE HERE? THE HISTORICAL CENTER OF SAMARA THROUGH THE EYES OF A RESIDENT

Elena Ryzhkova

Master's program student in the Department of Political and Regional Processes, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev (Samara, Russian Federation);
ea.ryzhkova@ya.ru

Abstract. *This paper presents the results of a qualitative sociological study conducted in the Samara urban district. Samara city center is of historical and cultural value; several years ago it was given the status of a historical settlement.*

The purpose of the study was to identify the value backbone of the attitude of residents of the historical center of Samara to the territory of their residence.

An attempt has been made to comprehend the formation and perception by residents of historical quarters of the value of the place through the spatial triad of Henri Lefebvre. When explaining the phenomenon of the high potential of the historical city center in relation to other areas, Robert Lucas' clustering theory was used. The hypothesis about the clustering of people, resources and opportunities in the city core is proven based on the obtained empirical data. With reference to Richard Florida's book, the thesis that different places are suitable for different people is tentatively confirmed.

Keywords: *urban sociology; historical and cultural environment; historical center of Samara; identity of space; value of space; perception of the historical center; perception of the historical environment by townspeople; choice of location.*

For citation: Ryzhkova E. Why do i live here? The historical center of samara through the eyes of a resident // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 3. – P. 108–123.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.08

УДК: 316.7

ГОРОДСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ТУРИСТИЧЕСКАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ УРБАНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Двойнев Василий Владиславович

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета, Смоленск, Россия; vassilidvoinev@yandex.ru

Аннотация. *Статья посвящена проблемам развития туристической инфраструктуры в историческом центре Смоленска, одного из древнейших городов России, который обладает богатым культурным наследием. Город насчитывает несколько сотен объектов культурного наследия, созданных в разные эпохи и представляющих интерес для туристов. Несмотря на активные низовые инициативы городских сообществ, в Смоленске отсутствует целостное видение развития городской среды и стратегии туристического потенциала. Основная проблема урбанистического пространства Смоленска заключается в дефиците комфортной и информативной среды для жителей и гостей города. В статье представлены результаты социологического исследования, направленного на выявление проблем и возможностей развития туристической инфраструктуры центральной части Смоленска. Основные результаты исследования включают определение социального портрета типичного туриста, ассоциации, которые возникают у жителей и гостей города при упоминании Смоленска, сценарии поведения туристов и выявленные проблемные зоны в туристических маршрутах по городу. Рекомендации по улучшению туристической привлекательности Смоленска могут быть использованы для разработки стратегии развития города.*

Ключевые слова: *городское пространство; исторический центр; туристическая инфраструктура; городская идентичность; социологические исследования.*

Для цитирования: Двойнев В.В. Городская идентичность и туристическая привлекательность урбанистического пространства: опыт социологического исследования // Социальные новации и социальные науки. – 2024. – № 3. – С. 124–135.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.09

Рукопись поступила: 01.06.2024

Принята к печати: 19.08.2024

Введение

Смоленск, расположенный на западе Российской Федерации, является одним из древнейших городов страны, в котором сохранилось множество исторических объектов и богатое культурное наследие. В городе насчитывается около 400 историко-культурных достопримечательностей, относящихся к различным периодам отечественной истории, что позволяет развивать его туристический потенциал. Смоленск предлагает туристам многочисленные возможности познакомиться с богатейшей историей города. Однако, несмотря на активные инициативы городских сообществ, в городе до сих пор отсутствует целостное видение развития городской среды и стратегии развития туризма. Основной и требующей пристального внимания проблемой остается недостаточная комфортность и информативность городской среды как для туристов, так и для самих смолян. Многие туристические маршруты страдают от нехватки инфраструктуры, отсутствия навигации и информационных материалов. Городская идентичность и уникальное предложение для туристов не сформированы, при наличии для этого всех предпосылок. Данная ситуация препятствует продвижению Смоленска как одного из интереснейших и увлекательных туристических направлений.

Современная социология города может предоставить достаточно серьезную теоретико-методологическую основу для разработки успешной стратегии развития туристического потенциала городов. Многие отечественные и зарубежные социологи, культурологи и искусствоведы изучают и анализируют процессы развития городских пространств [Кастельс, 2000; Лефевр, 2015], туристические практики в городах [Макканнелл, 2016; Урри, 2012], влияние историко-культурного наследия на развитие туризма [Харви, 2021; Полякова, 2017], феномены городской идентичности [Линч, 1982; Радина, 2015; Hall, 1990], трансформации туристических зон в городах [Florida, 2019; Егоров, Двойнев, Сухова, 2017].

В качестве базы для эмпирического изучения городской идентичности большой интерес представляют исследования, в которых городская идентичность определяется как совокупность аутентичных и уникальных характеристик, которые делают конкретный город непохожим на другие города, и одновременно – как процесс и результат восприятия индивидом города в качестве особого, неповторимого (индивидуального) физического, символического и социального пространства [Nientied, 2018; Cheshmehzangi, 2015].

Исследователи городской идентичности разработали несколько типологий данного феномена [Cheshmehzangi, 2015; Hay, 1998]. В контексте проведенного исследования наиболее релевантным подходом представляется выделение таких типов городской идентичности, как рациональный и эмоциональный [Rollero, De Piccoli, 2010].

Рациональный тип городской идентичности подразумевает привязанность к городу, которая основывается на логике и здравом смысле. Исходя из своего опыта взаимодействия с городским пространством индивид оценивает качество благоустройства, удобство и выгодность географического положения, экономические условия, цены на жилую недвижимость, уровень развития инфраструктуры в городе и т.п. Эмоциональный тип городской идентичности представляет собой воплощение чувственного восприятия города. Важной составляющей данного типа городской идентичности является время. Оно образует взаимосвязь индивида с местом (городом), в котором он пребывает или проживает. Находясь в городской среде, индивид ощущает свою связь с ней через свое отношение к городскому социуму, близким людям старшего и младшего поколений, а также через взаимодействие с другими горожанами, которые играют значимую роль в его жизни в данном городе.

На основе таких когнитивных и аффективных оценок в сознании индивидов возникает представление о своей причастности и привязанности к городу, они начинают воспринимать город как «свой» или «чужой», и у них складывается определенный образ города. Основываясь на описаниях типов, можно предположить, что у приезжих, туристов, людей, которые недавно переехали в город, первоначально может сформироваться рациональный тип городской идентичности, поскольку они в первую очередь оценивают его по критериям функциональности, экономической успешности и удобства.

Для формирования эмоционального типа городской идентичности им будет не хватать опыта взаимодействия и долговременных связей с другими людьми из этого города. Такой тип городской идентичности может быть характерен именно для коренных жителей города, которые воспринимают его как место, где жили их предки, как свою малую родину и в меньшей степени обращают внимание на утилитарные качества городского пространства. С другой стороны, следует учитывать, что деление городской идентичности на рациональную и эмоциональную носит идеально-типический характер. Оно является теоретическим подходом, который позволяет наблюдать и объяснять феномен городской идентичности, однако в реальной жизни у индивидов могут сформироваться оба типа.

Исследование, представленное в настоящей статье, позволило получить оценки его участников актуального состояния городского и, в частности, публичного пространства Смоленска и сделать выводы об образе города и городской идентичности, которые сформировались у коренных жителей и туристов. Эти данные позволяют проектировать пространство центральной части города с учетом мнений и пожеланий различных социальных групп, предлагать ответственным структурам муниципальной власти социологическую информацию для принятия управленческих решений в сфере благоустройства и повышения туристической привлекательности городской среды Смоленска.

Методика и материалы исследования

Целью проведенного социологического исследования является определение основных проблем и возможностей развития для туристической инфраструктуры в историческом центре Смоленска, а также формулировка рекомендаций для улучшения туристической привлекательности города. В исследовании были реализованы следующие задачи: а) определить социальный портрет туристов, посещающих город; б) собрать данные об ассоциациях со Смоленском и его историческим центром; в) установить наиболее популярные сценарии поведения туристов в историческом центре; г) установить основные ориентиры и точки притяжения; д) выявить слепые зоны и проблемные участки городской ткани; е) определить востребованные элементы инфраструктуры и выявить, чего не хватает для развития туризма.

Исследование проводилось в рамках качественной методологии, в духе стратегии кейс-стади, поскольку в качестве объекта исследования выступает городская среда конкретного города. Для достижения поставленных цели и задач был использован метод фокус-группы [Krueger, 2014; Morgan, 1997], поскольку он позволяет получить достоверные оценки, не прибегая к массовым репрезентативным опросам, и сделать достаточно глубокие выводы по поставленным задачам.

Для проведения фокус-группы необходимо было привлечь участников, которые могут предоставить объективную и объемную информацию, опираясь на свой профессиональный и личный опыт взаимодействия с городским пространством, жителями и гостями города. В соответствии с тематической направленностью исследования участниками фокус-группы должны были стать люди, обладающие экспертным знанием в области туризма и развития туристического потенциала города: гиды-экскурсоводы, работники музеев, руководители автономных некоммерческих организаций, разрабатывающих проекты улучшения городской среды, представители городской администрации. Поиск и отбор участников исследования производился методом «снежного кома» в организациях и учреждениях города Смоленска. Таким образом, в исследовании приняли участие 12 представителей общественности Смоленска, чей род занятий соответствовал установленным программой исследования критериям отбора. Пол и возраст участников соотносится с половозрастной структурой населения города, а также с методологическими требованиями самого исследования (участниками фокус-группы стали молодые люди и люди среднего возраста, осуществляющие профессиональную или общественную деятельность по направлениям, значимым для достижения целей и задач исследования). Фокус-группа состоялась 21 апреля 2023 г. в креативном пространстве «Среда».

Для проведения фокус-группы в процессе подготовки исследования был разработан сценарий (гайд), в полном соответствии с которым она была проведена модератором. Закрывающийся в сценарии инструментарий исследования включал следующий перечень вопросов:

1. Какие ассоциации вызывает у вас Смоленск?

2. Что первое приходит в голову при упоминании исторического центра Смоленска?
3. Какие виды деятельности характерны для туристов в центре города?
4. Что обязательно должен сделать турист в Смоленске?
5. Какие инфраструктурные объекты популярны у туристов?
6. Каков типичный турист, посещающий Смоленск?
7. Какие места в центре города наиболее притягательны для жителей и гостей?
8. Существуют ли места, которые могут запутать туристов?
9. Каких объектов инфраструктуры не хватает для привлечения большего числа туристов?

Фокус-группа проходила в форме свободной беседы, где каждый участник имел возможность свободно высказываться и дискутировать друг с другом на темы и вопросы, предлагаемые модератором в рамках сценария и отведенного времени. Ответы и комментарии участников фиксировались на аудионосителе. После проведения фокус-группы полученные данные были подвергнуты расшифровке и транскрипции. Из транскрипта фокус-группы ответы были перенесены в специальную группировочную таблицу, структура которой позволяет получить полный обзор ответов и оценок участников исследования, а также сравнивать и анализировать их в русле методики качественного анализа документов. Вопросы были сформулированы таким образом, чтобы получить в качестве ответов наименования определенных объектов и / или характеристик, что упрощало процесс сравнения и анализа. Напротив каждого вопроса из сценария фокус-группы был размещен столбец для каждого участника, куда были введены их ответы. Пример структуры группировочной таблицы с фрагментами ответов участников фокус-группы представлен в табл. 1.

Таблица 1

Фрагмент группировочной таблицы с ответами участников фокус-группы.

Вопросы	Ответ участника № 1	Ответ участника № 2	Ответ участника № 3	Ответ участника № 4
<i>Какие конкретные инфраструктурные объекты центра Смоленска пользуются наибольшей популярностью у гостей города?</i>	Исторический музей	Кафе SURF	Русский двор	Кинотеатр «Смена»
<i>Каков, по вашему мнению, типичный турист, приезжающий в Смоленск? Постарайтесь создать его портрет, опираясь на ваш опыт работы или общения с туристами и туристическими группами в Смоленске.</i>	Транзит 45 плюс. Наверное походить, как раз чтобы на собор посмотреть. Возможно это те москвичи, которым наскучило гулять по парку и смотреть на лебедей, и они ходят в наш Лопатинский сад, и говорят: «Вау, лебедь плавает...»	Это все-таки будут более взрослые люди. Но не по той причине что, нам уже с 40 лет примерно хочется, когда, мы едем куда-то не просто там на дискотеку, а поехать осмысленно для того, чтобы увидеть что-то интересное и кроме какой то архитектуры. Так ты смотришь на место с точки зрения	Это действительно люди от 35. Как правило, это пары или друзья, которые выезжают по каким-то поводам. Очень приятно, когда выезжаешь отметить тридцатилетие совместной жизни. То есть эти люди самодостаточно финансово и профессионально.	Типичный турист в Смоленске для меня это знакомый друг, подруга, коллеги, какая-нибудь девушка, которые ничего не знают про Смоленск. Но за счет того что они вступают с тобой в контакт, они начинают говорить: «А ты в таком-то городе жи-

		культуры, с точки зрения истории, с точки зрения насыщенности, наполненности этого места, которое тебе дает не физическую нагрузку или расслабление, а дает работу ума и сердца, и едешь за чем-то таким. И, конечно, Смоленск в этом плане все это дает однозначно. Здесь это все можно найти в большом количестве. Поэтому, конечно, здесь люди более старшего возраста, разумного возраста, когда ты уже реально думаешь, начинаешь задумываться не только о противоположном поле и о своих гормонах, а о какой-то работе душевной.		вешь, оказыва-ется». И начинает раскручиваться тема, а потом: «А покажи этот город», и дальше уже идет самое интересное – то, что часть этого контингента не имеет никаких ожиданий вообще от Смоленска. Это не то что там с возвышенными какими-то ехать или с восторгом, они едут в неизвестность. Они едут к людям знакомым, к родственникам и открывают город для себя абсолютно с нулевой точки.
Какие элементы в центре Смоленска кажутся вам наиболее характерными для города, наиболее притягательными для его жителей и гостей?	Улица Дзержинского, там, где памятник Федору Коню, ближе к колесу обозрения, там есть участок, где люди собираются.	Аллея на улице Октябрьской революции.	Восточный участок крепостной стены.	Первая точка притяжения местных и иностранных туристов это торговый центр «Макси». Если наш контингент русскоязычный, то это улица Ленина.

Результаты и обсуждение

Результаты исследования сгруппированы по тематическим блокам согласно сценарию фокус-группы. Они представляют экспертные оценки и мнения участников исследования, на основании которых можно делать выводы о городской идентичности, а также о туристической привлекательности и проблемах городского пространства центральной части Смоленска

Смоленск: ассоциации. Среди ассоциаций, которые вызывает Смоленск, участники исследования в первую очередь упоминали Смоленскую крепостную стену и заслуги города перед страной в периоды войн. Город также ассоциируется у большинства участников исследования с зеленью, живописным и интересным с точки зрения географии и топографии ландшафтом (холмы, овраги) и одновременно с неблагоприятной экологической ситуацией. Кроме того, Смоленск у участников исследования ассоциируется с религиозно-культовыми памятниками: среди перечисленных ассоциаций главным образом встречаются упоминания Успенского собора – одной из главных достопримечательностей города. Один из участников исследования вспомнил о лозунге

«Смоленщина – земля Патриарха», обратив внимание на то, что Патриарх Кирилл ранее занимал пост митрополита Смоленского и Калининградского. Некоторые участники исследования связывают город с отдельными достопримечательными местами, например, городским садом Блонье и улицей Большая Советская, а также с новой тенденцией в области эстетического оформления городского пространства – граффити. Отдельные участники фокус-группы выразили метафорически-философскую точку зрения относительно того, чем для них является Смоленск. Они заявили, что город в их сознании связывается со смертью и болотом.

Исторический центр: границы и объекты. Для большинства участников исследования исторический центр города – это пространство внутри крепостной стены. Отдельные участники исследования убеждены, что к историческому центру относится участок улицы Октябрьской революции от Громовой башни до пересечения с улицей Николаева и улица Николаева до пересечения с улицей Багратиона (до Камерного театра), т.е. территория за пределами крепостной стены. Некоторые участники исследования представляют исторический центр Смоленска более узко, ограничивая его одним объектом городской территории, например, садом Блонье или прилегающей к нему площадью Ленина.

Туристы в центре Смоленска: основные виды деятельности. Первым делом, приезжая в Смоленск, туристы заботятся об удовлетворении своих первичных потребностей (ищут общественный туалет и места, где можно поесть). После этого они переходят к эстетическому, историческому, развивающему, дающему впечатления и эмоции времяпрепровождению. Наиболее распространенными проявлениями туристической активности участники исследования называли посещение мест с богатой историей, например осмотр крепостной стены, Успенского собора, посещение музеев (в частности, Художественной галереи, прогулки по набережной Днепра и поездки в историко-архитектурный комплекс «Теремок» во Фленово).

Что туристы должны обязательно сделать в Смоленске? Прибыв в Смоленск на поезде, туристы в первую очередь должны осмотреть интересное здание вокзала. Далее, по мнению участников исследования, туристы должны буквально «отыскать» центр Смоленска и прогуляться по нему. Во время прогулки обязательно побывать в кафе и принять участие в экскурсиях, включая экскурсии в Успенский собор, монастыри и храмы, а также посетить историко-архитектурный комплекс «Теремок» во Фленово. Участники исследования полагают, что при осмотре крепостной стены туристы должны, по меньшей мере, попытаться взобраться на нее. Кроме того, участники исследования рекомендовали посетить смотровые площадки в центре Смоленска. Гуляя по городскому саду Блонье, туристам обязательно нужно потереть рога оленя. Некоторые участники исследования добавили, что туристам также следует пообщаться с местными и обзавестись хорошими знакомствами. Также они отмечают, что в Смоленске турист обязан найти что-то для себя, связанное с его личными интересами и хобби, что-то креативное.

Объекты городской инфраструктуры, пользующиеся популярностью у туристов. По мнению участников исследования, наибольшей популярностью у туристов пользуются следующие объекты городской инфраструктуры Смоленска: кафе «Русский двор», кофейня «Surf coffee», сувенирные магазины в городском парке «Лопатинский сад» (несмотря на неудачный и неинтересный дизайн сувенирной продукции с точки зрения двух участников исследования), Успенский собор как объект религиозного культа, Исторический музей. Отдельные участники исследования также утверждают, что туристы охотно посещают такие объекты инфраструктуры центральной части Смоленска, как кинотеатр «Смена» и креативное пространство «ШТАБ».

Социальный портрет туриста, приезжающего в Смоленск. По мнению участников фокус-группы, портрет типичного туриста в Смоленске – это обеспеченный житель столичных городов старше 35 или даже 40 лет, проезжающий через город транзитом, осматривающий основные достопримечательности города за один день. Такие туристы, по свидетельствам большинства участников исследования, приезжают в Смоленск парами или небольшими компаниями. Многие из них имеют знакомых или друзей в Смоленске, либо хотят посмотреть город, с которым связана судьба их близких или дальних родственников.

Символы Смоленска: места, наиболее притягательные для жителей и гостей города. Наиболее притягательными для жителей и гостей города участники исследования считают следующие знаковые места в центре Смоленска: аллея на улице Октябрьской революции (от пересечения с ул. Дзержинского до пересечения с ул. Николаева), восточный участок Смоленской крепостной стены, торгово-развлекательный центр «Макси» («первая точка притяжения для местных и туристов», по мнению одного из участников исследования), пешеходная зона на улице Ленина, аллея с иллюминацией на деревьях на улице Карла Маркса перед входом в Лопатинский сад, скульптура оленя в городском саду Блонье, сквер на улице Дзержинского от памятника Федору Коню до колеса обозрения и площадка со светящейся аркой, где собирается многочисленная публика, площадь Ленина, городской сад Блонье, территория вокруг Вознесенского собора на улице Пржевальского, креативное пространство «Среда», Лопатинский сад, заведения сети «Пицца Домино» и пешеходная зона на улице Маяковского.

Навигация в центре Смоленска. На вопрос о том, есть ли в центре Смоленска места, которые могут запутать туристов, направить их не туда, куда они хотят попасть, многие участники исследования ответили утвердительно. Они назвали следующие места в центре города, где, по их мнению, у туристов могут возникнуть трудности с навигацией: дворы домов на улице Большая Советская, ведущие к городскому саду Блонье и площади Ленина, улица Реввоенсовета и территория справа от нее в сторону Успенского собора, небольшие старые кварталы, например, в районе улицы Красный ручей, площадь Победы. Отдельные участники исследования заявили, что проблемы с навигацией у туристов могут возникнуть на всей территории центральной части Смоленска.

Объекты инфраструктуры, которых очень сильно не хватает в центре Смоленска для привлечения в город большего числа туристов. Отвечая на вопрос о том, каких объектов инфраструктуры очень сильно не хватает в центре Смоленска для привлечения в город большего числа туристов, некоторые участники исследования выразили убежденность в том, что это различного рода креативные (творческие) пространства. Другая часть участников считает, что таким объектом должна стать качественно отреставрированная и окруженная туристической инфраструктурой Смоленская крепостная стена. Участники исследования едины во мнении, что центру города не хватает именно туристически ориентированных пространств.

Заключение

Итоги проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что в высказываниях, мнениях и оценках участников фокус-группы проявляется в основном эмоциональный тип городской идентичности. В ходе беседы практически не затрагивались экономические аспекты, а когда речь шла о проблемах планирования, благоустройства и совершенствования инфраструктуры, в первую очередь поднимались вопросы духовного и эстетического характера. Участники активно делились своим опытом эмоционального освоения городского пространства Смоленска и охотно рассказывали о чувствах, которые город вызывает у туристов и гостей города, с которыми они взаимодействовали.

В ходе исследования был сформирован обобщенный социальный портрет туриста в Смоленске: это обеспеченный житель столичных городов (Москвы или Санкт-Петербурга) старше 35 или даже 40 лет, проезжающий через город транзитом, осматривающий основные достопримечательности города за день. Собраны данные об ассоциациях со Смоленском и его историческим центром, определены наиболее частые сценарии поведения горожан и туристов в историческом центре Смоленска, установлены ориентиры, точки притяжения и узлы в центре города, выявлены слепые зоны в городской ткани, безликие и с трудом поддающиеся описанию, затрудняющие перемещение по маршрутам и ухудшающие навигацию. Определены и наиболее востребованные элементы инфраструктуры в историческом центре, а также выявлено, чего именно не хватает в конкретных локациях и на территории в целом.

Участники исследования едины во мнении, что центру города не хватает именно туристически ориентированных пространств. Часть из них уверены, что таким объектом должна стать качественно отреставрированная и окруженная туристической инфраструктурой Смоленская крепостная стена.

Список литературы

1. Егоров А.Г., Двойнев В.В., Сухова Е.Е. Смоленск – Хаген: международные кросс-культурные исследования // Современная Европа. – 2017. – № 2. – С. 135–141.

2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2000. – 608 с.
3. Лефевр А. Производство пространства. – Москва: Strelka Press, 2015. – 631 с.
4. Линч К. Образ города. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.
5. Макканнелл Д. Турист. Новая теория праздного класса. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 280 с.
6. Полякова М.А. Культурное наследие и туризм: проблемы взаимодействия и противостояния // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2017. – № 10–2 (31). – С. 240–247.
7. Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. – Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. – 344 с.
8. Харви Д. Состояние постмодерна: исследование истоков культурных изменений. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.
9. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с.
10. Cheshmehzangi A. Urban Identity as a Global Phenomenon: Hybridity and Contextualization of Urban Identities in the Social Environment // Journal of Human Behaviour in the Social Environment. – 2015. – N 5. – P. 391–406.
11. Florida R. The Rise of the Creative Class And How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. – New York: Basic Books, 2019. – 482 с.
12. Hall S. Cultural Identity and Diaspora // Identity: Community, Culture, Difference / Rutherford J. (Ed.). – London: Lawrence & Wishart, 1990. – P. 222–237.
13. Hay R. Sense of Place in the Developmental Context // Journal of Environmental Psychology. – 1998. – N 18. – P. 5–29.
14. Krueger R.A., Casey M.A. Focus groups: A practical guide for applied research. – Thousand Oaks: SAGE Publications, 2014. – 280 p.
15. Morgan D.L. Focus Groups as Qualitative Research. – London Sage Publications, 1997. – 80 p.
16. Nientied P. Hybrid Urban Identity – The Case of Rotterdam // Current Urban Studies. – 2018. – N 6. – P. 152–173.
17. Rollero C., De Piccoli N. Place Attachment, Identification, and Environment Perception: An Empirical Study // Journal of Environmental Psychology. – 2010. – N 30. – P. 198–205.

URBAN IDENTITY AND TOURIST APPEAL OF URBAN SPACES: A SOCIOLOGICAL STUDY

Vasilij Dvoinev

PhD in Social. Sci, assistant professor of Departments of Sociology, Philosophy
and Youth Work, Smolensk State University, Smolensk, Russia;
vassilidvoinev@yandex.ru

Abstract. *This article examines the development of tourist infrastructure in the historical center of Smolensk, one of the oldest cities in Russia with rich cultural heritage. Smolensk possesses hundreds of cultural heritage sites from various eras, attracting tourists from all over the country. Despite active grassroots initiatives by local communities, there is a lack of a comprehensive vision for urban development and tourism potential. The main problem of the urban space lies in the absence of a comfortable and informative urban environment for tourists and residents. The article presents the results of a sociological study aimed at identifying problems and opportunities for the development of tourism infrastructure in the central part of Smolensk. The main findings include determining the social portrait of a typical tourist, associations that arise among residents and guests of the city when Smolensk is mentioned, scenarios of tourist behavior and identified problem areas in tourist routes around the city. Recommendations for enhancing Smolensk's tourist appeal can be used to develop a city development strategy.*

Keywords: *urban space; historical center; tourist infrastructure; urban identity; sociological studies.*

For citation: Dvoinev V.V. Urban Identity and Tourist Appeal of Urban Spaces: A Sociological Study // Social Novelties and Social Sciences. – 2024. – N 3. – P. 124–135.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2024.03.09

СОЦИАЛЬНЫЕ НОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ

Научный журнал

№ 3 (16) / 2024

TRANSFORMING THE URBAN ENVIRONMENT: NEW TRENDS AND OLD PROBLEMS

Техническое редактирование
и компьютерная верстка В.Б. Сумерова
Корректор О.В. Шамова

**Институт научной информации
по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН),
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, 117418
<http://inion.ru>**

электронный адрес редакции
e-mail: sns-journal@bk.ru

Подписано в свет – 19/11 – 2024 г.

Формат 60×90/8

Уч.-изд. л. 8,0